

Кылдытэмын 1990 арын,
Потэ толзэзылы быдэ.

**КУАРТОЛЭЗЬ
ИНВОЖО**

5-6
(95-96)
2003

Журналэз кылдытись:
УДМУРТ
ЭЛЬКУНЫСЬ
КАЛЫКЕЗ
ДЫШЕТОНЪЯ
МИНИСТЕРСТВО

Редакцияз кылдытись:
УДМУРТ
ЭЛЬКУНЫСЬ
ПЕЧАТЬЯ НО
ИВОРЬЕСЬЯ
МИНИСТЕРСТВО

ВОРДСКЕМ КЫЛ

РАМОНЪ СЛОВО

И. М. Байметов -
валтись редактор.

Р. О. Хайдаров -
валтись редакторлэн воштисез.

В. Л. Андреев -
кылкутись секретарь.

А. А. Перевозчиков -
отделлэн редакторез.

Н. В. Хайдарова -
отделлэн редакторез.

Н. Г. Шакирова -
компьютерен радьясь.

С. Н. Иванова -
компьютерен бичась.

*Лыдзисьёслы Полиграфный шекаёсын (кыл-
сарысь, сурам но буш бамыёсын) журналёсты бе-
рыктоно редакцияе.*

**426057, г. Ижевск,
ул. К. Маркса, д. 262,
редакция журнала
«Вордском кыл»
(«Родное слово»)**

25-02-52-

гл редактор, зам гл
редактора
43-48-08-

отв секретарь, ре-
дакторы, гл бухгалтер

E-mail

wordk@udm.net

**Мнение редакции не
всегда совпадает с
мнением авторов
опубликованных
материалов.
Рукописи не
рецензируются и не
возвращаются.**

Журнал зарегистрирован
Комитетом по печати РФ
Reg № 013803

Подписано в печать
06 05 2003г
Формат 60x84/и
Бумага ВХИ
Гарнитура Танос
Хе изветника
Печать офсетная
Уст печ л 6,75
Уч-изд г 10 00
Тираж 1000
Заказ №3057
Цена свободная

Журнал набран и сверстан
на издательском комплексе
редакции.

Отпечатан в Ижевской
республиканской
типографии
(426057, г. Ижевск,
ул. Пастухова, 13).

«Вордском кыл» 2003

Ю Т БАИТЕРЯКОВА

Удмурт Элькуньсы Дышетон удысын национальной
ужпумьесты тодон эскеронья институтыгь наука
старшой ужась

С Н ВИНОГРАДОВ

Удмурт кун университетысь профессор

Удмуртиысь калык художник

А Н ЖУРАВЛЕВА -

Удмурт Элькуньсы Дышетон удысын национальной
ужпумьесты тодон эскеронья институтысь наука
старшой ужась

Т Р ЗВЕРЕВА

Дышетисьслэсь тодон валанзэс будэтонья инсти-
тутысь удмурт кылья но литературауя кафедрасы
доцент

А М КОМАРОВА -

Удмурт Элькуньсы Дышетон удысын национальной
ужпумьесты тодон эскеронья институтысь наука
валтись ужась

Н Ф МИХАИЛОВА -

Пичи Пурга еросысь Вуж Монья школаысь
дышетись

Р С ПЧЕЛЬНИКОВА

Дышетисьслэсь тодон-валанзэс будэтонья инсти-
тутысь начальное классьесын дышетонья кабинет-
лэн кивалтисез

Э В СУВОРОВА -

Удмурт Элькуньсы калыкез дышетонья

министрлэн нырысети воштисез

Г А ТУРОВА -

Удмурт Элькуньсы Дышетон удысын национальной
ужпумьесты тодон-эскеронья институтысь
наука вальтись ужась

Г А УШАКОВ

педагогика наукаосья доктор, УдГУ-ысь профес-
сор, МВЕУ-ысь советник

Л П ФЕДОРОВА -

УдГУ-ысь доцент

Ю А ФОМИН -

Калыкез дышетонья министерствоысь отделлэн
кивалтисез

Л С ХРИСТОЛЮБОВА -

РФ-ысь Наукаосья Академилэн Урал локетэзлэн

Удмурт институтысьтыз наука старшой ужась

В Л ШИБАНОВ

УдГУ-ысь доцент

А Ф ШУТОВ -

УдГУ-ысь доцент

Милям юбиляры

Р.И. ЯШИНА,
УдГУ-ысь профессор, УР-ысь наукай сие-дано ужась.

УЛЫТОЗЯЗ АЗЬВОРТТІСЬ

И.В. Тараканов профессорлы – 75

«Азьворттись» – тазы нимамын вал Иван Васильевичлэн 70 ар тырмонэзлы сизем телепередача. Мон малпай: кыче шонер но вакчияк верамын! Аркадий Гайдарен артэ пукти, угось солэн но псевдонимез «азылань учкись» шуэмез возьматэ вал.

Туж вазь но пыраклы шедьтиз улонь ас удыссэ Удмурт университетесь профессор, филология наукаосья доктор, РФ-ысь но УР-ысь наукаосья сие-дано ужась Иван Васильевич Тараканов. Милемлы Д.А. Яшин кузпаланым чош огиньын ужаны кылдиз вань улытозямы, шуыны луоз. Али но одиг интыын ужаськом на.

Пичиысен вордскем кылзэ яратыса, Иван Васильевич быдэс улонзэ сизе удмурт кылмес котыр ласянь эскеронлы, та удысын ужась егит дышетисьёсты будэтонлы. Туннэ нуналлы И.В. Таракановлэн печатлам ужьёсыз 160-лэсь ятыр луо, соос полын вань школаслы учебникъёс но студентъёслы юрттэт книгаос, научной пуштросьем монографиос. Зуч но удмурт кылъёсын сян, куд-ог ужьёсыз потылизэ эстон, немец, англи, мари кылъёсын.

Тодосчи эскерыса потыз удмурт кылмылэсь пöртэм удысьёссэ: лексика но лексикология кык нимысьтыз дышетон пособиос дасяз («Удмурт лексика очеркёс», 1970; «Туала удмурт кыл. Лексикология» 1992); таослы ик матэктэ солэн «Иноязычная лексика в современном удмуртском языке» дышетон пособиез (1981) но «Займствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты» (1982), «Удмуртско-тюркские языковые контакты: теория и словарь» (1995) ужьёсыз. Уно статьяос гожтыз но печатлаз И.В. Тараканов морфология но диалектология ужпумьёсья. Иван Васильевичлэсь аджем карыса но солэн юрттэмезья, та удысьёсья ужазы но ужало мукет кылчиос: Б.Ш. Загуляева. Л.Е. Кириллова. Л.Карпова. А.А. Шибанов но мукетёсыз.

Тодон-валанья кивалтйсь луыса, Иван Васильевич филология наукаосья 5 кандидатёсты дасяз. Солэн тыршемезья ог дасо ар ужа ини Регионысь диссертациосъя кенеш, кудаз кандидат луонья 19 диссертациос утемын ни. Кенеш огазея Удмурт шаерысь, Мари Элысь, Мордва но Коми Элькунёсысь, Москваысь но Новосибирскысь профессорёсты. Та Советез кужмо но зеч карон понна удмурт профессорёслы-филологёслы умой юрттызы УдГУ-лэн кивалтйсьёсыз Журавлев Виталий Анатольевич, Решетников Сергей Максимович, Туганаев Виктор Васильевич профессорёс.

И.В. Тараканов профессор юн сюлэмо но мылкыдо адями – ас аяз пуктэм ужпумёсты одно ик пумозяз быдэстэ. Таче сямызлэсь иньтёссэ мукетыз удмурт профессор К.И. Куликов 1998 арэн «Финно-угорведение» журналын (№1-2) печатлам статьяяз тазы валэкгэ: «И.В. Тараканов вордскемын но быдэ вуэмын Татарстанысь Бавлы ёросысь Урсы (Покровский Урустамак) гуртын, кудыз интыяськемын 4 эльёслэн (Татарстан. Башкортостан. Самара но Оренбург) висказы. Отын улысь удмурт казакёс кукке но вуиллям Можга, Пурга, Кибья, Читыр удмурт выжыосысь но татчы ик улыны интыяськиллям.

Пинал дырысеныз Ваня сэзь, дйсьтйсь вал, туж яратыз валёсты, энертэк но соос вылын ворттылиз. Ассэ вöсь карыны турттйсь укылтэмьёслэсь öз кышкалля, мечак пунэмзэ берыктылиз, угос солэн выжыосыз ик юнэсь вал».

Ас гуртысьтыз школазэ йылпумъямез бере И.В. Тараканов дышетскыны пыре Удмурт госпединститутысь удмурт кылья но литературауа ёзэтэ, кудыз со вакытэ зуч филологин огазеямын вал. Иван Васильевичен огвакытэ пединститутын ужаз филология тодосчи доцент Василий Иванович Алатырев, Урсы гуртын ик быдэсмен адями. Оло, солэсь ик аджем кариз Иван Васильевич?

Соослэн группазы дышетскизы вордскем кылзэс гажась, яратйсь студентёс, борысь тодро луэм адямиос: кылбурчи но тодосчи Д.А. Яшин, тодосчи профессор Г.Н. Никольская, писательёс Е.В. Самсонов но Л.П. Емельянов, методист Ю.П. Бушмакина. Ваньзы соос зеч дышетскыны, роспрос мерлыко (общественной) ужьёсы пырыськыны тыршизы.

Мон тодэмъя, Иван Тараканов, Евгений Самсонов но Даниил Яшин, литературно-творческой кружок кылдытызы, нош бöрысь азинтйзы солэсь ужзэ. Со дырысен ик мылкыдзы жутскиз арлы быдэ фольклорья но литературауа

жытьёс ортчытъяны.

Удмурт жытьёс сярысь нимысьтыз верало. Соосты дасянэ ми ныльнамы (И.В. Тараканов, Д.А. Яшин, В.К. Кельмаков но мон) пырыськылйм, кафедрен кивалтисьмы И.В. Тараканов ачиз но та ужлэсь ноку но ёз палэнскылы. Жытьёсамы трос калык люкаськылйз (ог 400-500 мурт), мыло-кыдо пырыськылйзы писательёс, кылбурчиос, артистьёс, суредасьёс, композиторъёс. Туж гажано куноос полын луыло вал крезгурчиос Г.А. Корепанов, Г.М. Корепанов-Камский, Н.Е. Шкляев, артистьёс-кырзасьёс Е.С. Пахомова, Г.И. Титов, берлогес – Г.Бекманов, В.Бекманова, Г.Ганьков но мукетьёсыз. Жытьёсмес Удмурт телевидение пыр уно пол возьматъязы.

Удмурт хор берлогес иньет сётйз «Чипчирган» удмурт фольклор ансамбль кылдытыны, соин трос аръёс Чоже кивалтйз элькунысьтымы искусствоосъя сйё-дано ужась Р.А. Анкудинова. Али дыре солэсь ужэз азьланьтэ Андрей Прокопьев. Юбиляр Иван Васильевич Тарканов жаляса вера. али бадъямесь удмурт жытьёс уг ни ортчытъясько шуыса, пичиесь чыры-пыры ужрадъёс сйече жытьёсты воштыны уг быгато угось...

Удмурт пединститутэз йылпумъямез бере И.В. Тараканов кӧня ке дышетйсь луыса ужаз Бавлы шор ёзо школаын, но жоген сое ётизы Ижгарысь Удмурт научно-исследовательской институтэ. Отын, П.Н. Перевощиков кылчлэн куремезъя, мукетьёс радян ужаз зуч-удмурт словарь кылдыгон бордын (словарь потйз 1956 арын). бӧрысь гожтйз научной грамматикамылэсь куд-ог люкетъёссэ (потйз 1962 арын).

Иван Васильевич шӧдйз. тодон-валаньёссэ но быгатоньёссэ бюджетон шуыса, соин ик 1955 арысен дышетскыны кутске Тарту (Эстония) университетэ аспирантураын, Пауль Аристе академиклэн кивалтэмез улсын. П.Арысен дуннеысь одйгез тодро полиглот (ог 40 кыльёсты тодись, 14-еныз эркын гожъяськыны быгатйсь вал).

Удмурт аспирантмы ужаз кылмылэсь аспал (Бавлы ёрос) диалектсэ эскерон бордын. Со ик луиз кандидат луон понна диссертациез. Тарту университетлэн библиотекяз удмурт авторъёслэн произведенийоссы уно гинэ вал. Отын со тодматскиз Кузёбай Гердлэн, А.Окилэн, Кедр Митрейлэн, М.Коноваловлэн, М.Тимашевлэн гожъямьёсынызы. Удмурт шаерысь та авторъёслэсь книгаоссэс шедьтыны ик уг луы вал (ваньзы соос репрессия улэ шедьлэмын угось). Аспирантураын дыръяз Иван Васильевич вуылйз озыи ик Ленинградсь но Москваысь библиотекаосы. Озы со диссертацизэ дырыз дыръя утыны быгатйз но собере Удмурт пединститутэ ужаны пыриз. Тйни со дырысен И.В. Тараканов ужа Удмурт пединститутын, кудзэ 1972 арын университетлы пӧрмытйзы. 45 ар пала огазын ужаса, ми соин Чошатскылйм но, ог-огмы доры куное но ветлылым, ог-огмылы юрттылым но. Улонын жечез но шугез артэ вামышъяло. Иван Васильевич но солэн кузпалыз Люция Васильевна туж мур куректон пыр ортчизы – ыштйзы 19 аресъем одйг гинэ пизэс. Озы но ёз сётске кайгулы, ёз ыштэ улонлы оскон мылкыдзэс. Нош ик юрттйз луоз атайлы юн сямю луэмез, ужын вунэтыны тыршиз сюлэм вӧсьсэ.

Бен, Иван Васильевичез гажало Чош ужась эшъёсыз но, студентъёс но.

мукет финн-угор элькунысь тодосчиос но.

Тодмо удмурт нылкышно тодосчи А.С. Зуева-Измайлова туж шонер верам: «И.В. Тараканов син шоры выльвылэз гырысь кадь йӧтэ. Со умой, мур гыре. Солэн гырем кузяз мукетьёсыз капчиенгес мыно ини».

Иван Васильевич быгатэ жеч эш луыны. Тужгес юн эшъяськиз со Е.В. Самсоновен, Л.П. Емельяновен, Д.А. Яшинэн, К.И. Куликовен. Евгений Васильевич Самсонов улоньсы кошкем бере, Иван Васильевич юн куректӥз, ваньзэ лэсьтӥз эшезлэсь гождямъёссэ поттон понна. Та сярсь ик вера литературая тодосчи З.А. Богомолова: «Куинь ар пала ми ужамы Е.В. Самсоновлэсь «Недопетая песня» книгазэ дасян бордын. Иван Васильевич ваньзэ лэсьтӥз книгаез одно ик лыдзись доры вуттон выльсы».

Бадӥым юбилееныз ӥрдыт жечкыласа, сӥзэм И.В. Тараканов профессорлы выль азинсконъёс, юн тазалык но шуд. Атаез сямен ик, 100 арессэ но пусйыны мед быгатоз та тыршись Адыми, зэмос азьворттӥсь!

Михаил АТАМАНОВ,

филология тодосъёсыя доктор, Библиез удмурт кылэ берыктӥсь, священнослужитель.

АЙКАЙ ШАЕРЫН ВОРДӢСЬКЕМ ДЫШЕТӢСЕ

1970 арын университетэ дышетскыны лыктэме дырысен, куамын куинь ар Ӟоже ини, И.В. Тараканов мынам дышетӥсе, визьнод сӥтӥсе. Мӧйымемяз со мыным атае кадь но потэ. Сомында дыр Ӟоже валче улыса, мынам солы ноку но вождпоттэме ӧвӧл, гажан, яратон мылкыды пуроме гинэ.

Нырысетӥ курсысен ик со милемыз дышетыны кутскиз, куратормы но вал. Шонерзэ ке верано, со виын студентъёсын кураторъёс туж жеч ужаллязы. Ӟем ортчылӥзы кенешъёс но пӧртэм ужрадъёс.

Дышетӥсьмылэн, атаймылэн ужамез-тыршемез юнме ӧз луы: группаямы дышетскемъёс куинез филология наукаосъя докторъёс луизы, кыкез нылӥсмы филология но педагогика наукаосъя кандидат ним басӥтӥзы. Тамында тодосчиос одӥг удмурт группаыс но ӧз на потэ. Вань меда таӇе лыдпус мукет факультетъёсын но?

Та ужын Иван Васильевичлэн жеч мылкыдыз туж шӧдӥське. Солэн кафедраен кивалтон арӥсез коня мурт наукае сюрес лӥгиз ни! Мынам но

наукае сюресэ мур герзаськемын соин. Кандидат луон диссертациме утеме бере ноқыче но мылкыды ой вал доктор диссертация борды кутскыны. Огсыр ужай доктор нимтэк но луэ ук книгаос гожъяны, статьяос поттыны.

1989 арын наукаыс черке кошки но куаты ар чоже научной ужен ой выры. Нош Иван Васильевич но Н.П. Павлов одно ик турттйзы, мон доктор мед луом шуыса. Нош мон лушкемен ялан пумитьяски талы. Соку соос, уд-

мурт калыклэн пурисътам кык визьнодчиосыз, духовной атае доры, Иуви-налий архимандрит доры мыныса, солы вазиськызы: доктор диссертация гожтыны со монэ бакель мед кароз, пе. Паймод, но монах, духовной атае, зеч кылзэ вераз. Борысь Удмуртиысь черкьёслэн йырзы, Николай архиепископ но бакель кариз.

Пушкысьтым пумитьясысь кужымме тйяса, научной книгаос, статьяос борды басътыскытэк ййлась: духовной атайлэсь бакель каронзэ (благословенизэ) одно ик быдзстыны кулэ. Арэн жыны ортчыса, филология наукаосъя доктор луи. Соберегес ик доктор диссертацизэ утиз Т.Г. Перевозчикова-Владыкина, нош туэ докторлэсь дипломзэ басътыз А.Ф. Шутов. Ми ваньмы И.В. Таракановлы, В.К. Кельмаковлы, Д.А. но Р.И. Яшинъёслы, С.В. Соколовлы – вань дышетисьёсмылы тау кариськомы тодослэн выли тубатаз жутскыны юрттэмзы понна.

Иван Васильевич – паймымон лякыт, сюлмаস্যкись, кылзэ юаны быгатись адыми. Азъти-берти супыльтыса уз ветлы – ме́чак вералоз но тйни.

Удмуртлыкез утёнъя ортчтыськись ужрадъёсы пырыськытэк И.В. Тараканов ноку но уз кыллы. Лулыз-сюлмыз висе, кызыь вордиськем музъем выламы удмурт кыллы, удмурт калыклы пумен зоскыт но зоскыт инты кыле. Калык изе, бырьёнъёсын кинлы сюрем, солы куаразэс сето, уката ик уйпал ёрзасьсын. Студентьёслэн асваланы улыын: удмурт кылэн, лулчебертыкен герзаськем муртъёс но вордэм калыксы понна куаразэс поттыны кышкало, яке пумит мыно. Та пумысен но удмурт профессорлэн сюлмыз юн висе. Зэмзэ но, кызыь валалод – палэнысь вуэм муртъёс элькуньсытими кивалтэтэз гинэ ёз киултэ, вань музъем асваланы вузаса, таркаса быдто ини, нош асьме калыклэсь визьмо пиоссэ, ныльёссэ кивалтон удислэсь палэнто – пöртэм амальёс шедьтыса, ас вордскем музъемазы кузё луыны луонлык уг сето.

И.В. Тараканов вордиськемын удмурт шаермылэн палэнза, бигер улослэн лымшор палаз – Оренбург, Самара улосмыльёсын артэ интыяськем Бавлы ёросын. Башкир Элькунэн Ик шур гинэ висъя (куинь вамышьем выж

валтыт потйд ке, башкырт уромъёс доры вуод, но со понна нуналлэн дырыз кык часлы висъяськоз. Бигер, чуваш, мукшы (мордва), зуч гуртьёс, аульёс виски пуксеман Иван Васильевичлэн яратоно Урсыгуртэз (зуч нимыз – Покровский Урустамак) – бадзым, узыр, вашкала удмурт гурт.

Та ёросын ог дасо пала удмурт гуртьёс, починкаос. Татын вордскемын асьме калыклэн нимо-дано нылпиосыз – кылбурчиос, писательёс: М.Можгин, Е.Самсонов, В.Романов, кыл удысысь тодосчиос В.И. Алатырев, И.В. Тараканов. Озыь бере, та пальёсын кылзэс, культуразэс юн гажало, утё.

Бавлы ёрос – «Айкай» кырзанлэн улон интыез, татысен со удмурт калык пöлы вöлмиз; туж синмаськымон, данъяськымон ансамбльмылэн гинэ нимыз öвöл. Кыче ке но узыр вузкарьсь та нимлы синмаськыса, дыр, шоркарьсьтымы тросэзлы вузкаронниосызлэн йылаз «Айкай» гождытэм. Тау таиз понна ке но.

Айкай – со шунды сиос улын вордыськись тулысез, жужась ю-нянез, турын-куарез, улонез-вылонез данъясь кырзан. Сюлэмез позыртйсь гурез кылйсько ке, туж вашкала-вашкала удмурт дуннее вуисько – Кам дурысь нюлэсьёсы, италмас сяськае возывылъёсы, узыё, эмезё вöлыюсы, Вало, Туймы, Чупчи шуръёс кузя интыяськем удмурт гуртьёсы, куке асьме калык аслаз вордскем музеймаз кузё луыса ульиз, тушмонъёсызлы пезыдат сётыны кужымез тырмылйиз. Нокинэн ожмаськыса-жугиськыса öз улы, уго асьмелэн, финн выжы калыкёслэн, вирамы пычамын ог-огеныд гинэ öвöл, вань бускель калыкёёсын но тупаса улон.

Но вуизы сыче дыръёс, удмурт калык сюрс арьёсын улэм ас музейм вылысьтыз кошконо луиз кыдкысь мурт шаеръёсы. Ог 300 арьёс талэсь азьвыл, Петр I Санкт-Петербургец пуктыны кутскыку, кужмо армия, флот кылдытыку, выль городъёс, крепостьёс пуктылыку, Европае «укно чогыны» кутскыку, ужась калыклэсь берпум вирзэ юизы. Пумтэм трос но бадзымесь выт бичаны кутскизы, воргоронъёсты городъёс, из-каръёс (крепостьёс) жуто-не, уката ик корабльёс лэсьтыны. Кам дурысь нюлэс коранъёсы кысканы кутскизы. Жуммытэм калык, асёс, нылпиосёс, улон азылалз утён понна, пегаса улыны кутскиз. М.В. Гришкина историкмылэн люкам материалъёсызья тодыськомы, ог 30 процентэз лымшор удмуртьёс нюлэсьёсын пегаса ульизы, Кам съёры – туала Башкирие, Уралэ, Оренбург пала пегзано луизы.

Можга, Кибъя, Эгра, Пурга, Пельга, Уча. Какся, Зумъя, Пышья, Бигра воршудэ пырись удмуртьёс Ик шур кузя кошкыса вуизы туала Татарилэн Бавлы но Башкирилэн Ермакей ёросъёсазы.

1710-1716 арьёсы ортчытэм перепись материалъёсты чакласа-эскерыса тодыны быгатй: мынам Вуж Эгра гуртысьтым со виын 28 семья пöлысь дас тямьсэз юртсэс-ерзэс куштыса пегзано луиллям. Бускель Пурга гурт быдэ-сак кöчыса бырем. Тросэз соос Бавлы, Ермакей, Янаул, Калтасы, Куеда ёросъёсы вуиллям. Туала Бавлы ёросын кыказ гуртын – Пыкетын но Урсыгуртын уло Эгра выжыысь удмуртьёс.

Гажано Иван Васильевич, ваньмы асьмеос, та дуннеын ульисьёс, чыжы-выжыос луиськомы: кин Эгра, кин Бигра, кин Пурга – ваньмы удмуртьёс,

ог-огмес яратыса, гажаса, юрттійськыса улоно муртѳес.

Алигес вордскем гуртам вуыли, но одіг тодмое тунсыко ивор вераз: артысь Муркемыр но Тэремшур гуртѳесын Акашка (тулыс праздник, Пасха) дырѳя воргоронѳес зыгырскыса «Айкай» шуыса, пе, кырзало вал ог 50-60 арѳес талэсь азьвыл гинэ. Озыыеи, воршудмы гинэ овол, «Айкай» кырзанмы но асьмеды огазея.

Гажано дышетісе, бадѳым учёной, ас калыкезлэсь кылзэ дышетонлы, азинтонлы, узырмытонлы сйзем профессор, удмурт калыклэн яратоно, сйлы кароно муртэз, ойдо артэ пуксьыса «Айкай» гурмес кырзаломы. Сюлмамы люкаськем секытлыкѳесмес вунэтом но вордскем удмурт калыкмылы уноуно улон арѳес сйзём. Асьмеос ом ни ке но луэ, Айкаез – улонэз, тулысэз, валче улонэз данѳьясь кырзанэз кырзамысь удмурт калык медаз дугды, уго со пыр дуннелэн вань пумѳесаз улійсь удмуртѳес вашкала, чебер удмурт дуннее вуо но улыны, ужаны кужым басѳто.

Е.Ф. ВАСИЛЬЕВА,

кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языка
факультета чувашской филологии Чувашского государственного
педагогического университета им. И.Я. Яковлева,

А.А. СОСАЕВА,

старший научный сотрудник отдела языкознания Чувашского
государственного института гуманитарных наук.

ЯРКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Огромный талант и многогранен научный интерес известного удмуртского лингвиста, доктора филологии, профессора, заведующего кафедрой удмуртского языка и методики его преподавания, заслуженного деятеля науки Удмуртской Республики и Российской Федерации, академика Академии наук УР Ивана Васильевича Тараканова, преданного науке неутомимого труженика, опытного педагога, внимательного и чуткого наставника студентов и аспирантов.

В эти дни весь финно-угорский и тюркский мир поздравляет великого ученого со славным юбилеем и желает ему крепкого здоровья на долгие годы, новых творческих поисков на нелегком поприще педагогической и научной деятельности.

Языковеды Урало-Поволжья восхищаются вкладом Ивана Васильевича в финно-угристику и тюркологию.

Иваном Васильевичем, корифеем науки, написано огромное количество статей по удмуртской диалектологии, по различным отраслям как удмуртского, так

и сравнительного языкознания, а также ряд монографий: «Удмурт лексика очерксь» (1971), «Иппоязычная лексика в современном удмуртском языке» (1981), «Займствованная лексика в удмуртском языке» (1982), «Туала удмурт кыл: Лексикология» (1992), «Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь» (1993). Замечательный методист разработал учебные программы, пособия, методические указания для студентов и учителей.

Для народов Волго-Кавказа, тюркологов труды И.В. Тараканова представляют большой научный интерес. Исследуя удмуртско-тюркские контакты, Иван Васильевич выявляет булгарские и татарские заимствования в удмуртском языке, разграничивая от них древнетюркские слова. В книге «Займствованная лексика в удмуртском языке» он анализирует изменения в булгаризмах и татаризмах как лексико-семантическом плане: выделяет слово и формообразовательные средства тюркского происхождения, определяет их место в словообразовательной системе удмуртского языка. «Ученый констатирует, что новые словообразовательные модели в удмуртском языке происходили под влиянием соседних тюркских языков.

Вопрос о булгаризмах, или так называемых чувашских заимствованиях в удмуртском и коми языках, в лингвистике поднимался не раз и решался по-разному, исходя из теории родства уральских и алтайских языков. И.В. Тараканов считает, что древнетюркские заимствования представляют собой наидревнейший слой тюркской лексики в словарном составе пермских языков, однако, по его мнению, тот слой лексики, который является общим для всех урало-алтайских языков, к булгаризмам не относится.

Выделение булгаризмов среди тюркских заимствований — весьма сложная проблема, так как «язык волжских булгар не оставил после себя почти никаких свидетельств, кроме нескольких надгробных надписей XIV столетия и немногочисленных слов, сообщаемых летописью, и так называемого славяно-булгарского именика». На основе этих скудных данных И.В. Тараканов убедительно доказывает сходство булгарских форм с чувашскими. В своем уникальном исследовании он приводит список булгаризмов, обнаруженных Ю. Вихманом (108 слов), М.Р. Федотовым (70 лексем), разными авторами (26 единиц), и утверждает, что в удмуртском языке булгарские заимствования подвергались к фонетической и семантической адаптации. Выявленные им фонетические особенности в заимствованных булгаризмах дали Ивану Васильевичу возможность подчеркнуть, что характерное для древнебулгарского и чувашского языков явление ротацизма, т.е. произношение *r* вместо *z* в других тюркских языках, неплохо представлено в удмуртском и коми языках: удм. *бултыр* ~ баник, *балдыз*, тат. *балдыз*, чув. *пультър* «свояченица»; удм. *амсыр* // *ансыр* ~ башк. *иңез*, тат. *иңез*, чув. *ансър* «узкий»; удм. *эрыксыз*, коми *эрыксыр* «насильно, силой» — башк. *ирәкһез*, тат. *ирәкһез* — зависимый», чув. *ирёкёёр* «насильно, неохотно».

Обнаруженные фонетические чередования в удмуртском и современном чувашском языках позволили И.В. Тараканову представленные М.Д. Федотовым как чувашизмы (*ййлан* «упрашивать», *ййман* «суслик», *ййши* «ошибка», неверный, неправильный», *сърха* «иноходь», *йёкет* «молодой, молодой парень, юноша» *йёс* «латунь, желтая медь, проволока») причислить к татаризмам.

Изучая труды тюркологов, И.В. Тараканов четко выделяет отличительные

признаки болгаро-чувашишких заимствований в удмуртском языке — наличие небольшого количества слов с протегическим губно-зубным согласным *в* в начале слова: удм. *вэмэ*, мар. *вума*, *мума*. мар. г. *вима* < чув. диал. *вима*, лит. *ниме*; башк., тат. *вма* «помощь, коллективная помощь». Ученый также подмечает, что в конце слова чувашскому *м* в других тюркских языках иногда соответствует *и*: удм. *итым* «гумно» — чув. *итем* // *йѣтем* — «гумно, ток», башк. *изэ*, тат. *идэн* «пол».

В булгаризмах Иван Васильевич находит отличия и в области гласных: в чувашском, удмуртском, коми языках наблюдается анлаутный *а*, в кыпчакских (башкирском и татарском) языках вместо заднерядного *а* выступают передняя зычные (переднерядные) гласные: удм., коми, чув. *арлан* — башк., тат., *эрлэн* «хозяк»; удм., коми *кабан*, чув. *капан* (звук *п* между двумя гласными озвончается) — башк., тат. *кибэн* «стог, ядль».

Иван Васильевич заметил, что вместо башкирского и татарского *а* в первом слоге слова в булгаризмах употребляются *у* или *о*: удм. *уксэ* — чув. лит. *укса*, диал. *окса*, башк. *акса*, тат. *акча* «леньги»; удм. *улмо* — чув. лит. *улма*, диал. *олма* // *амла*, башк. *алма*, тат. *алма* «яблоко»; удм. *уробо* — чув. лит. *урана*, диал. *орана*, башк., тат. *арба* «телега».

Не касаясь причин возникновения указанных выше фонетических явлений в чувашском языке, И.В. Тараканов обращает наше внимание на то, что переход древнетюркского *а* в *о*, *у* в чувашском языке и сужение финно-угорского *а* в *у* в первом слоге слова в удмуртском языке представляют собой почти одновременный процесс, только в чувашском языке, по его мнению, данный фонетический закон действовал, по-видимому, дольше, а в удмуртском он прекратил свое действие раньше. Свои предположения он доказывает поздними заимствованиями из татарского языка: удм. *басма* — чув. *пума* < тат. *басма* — «ситец».

И.В. Тараканов утверждает, что стяженные *-ыва* // *-ыв* в сундырском и оворе чувашского языка соответствуют *ө* в удмуртском языке и подчеркивает, что такое звукосоответствие наблюдается при деабилитации чувашского *а* > *у* > *ы*: удм., коми *сöу*, *сöл* — чув. лит. *сыва*, диал. *суй*, тат. *сау* «здоровый, неярдимый»; удм., коми *сöсыр* — чув. *сусыр*, тат. *саусыз* «калека, инвалид»; удм., коми *сöльык* — чув. *сылык*, тат. «трех».

Анализ лексического материала удмуртского языка И.В. Таракановым свидетельствует о близких контактах финно-угорских и тюркских предков в течение многих столетий.

«*Кайык хитре тёкёне, этем хитре ёсёне*» — «Птица красива пером, человек прекрасен трудом» говорят чувашки о таких людях, как И.В. Тараканов, достойных всеобщей признательности и благодарности.

Подобные сопоставительные исследования актуальны, обогащают науку новыми данными о всевозможных взаимосвязях народов и языков Урало-Поволжья и Волго-Камья.

Удмурты по праву могут гордиться изумительным, многосторонним ученым финно-угроведения и тюркологии, академиком Иваном Васильевичем Таракановым, прекрасным сыном своего народа.

Честь и хвала, дальнейших новых творческих изысканий, доброго здоровья Вам, дорогой наш Иван Васильевич! Ырлэх-сылыкх Сире!

Зечкыласьком!

Тузъ толшоре А. Ф. Шутовськы филология наукаось доктор муэмз Россия Федерациясь Аттестациясь выль комиссия (В.А.К.) юк. матиз. Нош куартолозе сое УдГУ-ын профессор должностьсь выжтизы.

Выль удмысады зеч азимскопчэс Тйледмы, Александр Федорович!

А. Ф. ШУТОВ,
профессор УдГУ, доктор филологических наук.

О ТРАНСФОРМАЦИОННОЙ ПРИРОДЕ УДМУРТСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

О том, что предложения с инфинитивными (немопосубъектными) конструкциями возникли из двух простых предложений, свидетельствует ряд высказываний (теорий) относительного статуса и природы происхождения конструкций указанного типа на материале разных языков: теория сокращения предложений с помощью неличных форм глагола (если эта теория в русистике была отвергнута, то для удмуртского и вообще языков агглютинативного типа актуальность не утрачена), трансформация предложений (зависимые трансформы) [Kurylowicz 1964: 30; Гаджиева 1973: 212, 235], номинализация предложений [Kangasmaa-Minn 1970: 118-131; Bartens 1979: 17], свернутое предложение [Цыпанов 1997: 19], конструкции «бессоюзного ги-

потаксиса», «склонение предложений» [Черемисина 1979: 3, 40] и другие.

Трансформационную сущность предложений удмуртского языка можно продемонстрировать, взяв за исходное любое предложение. Для иллюстрации этого явления возьмем сначала предложение со сказуемым, выраженным личной формой глагола и проведем трансформации предложения (по выражению М.И. Черемисиной, «просклоняем» его): *Коля городысь гуртэ бертэ* 'Коля из города в деревню возвращается' — *Коля городысь гуртэ бертыку, куазь шундыё вал* 'Когда Коля возвращался из города в деревню, погода была солнечная'; *Коля городысь гуртэ бертэм бере, куазь шулдыр кариськиз* 'После того как Коля возвратился из города в деревню, установилась хорошая погода'; *Коля городысь гуртэ бертон нуналэ куазь шундыё вал* 'В тот день, когда Коля вернулся из города в деревню, погода была солнечная'; *Колялэсь городысь гуртэ бертэмзэ ми кемалась витиськом ипи* 'Мы давно уже ждем, когда Коля вернется из города в деревню'; *Колялэн городысь гуртэ бертэмзэ милемыз ваньмес шумпоттiз* 'Нас всех порадовало, что Коля вернулся из города в деревню'.

Подобным образом можно преобразовать предложения с именным сказуемым (без глагольной связи): *Куазь шулдыр* 'Погода хорошая' — *Куазь шулдырен пинальёс кыре потэмьин* 'Так как погода хорошая, дети вышли во двор'; *Куазь шулдырлы ваньмыз шумпото* 'Все радуются, что погода хорошая'; *Куазь шулдыр нуналёсы ми бусыын ужамы* 'В те дни, когда погода была хорошая, мы работали в поле'. Указанные трансформы позволяют более подробно раскрыть природу протекновения гипотактических конструкций с инфинитивными глагольными формами и другими словами в удмуртском языке.

Предложения с немоносубъектными конструкциями возникли из двух самостоятельных предложений и являются одной из древних форм выражения гипотаксиса в удмуртском языке. Действие порядка слов «определение + определяемое» в удмуртском языке приводило к тому, что, втягиваясь в рамки подчиняющего предложения, глагол-сказуемое подчиняющегося предложения превращалось в деепричастие, причастие, отглагольное имя в падежной форме или с послелогом, а именно сказуемое подчиняющего предложения при трансформации подвергалось адъективации или субстантивации.

Литература

- Гаджиева Н. З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков /АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1973. 406 с.
- Цыганов Е. А.* Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция. Екатеринбург: УРО РАН, 1997. 210 с.
- Черемисина М. И.* Некоторые вопросы теории сложного предложения: Учебное пособие. Новосибирск, 1979. 82 с.
- Bartens R.* Mordvan, tšeremissin ja votjakin konjugaation infinitiisten muotoen syntaksi // SUST. Helsinki, 1979/ № 170. 251 s.
- Kangasmaa-Minn E.* Über die Nominalisierung des Satzes im Tšeremissischen // Symposium über Syntax der uralischen Sprachen. Göttingen 1970. S 118–131.
- Kurylowicz J.* The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1964.

Т.И. ЗАЙЦЕВА,
филология тодосъёсья кандидат, УдГУ-ысь доцент.

А.ПЕРЕВОЗЧИКОВЛЭСЬ «ЧУЛПОН» КНИГАЗЭ ЧАКЛАН-ЭСКЕРОН

Удмурт факультетын дышетскись студентъёслы «Удмурт литература та нунальёсы» («Текущая удмуртская литература») спецкурс лыдзиське. Эскероно кариським А.Перевозчиковлэсь 1995-тй арын потэм «Чулпон» книгазэ. Та гожтосэз лыдзыны басетьськемзы бере ик тросэз ужаса дышетскись студентъёс «ум валаське», «шуг валаны» шуыса доре вуылыны ёдъязы. Ма вераны ик, пе, паймоно, шуак йыромем мург кадъ луоно. Сокем ик урод ёвёл со, кукке лыдзись «йыроме», солэн йыраз но сюлэмаз пёртэм юаньёсыз кылдо, произведение пумысен кинэн ке вераськемез потыны кутске. Но жалыса верано, туннэ критикъёс ёжыт гожьямен, книгаослы рецензиос потылэмысь дугдэмен, лыдзисьлэн ас малпанъёссэ-мылкыдъёссэ мукет югдуръёсын но дунъетъёсын чошатыны луонлыкыз быремын яке туж но туж ёжытомемын, шуыны луоз.

Озыен. «Чулпон» кингалэн маиз ке сюлэмез чепыльтисез, лулэ-пуше каръяськисез вань. Шуге-леке вуэм лыдзись адзытэ, «Чулпон» книга аспортэмлыко, майныз ке висъяськись, музон пормем шуыса. Зэм, А.Перевозчиковлэн «Чулпон» книгазэз пыртам произведениеос жанр ласянь туж тунсыко гожтэмын. Соос туалал удмурт прозалэсь берло арьёсы угчаськонъёссэ туж яркыт шодыто. Возьматэ прозалэсь жанр ласянь выльдиськыны тыршемзэ, авторлэсь малпаськытись проза радян угчаськемзэ, композицизэ тунсыко радъяны сюлмазькемзэ, героелзэсь пöseкъян-шумпотонзэ, пуш дуннезэ усътыны выремзэ. Тужгес но зол со шодиське «Чулпонын», кудыз гожтэтъёсын верос шуыса нимамын. Веросэз гожьясез одйг шуыны луоз, гожтэтъёс пи дорысь ныл доры мыно. Верослэн пумаз гинэ ныллэн гожтэтэз сётэмын. Оло тае «дневник» но карыны луоно вылэм. Автор таче сюресэз уг бырйы. Малы?

Мыным потэ, А.Перевозчиковлэн героелзы огшоры веросын зоскыт луиз но со мукет жанре курыськиз. Со сына, веросысь шодиськомы, герой дневник нуэ на шуыса. Героймылы гожтэтъёсын гинз уг тырмы. Со гожьяськись адыми, ассэ писателе дасясь студент, удмурт факультетын дышетскись. Солы, вуоно писательлы, одно сак кылзись, лыдзись кулэ. Автор мукетызлэсь гожтэтъёссэ уг сёты, малы ке шуоно, солэн егит героелзэсь лул-пуш дуннезэ, куректон-шумпотонзэ, малпан гердъёссэ мургес усътэмез потэ. Ваче гожтэтъёс ке мынысалзы, авторлы суреданы кулэ луысал кык адымиослэсь кусыпъёссэс, лыдзисьлы чектыськысал «верос-переписка». Соиз ик умой: автор пуш ласянь усътоно кариське гожьяськыны куткись егит адымилэсь улонзэ. Зэм, татын ваньмыз ик вылы куронъя пёрмемын ёвёл, уго огшоры верам гинэ со ёжыт, кулэ мур кылсуредэн героез возьматыны. Мукет ласянь, одно ик пусйыны кулэ,

удмурт литератураын таңе амалэз уже кутыса гожъяськисьёс туж ёжыт, ёвёл на та удысын йыг-йыг лёгем сюрес.

Мыным туж тунсыко, кы́че лул-пуш дуннезы удмурт филология факультетын дышетскись егитъёслэн, тужгес ик воргоронъёслэн. Кы́че писательёсты соос лыддо, кин яра, кызы ваньмон дырзэс орчыто но трос мукетыз. Огкылын вераса – кин со сы́че туала студент? «Чулпон» веросын вераськон мынэ 1970-тй аръёсы дышетскись студентъёс сярысь. Пичи гинэ гожтос пыр адзыны луэ быдэс вакытлэсь шокамзэ, улэмзэ. Та аръёсы гожтэтъёс ысьяны, гожтэтъёс пыр кусыпъёс тупатыны аспёртэмлыко мода но вал. Вожъяськоно вал соослы, кинлэн вань гожтэтъя яратоно ашез. Романтикъёслэн вакытсы но дырзы вал ук со! Чаклалэ ай, кы́че чебер, ненег, чылкыт кусылсы веросысь егит пилэн но нылэн. Авторлэн чеберлыко тупась амал шедьтэмезъя ик асьмеос оскиськом та веросын мадем учырын, матэ басьтйськом геройёслэсь улон сюрессэс. Малпасыко, А.Перевозчиковлэн та гожтэм ужез асьме доры беромыса вуэмын. Кылдэмын ни вал, дыр, со азылогес ик. Но со понна туала егитъёс тодматскизы анай-атайёссылэн вакытэнызы, пыдлось лул-пуш малпанъёсынызы. Нош гожъяськыны кутскисьёс пайдалыко адзэм карыны быгато.

Кызы тодмо, али та удысын куаразэс учтасъёслы чурытгес куронъёс пуктйсько. Соосты писатель азе нырысь ик пуктэ жанр. Солэсь катъёссэ лыдэ басьтымтэзы ик асьме авторъёсты лыдзись азын чёмысь шуге-леке вуттэ. Гожъясьлы аслыз нырысь ик зеч-зеч тодыны кулэ, ма со асьмелы вераны турттэ, собере ини соя вылтус но каб быръёно. Соку вормон авторлы кизэ одно ик сётос. Мар бен мадыны малпам А.Перевозчиков «Чулпон» книгаеныз? Нёшто кагазэз наштан понна гинэ гожъям? Ёвёл! Татын котырысь улонлэн, адымиослэн пёртэм-пёртэм луэмзы, бадзым дуннелэн трос векчи пырыосыз, суредъёсыз адзйсько. Та ласянь синмаськымон висьяське А.Перевозчиковлэн «Олён» веросэз. Паймымон шонер суредта писатель нылкышнолэсь мылкыдзэ, солэсь сюләмшугъяськонзэ, туж юн нуны вордон потэмзэ. Далай курадзёмез, куректэмез, пурт улэ пырылэмез бере гинэ кышномуртлэн кема витем, возьмам нылпиез вордйське! Писатель быгатэм нылпи вайыны мылкыд карись нылкышно сюләмез пёртэм кылсуредъёс пыр зэмлыко усьтыны. Но верос йылсамтэ, кутсконзэ пумыныз герзэмтэ. Туала удмурт прозалэн, мынам чакламея, со самой бадзым ыштонъёсыз герзаськемын произведенийез йылаз-пумаз вуттымтээн, быгатыса лэсьтэм суредъёс, учыръёс ас кожазы уло, произведенийослэн огъясь бадзым кужымзы ёвёл. Тани «Олён» верос пумысён но таңе юанъёс кылдо: малы тэшатэмын Олёнлэн картэныз кусыпсы? Нунызы ёвёлэн-а уг вала Олёнэз картэз? Яке кы́че ке мукет мугъёс вань на-а? Та юанъёслы валэктонэз авторлы йыраз возёно вал но каньылля гинэ, син шоры туж-туж возьматйтэк, акыльтыно кушатэк, верос кузя ёръяно... Шуом, «Сясыка усьтйськиз» веросын усто возьматэмын кусолэн «ужам бервылыз». Син азе гинэ уг пуксы та суред, турын, сясыка, пёртэм будос зынэз быдэс мугорыныд шодйськод... Но нош ик! Кызы картэдлэсь киоссэ уд тодма?! Калыклы паймыса улыкуз, Насьтоклэсь синъёссэ кин ке киосыны пытсаз. Кин меда? Ки лэзисыке. Картэз вылэм...

Анатолий Перевозчиков – учтасъёс автор. Со шедьтыны тырше аспёртэмлыко гожъян амалъёс, кудъёсыз асьме удмурт литературалэсь ёрзэ пась-

кыгата, пöртэм тулкымьёсын узырмыто. Прозаын со утча но кылдытыны выре сыче жанр, кытын гожьясьлэн малпанэз тылобурдо сямен эркин лобалоз. Та ласянь «гожтэтъёсын верос» – бадзым шедьтон.

А.Перевозчиковлэсь уноезлы дышетскыны луоно. Мыным яра та писательлэн улоньсы зечез пыр шагрессэ шараямез. «Чулпон» веросэз сяна, та книгаысь тросэз ужъёсыз солэн гожьямын 70-тй аръёсы, Соин ик А.Перевозчиковлэсь прозаэз ас дырыныз валче карыса учконо ке, малпано – со ас дырызлы пумитьяськон, официальной зöк романъёслы аспöртэмлыко мытылон вал, дыр.

А.Перевозчиков туалэ удмурт адями шоры вашкала сям-йылолъёс пыр учке, гожьяськоназ со уг куты (яке туж шер кутэ) символэз, условностез, метафореэ, фантастикаез. Шуыны луоно, А.Перевозчиков ужа удмурт прозалэн сямен пычам реализм амалэныз, геройёсыз солэн зэмос улоньсы басьтэм кадесь ик. Нош тазы суреданы секытлэсь но секыт. Юнме шат туалэ писательёс, А.Перевозчиков выллем ик, ас азязы ужпум пуктыса (кылсярысь, адямиез вашкала йылолъёс пыр возьматонэз ик), выжо миф, выжыкыл, фантастика вылэ. А.Перевозчиков – со юн сямо, шуг-секытьёсты чидась, ужаны, азылань мыныны тыршись писатель. Со шуэ: «Мон гожто, мон пöрмыто, нокыче серекъян, мыскыл каремзэс кылзйтэк».

Эшшо. Автор азыло ужёсаз лыдзисьса чемысь китиз кутыса нуэ ке вал, яратэ ке вал тросэз валэктыса сётыны, туннэ ассэ чутрак воштыны быгатиз – героезлэсь гогызэ ас бордысьтыз чогиз. Геройлы кожаз улон капчыяк уг сётиськы, татысь ик пото куд-ог вылы верам тырмымтэос. Но таин валче А.Перевозчиковлэн юнмэз текст съборысь адямилыкез, яратонэз, жальянлыкез, зүч сямен вераса – гуманизмез.

Тунсыкоесь малпанъёссэс веразы А.Перевозчиковлэн прозаен гожтэм ужъёсыз сярысь УдГУ-ысь удмурт факультетын дышетскись студентъёс. Со сётэм дуньетъёс мынэсьтым вылы верам кылъёсме паськыгата но узырмыто, аспöртэмлыко каро. Тани соослэн рецензиосысьтызы куд-ог чуръёс:

«...Мон понна тужгөс но кельшымонэсь йöгйзы «Чулпон» книгае пыртэм таچه ик нимо гожтэтъёсын верос, «Из но, му но пилиське но...» очеркез, «Ой, нэнийе-песянае» «беромем» гожтэзэ, «Анай дорын», «Пичи дыр», «Концерт» шуыса нимаськись вакчи веросъёсыз но юморескаосыз...»

Нимыз но та книгаэн мыным туж паймымон потиз. «Мар меда со сыче Чулпон?» юан мертчиэ йыре. Соин ик ой чидэ ни, одйг күтскемен лыдзиса быдтй! Чулпон – со Чук кизили, Венера, яратонлэн символэз, вашкала Грециысь вуэм кылсуред (образ). Тазы нимам автор нырысетй яратон сярысь гожтэтъёсын веросса. Татын студент дыр но, чылкыт малпан но, азыланезлы оскон но, нырысетй гожтэм кылбур чуръёс но – ваньмыз воринъятэмын нырысь яратонлэн тылсиосыныз.

Веросын шор (главной) геройёсыз луо Саша но Аля. Соос тодматско поездысен. Собере ог-огзылы гожтэт гожьяло... Пумиськыло туж шер... Озы ке но, гожтэтъёсья валаськомы, Саша но Аля ярато ог-огзэс. Но соослэн яратонзы шудтэм... Аляез пуртэн бышкалтыса виё...»

Верос быре Алялэн гожтэтэныз. Азылалан мар луэмзэ тодыса кадь гожтэ со чуръёсэ. Тау каре Сашалы гожтэтъёсыз понна, шудо луыны коса...»

Огъя вераса, веросъёслэн пуштроссы но гожтэм амальёссы но туж тунсыкоесь потизы. Пинал, гит калыклы но, мййюслы но лыдзймон, кийысь куштонтэм книга та...»

Тырымтэоссэ ке пусьёно, геройёслэн образьёссы кёсытгес пөрмөмын кадь, ёжыт возьматэмын вылтуссы, сямьёссы, соосты гөрзась котыр дунне...»

Л.Михайлова.

* * *

«...Веросъёсэ А.Перевозчиков быгатэ чебер кылын гожтыны. Кызы но уг пёртма со инкуазь сярэсь. Тани «Сяьска усътйськиз» произведениын вож турылэн лулыз-зыныз ик лэйка, йырез поромытэ. Яратон но кырзан кадь та веросын. Одыг интыез гинэ валантэм луэ мон понна – Олэш, Насътйлэсь синъёсэ ворсакуз, кызы меда оз тодма со яратонэзлэсь киоссэ?.. Бен, котькинлэн аслаз малпанэз, дыр. Мынам тини таёе.

И.Багданова (Тимираева).

* * *

«Чулпон» – со ёгит пи понна – Аля. Саша улэ Аляен. Солэн со чук кизилиеэ (солы оскыса улэ). яратоно Венераез (солэсь чеберез но, мусоез но нокин ёвёл). Валаса ёйгес вутты: нош Аля понна Саша кин? Гожъяз-а Аля Сашалы? Оло нош та уйвот гинэ вал? Сашалэн малпам улонэз? Кельшем, дыр, солы одыг ныл, нош со пияш шоры ёз учкы. Нош ёгит пилы кулэ Яратон. Иське, Саша кайгуэ шедем адыми. Солы кулэ утиськон круг. Сыёе круг луэ гожтэт, кудйэ огеэ бёрсыы муке-тыз вуэ но Сашалэсь улонэз кысыны уг лэзь...

Гожтэт улэпен возьматэмын. Со вераське, кылзйське, чида, сёкыт учыре сюрыку юрттйське: лоба ёгит сюлэмьёс доры...»

Л.Петрова.

«...»

С.Т. АРЕКЕЕВА,

кандидат педагогических наук.

ПРИРОДА В ПОЭЗИИ КУЗЕБАЯ ГЕРДА

«Природный» пласт в поэтическом творчестве Кузэбая Герда рассмотрен Ф.К. Ермаковым, П. Домокошем. есть специальная статья Р.И. Яшиной¹ и некоторые другие работы. Опираясь на эти исследования, мы решили сосредоточить свое внимание на следующих вопросах: какие состояния природы особенно интересовали поэта; какие функции выполняют описания природы в стихах Герда; каково соотношение человеческого и природного в его поэтическом мире.

Кузэбай Герд запечатлел разные времена года, времена суток и соответ-

¹ Ермаков Ф.К. Удмуртский поэт и ученый: Очерк. Ижевск: Удмуртия. 1988; Ермаков Ф.К. Кузэбай Герд (жизнь и творчество). Монография. Ижевск, 1996; Домокош П. История удмуртской литературы /Пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993; Яшина Р.И. Некоторые особенности пейзажной лирики К. Герда // Кузэбай Герд и удмуртская культура: Сборник статей / Отв. ред. А.Г. Шкляев. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН СССР, 1990. С. 140-148.

ствующий им природный мир. Соотношение текстов, посвященных осени, весне и лету, в его поэзии примерно одинаковое, меньше всего стихов о зиме. С целью выявления определенных идейно-эстетических закономерностей подробнее остановимся на поэзии осени.

Из 8 «осенних» стихов Герда четыре имеет название «Осень», два из них вошли в раздел сборника «Крезьчи» — «Эксэи улын». Характерно, что неизменная конкретика в этих произведениях представлена очень скупо. К примеру, в стихотворении «Сійзыл» («Иньёсын съод пилемьёс») собственно пейзаж выражен лишь в четырех строках: «Иньёсын съод пилемьёс, Котыр туж кышкыт, туж шурдыт. Бёрдыса някыръясько пшпуос, Уи син адзонгэм пеймыт!» Эта условная картина нужна поэту для того, чтобы противопоставить мрачную реальность прекрасному сну, создающему иллюзию лета. Здесь вырисовываются оппозиции: реальность — сон, осень — лето, тюрьма — свобода. В результате намечаются символические параллели: реальность = осень = тюрьма и сон = лето = свобода.

В стихотворении «Сійзыл» («Корка котырам мергэм сад...») изображен осенний сад, когорый шумит под порывами холодного ветра, и желтые листья летят на землю как золотокрылые бабочки. Если листья уподоблены бабочкам, то судьбы народов — участи листьев: «Дунне вылын калыкьёс но Та куар кадь ик лобало». Таким образом, использована последовательная цепь сравнений. Две первых строфы, в которых рисуется унылый осенний пейзаж, оказываются прологом к изображению социальных проблем. Образ листва подчеркивает зависимость и гонимость обездоленных людей, наличие несоответствия между легковесностью, «ветренностью» листва и объективной значительностью, весомостью судьбы народа. Осенняя слегка «рифмуется» с бленностью, обделенностью и обреченностью людей: природа так же мрачна, скорбна и неутешительна, как и состояние забитого народа: «Ожыл уьса, музэ уьса. Дэри пёлы нёдыло». И так, здесь картина природы еще более откровенно дублирует социально-несправедливое мироустройство, подчеркивая предопределенность трагической участи людей и их зависимость от социальной «непогоды».

Стихотворение «Сійзыл» («Сійзыл вуиз, кезьыт дунз...»), вошедшее в раздел «Жомо-югдо дыръя» сборника «Крезьчи», близко к рассмотренным текстам скупостью, непронисанностью конкретных, «вещественных» деталей осенней природы. По существу, лишь в начальной строфе дана картина осени: «Сійзыл вуиз, кезьыт дунз, Музьем вылэ пужмер улэ — Сяькаосыз събдэктытйз, Пшпу куарез чужектытйз». В следующих строфах рисуются nostalgic воспоминания о лете, для этого используются глаголы с отрицательными: «уг кылйёскы папаослэн ... кырзамзы», «Уг кылйёскы пинальёслэн ... ссрэкьямзы», т.е. изображается «не-лето». Затем следует прямое обращение к осени, выражающее укор за то, что она так быстро наступила. В этом случае природа не служит вспомогательным фоном для выра-

* Здесь и далее стихи Герда шп. по изд.: Кузёбай Герд. Зарни кылчурьёсы: Кылбурьёс, поэмаос Ижевск: Удмуртия, 1997. 360 с.

жения социальной позиции лирического героя, однако характерно, что субъективные впечатления здесь вновь превалируют над предметностью описания природы.

Еще одно стихотворение «Сійзыл» («Ҷыж-Ҷыж горд...») не вошло в поэтические сборники Герда и было напечатано в газете «Гудыри» в 1927 году 14 октября. Это одно из наиболее живописных произведений поэта. В первую очередь художник отражает буйство веселых и даже кричащих красок «первоначальной осени»: «Ҷыж-Ҷыж горд, бусіір но, Ҷуж но льбль ... тэль», «зарни куар», «пазыем вир каль ... горд палэзь». Чаще всего оперируя общим фоном «леса», Герд здесь выделяет клен и рябину. По наблюдению М. Эпштейна, в осенних «образах клена выделяются два элемента: «голова» и «ноги» его антропоморфного тела». К примеру: «Стережет голубую Русь Старый клен на одной ноге»: «... тот старый клен Головой на меня похож». Исследователь также отмечает, что А. Ахматова и А. Фет запечатлели сходство кленового листа с сердцем². У Герда создан образ «кленов с поднятыми руками»: «Бадяръёс, вылэ жутса кизэс, Возьматса сыло зарни куарзэс». Так, поэт использует подобие кленовых листьев кисти человеческой руки. Выразительный эффект усиливается и за счет поэтической инверсии. Образ рябины традиционно воплощает онемелый задор, веселье. Если С. Есенин и М. Цветаева уподобляют кисти рябины огню, костру, то Герд использует характерное сравнение рябины с кровью: «пазыем вир калд ... горд палэзь». Так рябина передает «дерзость, вызов, неистовство, бушевание».

Следующие строки текста изображают увядание природы: «ветер» и «дождь» лишают ее красок, придают ей унылый вид. Скучность картины, пришедшая на смену былой роскоши, передается через лаконичную констатацию: «Куазь зоре. Музьем котме, кынме. Уй кезыт... Нунал вакчыёме... Тылобурдо кошки. Ёвёл ни куаразы... Валь пудо гыдын... Быриз луд уж...». Использование такого синтаксического приема как многоточие передает неспешное течение мыслей поэта, его задумчивость: чем короче дни, чем слабее токи жизни, чем больше природа погружается в покой и сон, тем короче и прерывисты предложения. Если вначале текст окрашен в оживленный тон и выражает светлое душевное состояние лирического героя, то постепенно в него вкрадывается грустная нота, ибо праздник осени закончился. Характерно, что от изображения природы поэт плавно переходит к деталям человеческого быта. П. Домокош отмечает: «В искусно написанном сонете «Осень» поэт воссоздает целостное ощущение красоты и покоя, противопоставляет прощающуюся оргию красок и звуков умирающей природы с жизнью и летом, с теплом и уютом домашнего очага»³.

Итак, в сонете «Сійзыл» поэт рисует именно жизнь природы, ему интересны сами природные изменения: от ранней осени — к поздней. Люди с их сезонными занятиями становятся частью пейзажа.

²Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 51-52.

³Домокош П. История удмуртской литературы / Пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. С. 233.

Одной из главных примет осени в поэзии является образ улетающих на юг птиц. В стихотворении Герда «Сйзбыл турнос» крылатые птицы, улетающие в теплые края, противопоставлены людям, остающимся в холодном темном лесу: «Кезыт тол асьмедыз кынтылоз, Лымыен жалыток согылоз Мӧзмоно кань. шимес гӧльёсы». «Холод» и «болезни» означают бедность, несчастье и обездоленность людей. Птицам же дано увидеть недоступный мир романтически-недосягаемой человеческой мечты: «чагыр горизонт», «сяськае, шулдыр ишты», «чебер чагыр ёрос», «сяськаяськись выль душте». Перелетные птицы являются знаками свободы и надежды, особенно подчеркивая трагизм положения людей.

Стихотворение «Турнос» отличается от рассмотренного тем, что оно более оптимистично по тональности. Улетающие на юг птицы воспринимают покидаемое пространство как «родное»: «Вордскем возьёс, вордскем лудьёс, Зеч луэ, ми кошкиськом». Прощальный клич журавлей обращен не к людям, а к лунам и полям, с которыми они составляют единый мир, нераздельно-слиянный пейзаж. В финальной строфе прорывается голос лирического героя, в котором звучит вера в воссоединение птиц и тоскующего поля: возвращение птиц обретает смысл продолжения жизни.

К «осенним» также относится стихотворение «Бернул сяськаос», вошедшее в сборник «Крезьчи». Можно было бы сказать, что оно о трудной доле запоздалых осенних цветов, если бы не две финальные строки. В сопоставлении с цветами выражаются слова сожаления о том, что рождаясь не вовремя и должен умереть, не выполнив своего предназначения: «Жаль пото мыным зеч сюэмо мурзьёс, Зеч уж зэ лэсьыгэк куэм калыкьёс!» Таким образом, в финальной строфе 3-4-я строки параллельны 1-2-й строкам, и именно они раскрывают символическое значение образа «последних цветов». Более того, эти две строки заставляют переосмыслить весь текст и, уже перечитывая, воспринимать его в социально-психологическом или философском ключе.

Особое место среди «осенних» стихов Герда принадлежит элегии «Мон соин пумиськи». Как известно, элегическому жанру свойственны грустные раздумья. Стихотворение композиционно делится на три части. Вначале нарисована картина первой встречи лирического героя со своей возлюбленной. «Осенний лес», «шорох и шепот листьев», «желтое одеяло, укрывающее влюбленных» — все сопутствует романтическим отношениям. Тихину леса, в которой слышно шуршание листьев, поэт передает через обилие шипящих звуков: «йаштыргьса», «йуж куарьёс куашка зы», «йошен зыгырскыса», «йуж шобрет эн шобырлязы». Многогочия создают таинство недоговоренности, умолчания о том, о чем знают только двое.

Вторая часть стихотворения состоит лишь из одного слова: «Люкниським». Лаконизм выразительнее передает боль, подавленность лирического героя. Многогочие, следующее за единственным словесным образом, расширяет его смыслы, не позволяя ограничиться только констатацией факта.

В третьей части стихотворения воспроизведена картина тоскующего лирического героя на фоне следующей осени. Все, казалось бы, по-пре-

жнему: шурша падают желтые листья. Но теперь они покрывают ковром просто землю, а не *двоих влюбленных*. Гармония в природе резко проявляется дисгармонией в отношениях влюбленных. Неизменное состояние природы контрастирует с временностью, непостоянством человеческих отношений. Метафоры подчеркиваются такими образными парами: в первой строфе — «Милемыз, Чошен зынырскыса», во второй — «Мон огнам»; в первой — «Милемыз... Чуж шобретэн шобырьязы», во второй — «Коверен кадь музьемез шобырьяло». Многозначия в этом случае выражают ностальгическую грусть, растерянность лирического героя, который собственноручно говоря не может до конца разобраться в своих чувствах: «Олю курскэйськы, оло мазмыськы — Ачим но зү валаскы». В целом, в данном поэтическом произведении Герда взаимопроникают пейзажные картины и ощущения человека, природа здесь как фон огнетает психологическое состояние, душевную драму лирического героя.

Итак, в стихах Герда, посвященных осени, встречается традиционный образный ряд: это «холодный ветер», «падающие желтые листья», «уделяющие на юг журавли» и некоторые другие. Однако функции картин природы (смысловые, композиционные) каждый раз отличаются друг от друга.

В ряде случаев жизнь природы выступает как параллель жизни людей. В такого рода стихах две стихии — природная и человеческая — не взаимосвязаны, не взаимодействуют, они автономны, но аналогичны друг другу. В этих случаях описание природы — пейзаж — предстает как прелюдия к изображению судьбы народа. Природные образы в поэзии Герда выступают символами или аллегориями человеческого бытия, они выражают социальные идеалы, социальные перемены. Человек в них не столько включен в циклическую жизнь природы, в ее вечный и неизменный кругооборот, сколько в ощущениях поэта циклы природы параллельны циклам преходящей социальной истории, истории человеческого общества. «Осень» и «зима» — символы застоя, нищеты и отсталости. «Осень» рисуется как время *после лета*, поэтому «осенние» стихи обычно пессимистичны. «Зима» — время *до весны*, поэтому в «зимних» стихах звучит надежда. «Осень» и «зима» семантически смыкаются с «ночью», а «весна» — с «утром».

В редких случаях природа в поэзии Герда служит изображению напряженных психологических состояний человека, как, например, в элегии «Мон сонн пумискы». Естественно, в творчестве Герда есть и такие поэтические произведения, где живописуется вечное и мимолетное состояние природы и тем самым фиксируется ее неизменная самоценность, неповторимая прелесть («Чыж-чыж гөрд...»). В такого рода текстах люди и природа нередко предстают как компоненты одной картины: человеческий быт становится частью пейзажа, природа — частью человеческой жизни. Примечательны в этом смысле стихотворения Герда, посвященные летнему пейзажу. «Лето» в поэзии Герда — это время повседневной жизни трудового народа, это время будничного труда. «Лето» у поэта почти всегда «в паре» с «вечером»; так мы встречаем три одноименных стихотворения «Гужем жыт», написанные в разных жанрах: элегия, песня и сонет. Видимо, закат

дня с его спокойствием и умиротворенностью способствует сосредоточенности лирического героя, и он готов вбирать в себя все краски и звуки окружающего мира. Что касается соотношения зрительных и звуковых образов, то, по-видимому, Герд более щедр на звуки, нежели на краски. К примеру, слышимый мир, нарисованный в сонете «Гужем жыг», складывается из следующих образов: «туриос кесясько», «лулпуо нюрёс *жингырто*», «возь выльёс турнасьёс кошко, *кырзаса* гуртазы берто», «уйёсыс тэльёсын *бёрдо*». В одноименной песне представлена целая симфония звуков, в том числе за счет звукоподражательных образов: «Тэльёсь бертйёс *искальёс Тингыль-тингыль карыло*», «Бусы капка *шалккет*», *Жыкыр-Жыкыр Жыкыр-тоз*; «Зребейёс *жукырто* — Карнан вуос палккысько. Лир-лор когыр кылйёске — Пичи гуртын шуккысько». Эти и другие строки убеждают в том, что Герд прежде всего воспринимает мир в его музыкально-песенной палитре. Налицо многозвучность летнего пейзажа поэта в отличие от осенней монотонности, нарушаемой лишь вшгром да шорохом листьев.

В то же время у Герда есть и такие «летние» стихи, где поэт живописует тишину. В стихотворении «Лымшор» создана картина отдыхающей в полуденный зной природы, когда все погружено в безмятежный покой и сон: кузнечики («чалмытскизы кырзась зозьёс»), ветер («У! лоба гёл. Изны выдэм»), цветок («Йырзэ сяська но мыкыртэм»), люди («Лудын арась калык изе»), мальчик («Кульго вёзын пичи Илля Умме усем... Изе огна...»). Это почти застывший пейзаж, однако он не кажется неживым. В композиции, отличающейся предметностью, развернутым образным рядом, гармоничны все компоненты, составляя законченную целостность: и «золотая пыль солнца» («зарни тузон вор-вор шудэ»), и еле слышное журчание воды в реке («шур ву каллен-каллен бызе»), и трогательный образ спящего мальчика. Повторы строк («Шур ву каллен-каллен бызе. Лудын жадем калык изе»), четкий ритмический рисунок (четырёхстопный ямб) и парные рифмы способствуют созданию плавной интонации. Единение спящей природы и мальчика подчеркивает образ ржаного колоса, заглядывающего в глаза мальчика: «Умме усем... Изе огназ... Зег йыр учке солэн синмаз».

Итак, разные времена года, времена суток стали объектом поэтического изображения Герда. В свою очередь, какие пространственные параметры свойственны пейзажным стихам поэта? Характерно, что Герд использует такие оппозиции, как «земля» — «небо», «темный лес» — «широкое поле». Вряд ли стихотворений перел чигателем разворачивается широкая панорама, словно увиденная с высоты птичьего полета: это удмуртский ландшафт с его лугами, полями, лесами, реками, озерами. Бесконечность пространства в поэзии Герда имеет социальный подтекст: неохватность, ширь родных просторов диссонирует с заброшенностью, отсталостью, вековым застоём. К примеру: «Пумтэм-Йылтэм возьёсыд, лултьёсыд, тэльёсыд. Учкыса, ветлыса былтонтэм шаерьёсыд. Паймоно кадь шурьёсыд, жужытзьёс выррьёсыд, Кулэм кадь ваньзы изё куректйёс гуртьёсыд» («Удмурт мутьёмлы!»); «Тэльёс, бадзьёмесь тэльёс, Шурьёс, ноку но быронтэм тыос, Нош ик тэльёс, оломар пасьтаесь бусыос, Учкыса йырез пормытйёс возьёс. Татын сюлэмез

номыр уг дийаты, Мылкыдэз номыр уг капчыяты...» (Кам ёросын»). Очевидно, что в такого рода текстах Герд редко прорисовывает отдельные детали, он как бы рисует широкими мазками. Так, для Герды существует просто лес, причем он является средоточием темного прошлого и определяется такими эпитетами, как черный, темный («сыбд тэль»), страшный («шимес т льёсыи»), старый («вуж тэль»). Из деревьев поэт и редко выделяет липу («Беризь»), березу («Кызьпуос»), черемуху («Сяськаяськись льбмпу»), а также ольху, клен, рябину, осину. Заметим, что это все «легкие», «прозрачные» лиственные деревья, и они существуют как часть деревенского пейзажа. Все, что дальше от деревни, от «поля», для лирического героя, по-видимому, является чужим, неосвоенным пространством. Заметим, что даже влюбленные герои у Герды гуляют не в лесу и не на лугу или у реки, а на поле: «Ос но пысамтэ, Уйбыт мон ой изь: Чуж зег бусысь Вити лыктэмлэ» («Кеносын»); «Бусые потомы. Зег пöлын шудомы» («Бусые потомы»); «Яратйськом ке асьмеос, Тулыс бусы кадь лунськом» («Чагыр кышет»); «Воксёлы туннэ люкиським — Зег бусы сыброзь сое келяй...» («Туннэ люкиським»); «Али гинэ татй, паеккыт бусыостй. Тонэн асьмеос кема ветлйи зегъес пöлтй. Туж уно вераськылйи» («Гужемлэн жынэз»). «Поле» с его неизменными атрибутами «зег» и «лыз сяьска» — один из излюбленных образов поэта, при этом оно выступает как культурное пространство, как важная часть крестьянского мира: «Та шимес балйи Муско и родыи Бусыослэз мй змисько. Лыз сяьскаосы шоры учкыкуи. Бусыостй ветлэм кадь луко!...». Но поле может быть и признаком крайнего запустения: «аналтэм», «ожомем», «вунэзэм». Таким образом, в эстетике Герды наблюдается противопоставление «культурного» и «стихийно-природного».

Кузубай Герд также обращает свой поэтический взор к солнцу, небу, луне, звездам. Если в ранних произведениях небо и звезды подчеркнута далеки от земли («жоб музьем»), то в более поздних автор очеловечивает небесные образы, придает им узнаваемые антропоморфные черты, делает их поэтично теплыми и близкими. Так, в стихотворении «Коркан шунды» солнце уподоблено шаловливому проказнику. В другом поэтическом тексте — «Толэз» — персонифицирована луна, хотя она не так открыта и ребячлива как солнце, а более таинственна. Одушевление, персонификация природы — прием, наиболее характерный для текстов, вошедших в сборник «Сяськаяськись музьем», например, «Кызьпуос», «Шундыбергась» и других.

Что касается наших общих наблюдений, то очевидно, что в стихах, вошедших в сборник «Крезьчи», времена года, суток, ландшафт — категория не только и не столько природные, сколько социальные. Поэт редко дает ощущение, восприятие природы безотносительно к общественным событиям времени. В то же время в большинстве текстов из сборника «Лёгегъёс» природа вообще отсутствует: и как фон или символическая параллель, и тем более как самостоятельный поэтический объект, ибо она полностью вытеснена действительностью с «железно-стальной» атрибутикой («корт», «сталь», «андан»).

Г.А. ГЛУХОВА,
кандидат филологических наук.

ТЕРМИНОЛОГИЯ УДМУРТСКОГО РЯЖЕНЬЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ЭТНОСА

В удмуртском языке имеется несколько определений ряженья: *пöртмаськон, возжояськон, пензаськон, чокморскон*. Самым распространенным и наиболее употребляемым в настоящее время является термин *пöртмаськон*. Другие же названия — *возжояськон, пензаськон, чокморскон* ярко характеризуют конкретную локальную традицию и указывают на календарную приуроченность.

Слово *пöртмаськон*, от *пöртмаськыны* «маскироваться, рядиться», представляется (о привилении) [Борисов 1991: 227], «видеться, м.н.ться, изображать, рядиться, скomorошничать» [Владыкина 1998: 53] восходит к общеперм. *port — «меняться (в цвете и т. д.)» [КЭСК 1999: 229]. От общепермской праосновы ведут происхождение коми слова *пöртмасьны* «отливать, переливаться», *пöртны* «превращать, обр.атить, оборотить». Финский ученый Т. Е. Утила считает, что коми слова *пöрны* «превратиться», *пöртны* «превращать, обр.атить» и *пöртмасьны* «отливать, переливаться» находятся в одном гнезде [Там же]. На наш взгляд, в родственных с ними отношениях находятся и удмуртские глаголы *пöртманы* — «наговаривать (на кого-либо), персиначить, персиначивать» [УЗС 1983: 355], *пöртманьны* — «разнообразить», *пöртэм* —

«разный, различный». По-видимому, словоформа *пöртмаськыны* образовалась от этой основы с помощью возвратного суффикса со значением «переиначивать себя», «перевосплощать себя». Любопытно, что в удмуртской лексике среди многочисленных обозначений жанра загадки встречается и термин *пöртман*, *пöртман кыл* («сочинение») [Первозчикова 1980: 28], от «сочинять» — «переиначивать», «перевосплощать» слова. Возможно, в данном случае это отглагольное существительное переводится не только как «сочинение», но и «завуалирование», так как в загадке предмет или явление представляется не открыто, а посредством (под видом) других предметов и явлений. Таким же гермином в удмуртском языке обозначается и другой фольклорный жанр — сказка.

Итак, по данным родственных удмуртскому языков можно предположить, что производные от общеперм. *port употребляются для обозначения действия, связанного с изменением, перевоплощением, преобразованием.

По предположению Т. Г. Владыкиной, слово *пöртмаськон* «имеет самую тесную связь со словом *орт / *урт «душа», душа-двойник, живущая вне тела человека, ее присутствие обеспечивает психическое здо-

ровые и полноценность, присутствие духа и раскрывает значение обряда как перевоплощения» [Владыкина 1998: 53]. Далее исследователь отмечает, что в коми языке и мифологии различаются *лул* «душа живого человека» и *орт* «душа мертвого человека», а «у обских угров на низ идущая душа именуется *ирт*» [Там же]. Интересные сведения по поводу понятий *лул*, *урт*, *орт* «душа» содержатся в работе Уно Хольмберга «Верования пермских народов» [Хольмберг 1911]. Финский ученый пишет, что, по мнению удмуртов, у человека, кроме видимого тела, есть еще невидимая часть, называемая *лул* или *урт*. Он отмечает, что слово *урт* вышло из употребления под влиянием других культур. Но его значимость и былое существование ярко проявляется в удмуртских обрядах, как *урт кутон* (букв.: поймать, ловить «душу»), *урт-сэ кисьтон* (букв.: «вылить, влить душу»). Удмуртские понятия *урт*, *лул* (душа), согласно народным воззрениям, различны по содержанию: *урт* иногда может покидать свое «постоянное место жительства», особенно во сне или при болезни человека вылетает из тела в виде летучей мыши (*урткый*) либо бабочки (*бубыли*); *лул* же постоянно находится в живом теле до смерти. Изучая удмуртские *лул/урт* (душа) и коми *лол/орт* (душа), У. Хольмберг приходит к выводу, что в названиях *урт* и *орт* сохранилось древнейшее содержание: *ишан* — *лул* (букв.: привидение — душа) [Хольмберг, 1911. Цит. по: Инвожо, 2001, № 1, 2: 6-7; перевод с удм. наш — Г. Г.]. В языке завятских удмуртов, по нашим сведениям, до настоящего времени сохранилось выражение *урт потыны* «очень силь-

но испугаться» (сравни русский фразеологизм: «душа ушла в пятки») и глагол *уртсаськыны* в значении «млиться, видиться», где очевидна связь между представлениями о душе, ее перевоплощении, и ее видимых и невидимых проявлениях.

Таким образом, сведения финского ученого У. Хольмберга позволяют углубиться в значение слова *урт (душа), его в глубинную семантику, и еще раз подтверждают предположения удмуртского ученого Т. Г. Владыкиной о том, что *пóртмаськон* имеет тесную связь с древнейшим словом *урт*, а сам обряд «*пóртмаськон* — это не только обозначение перевоплощенного с помощью масок потустороннего мира, но и своеобразная модель связи двух миров».

Следующий термин, обозначающий ряжение — *вожояськон* (от *вожояськыны* — «уподобиться вожо»: «сделаться вожо, быть похожим на вожо») локализован на территории проживания северных удмуртов и обозначает определенное время ряженья — зимнее (святочное).

Семантика понятия *вожо* на удмуртском материале рассмотрена И. Н. Плетневой. Проанализировав зафиксированные в XIX в. сведения и ссылаясь на современные экспедиционные материалы, она приходит к следующим выводам, что *вожо* — «1) дух переходного времени в году и сутках и переходного состояния в человеческой жизни; 2) духи сезонного времени; нечистая сила, олицетворяющая зло» [Плетнева 1999: 248].

В этнографических работах о верованиях удмуртов имеются разные точки зрения о сущности этого мифологического образа. Так, Г. Ве-

решагин определяет его как бога страха и привидений и отмечает, что ему приносят в жертву коз по случаю болезней, получаемых от страха [Верещагин 1886: 31]. Особенно опасны они [вожо] ночью. Автор отмечает, что не раз приходилось слышать от матерей выражения, предупреждающие детей, собиравшихся выйти из избы поздно вечером: «испугаешься, вожои ходят» [Там же]. Согласно современным записям, до сих пор в традиции северных удмуртов сохранилось выражение, которым пугают плачущих детей: «Эн бърд, вожо лыкса нуоз!» (Не плачь, а то вожо уташит!) [ПМА: Кезский р-н, д. Квасер].

Б. Гаврилов в работе, посвященной обрядам и поверьям удмуртов Мамадышского уезда, выселяет *шур вожо* и *пор вожо*, никак не комментируя эти понятия [Гаврилов 1891: 86]. Согласно мнению И. Плетневой, сегодня сложно сказать, что имел в виду автор, поскольку он не переводит и не объясняет эти словосочетания. С выражением *шур вожо* все более или менее ясно, это «речные вожо». Смысл второго (букв. «марийский/марийские вожо») имеет, как предполагает И. Плетнева, другие семантические оттенки, вообравшие представления о природной стихии как о чужом, враждебном пространстве. Она заключает, что *шур вожо* и *пор вожо* выступают как синонимы (*пор* = чужой, враждебный; враг, чужак) [Плетнева 1999: 245].

Другую точку зрения о сущности вожо можно найти в работе Г. Е. Верещагина «Старые обычаи и верования вотяков». Здесь автор пишет, что «...вожо получило значение грозных духов, проявляющих свое дей-

ствие лишь в продолжении двух периодов в году, именно летом во время цветения ржи (*инвожо* — вожо) и зимой, во время святок (вождыр)» [Верещагин 1910: 71]. По описаниям Г. Верещагина, во время *инвождыр*, к *вожо* присоединяются еще духи неба (*ин*) и «сос гавляют в вотьской мифологии особый класс существ под названием *инвожо*» [Там же]. Согласно народным верованиям, во время летнего солнцестояния (*инвожо*) *вожо* наиболее активен в полдень, а в Святки (*вождыр*) опасен ночью [об этом подробнее см. Гл. 1, раздел 2].

Нужно отметить, что практически всегда в традиционной культуре удмуртов представление о *вожо* переплетается с представлениями о водяном (*вумурте*). А. Емельянов отождествляет эти существа с *вумуртом*: «... вумурты перед Рождеством появляются в деревнях и живут в банях. Иногда в сумерки их можно бывает встретить на улице; поэтому вотяки боятся в это время в одиночку выходить на улицу без огня» [Емельянов 1921: 127]. Далее А. Емельянов отмечает, что эти водяные, которые выходят из воды и являются к людям около Рождества, называются *вожо*, а время их появления — *вождыр* [Там же]. Рассматривая отождествления водяных и *вожо*, И. Плетнева предполагает, что «необходимо дифференцировать водяных духов по отношению единичного к множественному, индивидуальные черты более присущи духам-хозяевам (*вумурт*) конкретной водной среды, а *вожо*, как правило, выступают в общей массе» [Плетнева 1999: 246–247].

Некоторые скудные, расплывчатые сведения можно найти и о внш-

нем облике *вожо*. Например, по описанию Н. Первухина, это — «небольшие (с поларшина и меньше) чертенята разного цвета, но более или менее одинакового наружного вида (с рожками и хвостами)...» [Первухин 1888: 99]. По данным Ю. Вихманна: «все они [вожо] похожи, на одно лицо» (... *вичаксы одйг тус*) [Wichmann 1901, II:135]. Во время экспедиции нами записана быличка, где вожо предстает в зооморфном виде: «*Му:маосы, пе, куже йбъ вылъ ваським вожо кылыксыны. И пуны, пе, сьбд, юн зок, йбъз пильса потйз...* (Мать с подружками однажды ходили на реку слушать вожо. Из речки, расколов толстый лед, выскочила огромная черная собака)» [ПМА: Кезский р-н, д. Квасер].

В бытующих до сих пор представлениях образ *вожо* чаще принимает антропоморфный вид. Наиболее характерными признаками этих мифических существ является их многочисленность, малорослость, безликость.

Однако при рассмотрении следует учитывать не только этнографический материал, но и этимологию данного понятия, которая помогает глубже раскрыть его мифологическую семантику. Удмуртское слово *вожоськыны* образовалось от основы *вожо*. Еще исследователи XIX века (Н. Первухин, Г. Верещагин) обратились к этому термину и попытались объяснить этимологию данного слова. Они считали, что *вожо* является производным от слова *вож* «зеленый, молодой». Такого же мнения придерживался и Т. Бори-

сов, определяя *вожо* как «дух, божество зелени», а *вожодыр* — «время духа зелени» [Борисов 1991: 57]. Современные исследователи возводят вожо к общеперм. *veža, что в коми языке обозначает «святой, освященный, священный, почитаемый» и относится к христианской религиозной лексике: *вежа ва* (святая вода), *вежа луи* (святой день), *вежай* (крестный отец) [КЭСК 1999: 50]. В удмуртском языке слово *вожо* не имеет прямого значения «святости», оно встречается лишь в связи *вожодыр* (вожо+дыр 'время') — святки.

Эстонский ученый А. Линтруп предполагает, что некогда могло существовать два отдельных слова с корнем удм. *vož-*, коми *vež-*: с одной стороны, он связан с лиминальностью (переходным состоянием), а также означает перекресток, пересечение; с другой, с зеленым цветом, горьким вкусом и сильными эмоциями, например, гневом и желанием. Впоследствии, считает исследователь из-за фонетического созвучия друг другу, их значения смешались [Линтруп]*.

Удмуртское *вожо*/ коми *вежа* считаются производными от общеперм. *vežz «сильное желание, злоба, зависть». Удмуртская современная лексика сохранила значение «злоба, гнев» в словах и выражениях: *вожань* «ревновать, букв.: позеленеть», *вож потыны* «гневаться, злиться», *вожез кичкиз* «разозлился, букв.: его зеленое (т.е. желчь) разлилось». Приведенные глаголы обозначают особое (переходное) психофизическое состояние человека. Очевидно, термины

*Считаем своим приятным долгом выразить благодарность эстонскому ученому А. Линтруп за любезно предоставленную рукопись «Meaning and connections of the word *vožo*».

вожо/вежа изначально имели общи́и смысл и корень от прапермского **vež-*, значение которого встречается в языке финно-угорских народов: коми *туй-веж* «развегание, развилка, развилка, перекресток», *веж* «скрещение нитей основы», *вежыть* «перекос, искривление», *вежны* «изменять, сменять, обменять»; уdm. *вож* «перекресток, перепутье», *вошь-яны* «менять, обменивать, отменять»; мар. *важык* «криво, кривой», *ваитал-таш* «менять, обменять, заменять»; ф. *vita* «косой, кривой», *vaihaa* «менять, обменивать, переменять» [КЭСК 1999: 49–50], обозначающего «перемену» [Лимеров 2002: 160]. Более архаичная семантика понятия сохранена в удмуртской культуре с корнем *вож/выж/вош* и является основным содержанием ряда слов: *спорес вож* «перекресток», *выж, выжон* «мост, переход», *воитськон* (*вожтськон*) «изменение, переодевание».

Идея перехода, изменения сохранена в основном годовом ритуале, приуроченном к периоду зимнего солнцестояния (*вожодыр*). *Вожодыр* считается одним из кризисных переломных моментов календарного цикла, когда «старый» мир обновляется. Таким образом, *вожодыр* можно трактовать как «время изменения, перемены». Но смысл святочного периода углубляется вторжением в мир живых *вожо*, которые в верованиях удмуртов ассоциируются с душами умерших предков.

Итак, фольклорно-этнографический и лингвистический материал позволяет заключить, что в удмуртской мифологии *вожо* — это дух переходного времени природы и жизни человека, а также олицетворение

нечистой силы, потустороннего зла.

Рассмотрим еще один термин, обозначающий ряжение — *пензаськон* (от *пензаськыны* — «рядиться, одевать маски, безобразничать» [УЭС 1948: 236]), ряженные — *пензоос* (*пензиос*). Это определение распространено на территории Шарканского района и служит для обозначения зимнего (святочного) ряжения. Происхождение, значение данного слова учеными-лингвистами специально не исследовалось. Народная этимология связывает понятия *пензаськон* со словом *пень* — «зола, пепел» и объясняет как «мазаться сажей, золой». То, что в традиционной культуре дается такое объяснение данному слову, не удивительно, т. к. термин напрямую отражает конкретный способ ряжения, один из более характерных и часто употребляемых его приемов — намазывание сажей лица, рук ряженных (ср. выражение «суам бам»).

Наряду с вышеназванными определениями в удмуртской традиции встречается термин *чокморскон*. По-видимому, термин *чокморскон* является производным слова *чокмор*. Сразу нужно оговориться, что слово *чокмор* в современном удмуртском языке почти не употребляется.

В ходе исследования нам удалось обнаружить два обряда, в которых встречается слово *чокмор*. Значение его лучше определяется в контексте обряда.

Чокморскон (ряжение) является составным элементом обряда *бусы сюан* (свадьба поля), проводимого после весенних полевых работ (*гершыд*) и обозначает летнее ряжение. Это наименование встречается в удмуртов Киясовского р-на. В обряде

принимали участие девушки, достигшие совершеннолетия. Обязательным было участие ряженных — *чокмарьёс* [Владыкина-Перевозчикова 1990: 62]. Обычно это были пожилые люди.

Другой интересный обряд нами записан на севере Удмуртии, называемый *чокмар жук* (букв.: каша чекмаря), который являлся частью обряда *гуждор шыд* (букв.: суп в честь первой проталинки). Записан он со слов информантки Никитиной Елены Никитовны, жительницы д. Камыжево Кезского р-на. До сегодняшнего времени нам больше нигде не удалось встретить описание данного обряда, а также получить какую-либо другую информацию. К сожалению, что-либо уточнить об этом обряде сегодня также невозможно. Л. К. состояние здоровья Елены Никитовны не дает возможности для дополнительного общения. Тем не менее, позволим себе принести описание обряда в том варианте, в каком он был записан нами первоначально.

На второй день праздника *гуждор шыд* собирались молодые мужчины и шли в лес, чтобы сделать *чокмар* «деревянные колотушки». Придя в лес, ставили варить кашу (*чокмар жук*). Пока каша готовилась, каждый мастерил себе деревянную колотушку. После приготовления ритуальной каши ели и молились, чтобы дикие звери не трогали скотину (*вёдсьяко, животэз съсь медаз басьты*). С криком, шумом бегали по лесу, как бы отпугивая хищников (*нюлэс кузя кесяськыса ветло, събсьёсты кышкатском цуса*). После этого с колотушками все возвращались в деревню. В деревне ими стучали по всем избам и кричали:

«*Чокмар, чокмар!*». Некоторые делали еще факелы из пихтовых веток и гоже несли в руках. Деревенские жители принимали участие в этом празднестве тем, что деревянные колотушки обливали водой. Эти колотушки хранились в каждом хозяйстве до следующего гола.

Функция всех обрядовых действий, производимых в ритуале, прозрачна — крики в лесу, отпугивание диких зверей, удары/постукивание деревянной колотушкой (*чокмар*) по избам. На наш взгляд, особого внимания заслуживает центральная фигура обряда — «*чокмар*». Для изготовления чокмаров специально ходили в лес, в лесу совершали определенные ритуальные действия, в деревне их обливали водой, а затем хранили целый год. По-видимому, одним из ключевых моментов в совершаемых действиях является акт обливания водой колотушки.

Из описания нам известно, что обряд был приурочен к концу весенне-полевых работ. Для древнего земледельца после посевов хлебов важно было получение богатого урожая, поэтому совершались различные обряды. Одним из постоянных элементов земледельческих обрядов, как убедительно доказал В. Я. Пропп в своей работе «Русские аграрные праздники», является поминовение усопших, чтобы воздействовать на урожай. По архаическим представлениям, предки обладали властью над плодородием земли [Пропп 1963: 13–24]. Обращение к усопшим в весенне-летних обрядах заключало в себе, прежде всего, испрашивание дождя (влаги) в пужном качестве, чтобы вырастить хороший урожай. В. А. Смирнов, рассматри-

вая весенне—летние обряды восточных славян («похороны кукушки», «похороны Костромы», «похороны русалки»), заключил, что они «генетически и функционально восходят к древним молениям о дожде, к магически ритуальным действиям, в основе которых лежит вера в помощь предков, их влияние на будущую судьбу человека» [Смирнов 1981: 70]. Следовательно, главной идеей ритуально—магического действия с водой в обряде *чокмар жуку* является выпрашивание у предков влаги для будущего урожая (Ср. в связи с этим обряд поливания могил для обеспечения влагой) [Пропп 1963]. Сам же *чокмар*, возможно, был воплощением самого предка (одной из его ипостасей), отсюда и столь почтительное отношение к данному ритуальному предмету.

В силу того, что обряд *чокмар жуку* нигде не описан, сейчас сложно ответить на вопрос, как поступали с деревянными колотушками через год? В связи с этим необходимо, видимо, привести параллели с обрядом изгнания *шайтана* (*шайтан уялин*, *шайтан ветлон*, *урай карон*), приуроченного к Великому Четвергу (*Кулям потон уй*). Подробные описания вариантов данного обряда можно найти в фольклорно—этнографических источниках XIX в., а также в выводах современных ученых [Долганова, Морозов, Минасенко 1995: 56–60; Владыкина 1998: 310–315; Нуриева 1999: 96–97].

Основные ритуальные действия, раскрывающие суть обрядов *чокмар жуку* и *шайтан уялин*, идентичны. Отличие только в том, что в изгнании Шайтана для ударов по углам домов, а в некоторых локальных традициях — и по самим участникам, применя-

лись толстые бичи, сделанные из вербы (пучы) [Борисов 1914. Гаврилов 1891: 101, Владыкина 1998: 310–315], либо палки [Нуриева 1999–96]. В вариантах обряда изгнания шайтана основным могилом по отношению к орудию, с помощью которого совершали удары, является могила расправы, уничтожения: после обхода всех дворов, парни выходили за деревню и бросали вышеназванные предметы в воду или сжигали, либо просто раскидывали. Возможно, следуя аналогии, также поступали через год и с чекмарами.

Теперь попытаемся рассмотреть слово *чокмор* с языковой стороны. По предположениям некоторых ученых, данное слово имеет тюркское происхождение. К примеру, такое предположение высказал татарский исследователь Р. Ахметьянов, подтверждением этому служит и мнение В. Даля. В толковом словаре он дает следующее объяснение слову *чекмарь*: «*чекмарь* — *чекушка*, *долбня* или *деревянная колотушка*, *токмарь*, *токмочь*. *Чокмарем* уколачивают землю, бьют глиняные печи. *Сокмакъ*, *токмакъ*, *чокмакъ*, татар. *бить*» [Даль, 1955: 587]. Таким образом, В. Даль слово *чекмарь* тоже возводит к тюркскому *бить*. На наш взгляд, слово *чокмор* является производным от слова *чек*, *чеке*. Удмуртское слово *чек*, *чеке* сегодня не встречается в лексике, но тем не менее сохранилось в географических названиях Удмуртии. Ученый—лингвист М. Атаманов, изучивший удмуртскую ономастику, также приводит в своей работе географические названия Четкер, Черткер, Чеккер, Чекер, которые, как он отмечает, встречаются во всех удмуртских регионах и обозначают назва-

ния гор, возвышенностей, холмов. реж — оиконимов. Автор пишет, что эти гермины сохранились лишь в топонимии, параллели в родственных языках не выявлены, их значение науке остается не известным [Атаманов 1988: 68].

По мнению Т. Владыкиной, топонимические названия Четкер/Чеккер/Чекер на карте Удмуртии связаны с ритуальной практикой поминовения на возвышенных местах или старинных кладбищах и сохраняют глубинную семантику вплоть до сегодняшних дней [Владыкина 1998: 42].

Понятие *чек*, *чеке* сохранилось в ритуале поминовения: *чекаськон* < *чегтйськон* «предложение [жертвы]», поэтому, по мнению исследовательницы, «закрытое» выражение: «*чеке, пересьёс, кияды-пыдады кутэл...*» в обращении к умершим предкам должно восприниматься как «предлагаем/даем, старики, в руки-ноги примите...» [Там же].

На поминках, обращаясь к умершим предкам с просьбой принять обрядовую еду, произносится и другой вариант данного выражения: «*Чеке, пересьёс, азяды мед усёз*» (Чеке, старики, вам пусть достанется — букв.: рядом/на колени пусть упадет), имеющего тот же смысл. В современной традиции, как мы отметили выше, слово *чек*, *чеке* утратило свое значение и вышло из употребления вообще, поэтому первая часть выражения выпала и осталась только его вторая — «...*азяды мед усёз*» [букв.: пусть рядом/перед вами упадет]. В связи с этим приведем небольшой рассказ по поводу данного выражения: «Однажды, после поминок, бабушке приснился умерший, который

говорил: «Вы молитесь неправильно. Произносимых вами слов «*азяды мед усёз*» недостаточно. Для того, чтобы мы получили ваши пожертвования, нужно произносить: «*Чеке, пересьёс, азяды мед усёз*» [устное сообщение Л. Н. Долгановой]. Учитывая мнение В. Даля вкуче с приведенным рассказом, полагаем, что слово *чеке* означало стук/звук и воспринималось, по-видимому, как сигнал, призывающий духов предков, и одновременно являлось оберегом от них. [Ср. в связи с этим обрядовое пение в определенных календарные сроки]. Следовательно, в выражение «Предлагаем/даем, старики, в руки-ноги примите» нужно добавить: «Услышите, предлагаем/даем, старики, в руки-ноги примите». Таким образом, возможно предположение, что *чек*, *чеке* — вербальная форма иноговорения, которая в народном представлении воспринималась как одна из возможностей контактирования человеческого и инои миров, а именно с душами умерших предков.

Этимология слова в контексте ритуала позволяет реконструировать утраченную деталь обряда. Конечно, начало поминовения сопровождалось стуком/постукиванием об указывающий на место захоронения природный или рукотворный символ.

Итак, вышеприведенные рассуждения, на наш взгляд, помогли раскрыть суть термина *чокморскон*. Семантика слова *чокмор* (в удмуртском языке осталось для обозначения деревянной колотушки, а также ряженого персонажа) сохранила представление о душе умершего предка, «пришельца» с того света, когорый появлялся в мире живых в определенные календарные периоды.

Таким образом, рассмотрев удмуртскую терминологию ряженья, мы попытались, насколько это возможно, раскрыть смысл определенных *пёртмаськон*, *вожояськон*, *пензаськон*, *чокморскон*. Бытование данных терминов в народной традиции неодинаково: одни являются общераспространенными и наиболее употребимы (*пёртмаськон*, *вожояськон*), другие — узколокальны (*пензаськон*, *чокморскон*).

К сожалению, пока мы не имеем возможности опереться на специальные лингвистические исследования рассматриваемого здесь лексического материала, поэтому не застрахованы от ошибок в отдельных его объяснениях.

Приведенные здесь определения — лишь начальные подступы к изуче-

нию удмуртских понятий ряженья. Возможно, имеются и другие названия, которые остались вне поля зрения нашей работы. Видимо, поиск в этом направлении следует продолжить. Но и приведенная терминология ряженья удмуртов, на наш взгляд, сама по себе весьма информативна и дает возможность раскрыть сущность ряженья в целом. Наш пристальный интерес к ней был обусловлен тем, что, по мнению исследователей, именно народная терминология дольше всего удерживает архаическое значение того или иного явления [Трубачев, 1966: 391]. Удмуртская лексика сохранила, по нашему мнению, основную идею ряженья — связь с поусторонним миром, а именно — с душами умерших предков.

Литература

1. *Аталанов М. Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск: Удмуртия, 1988. 168 с.
2. *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.
3. *Борисов Т. К.* Удмурт кыльпокам. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. 384 с.
4. *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 356 с.
5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Изд-во иностр. нац. словарь, 1955. 683 с.
6. *Лыткин И., Гузнев Е.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1999. 430 с.
7. *Нуриева И. М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 272 с.
8. *Перевозчикова Т. Г.* Удмуртские народные загадки: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
9. *Плетнева И. П.* К семантике удмуртского *вожо* // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник науч. трудов / Удм. ун-т, кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. С. 245—249.
10. *Удмурт-зуч словарь. Удмуртско-русский словарь* / Под ред. М. Вахрушева. М.: 1983. 591 с.
11. *Хольмберг У.* Перма калыкъёслэн осконъёсы / Берыктіз С. А. Максимов. Инвожо, 2001. № 1-2. С. 3-7, №3. С. 3-7.

НИМВОШТОС ВЫЛЛЕМ СЯМКЫЛЬЁС

(Местоимённой наречиос)

Трос пёртэм кылъёс пö.ын вань сычёосыз, кудъёсыз татчыозь асьёлэсь йыг-йыг интызэс удмурт кылтодоннй овёл шедьтййлям на. Соин ик чемысь пумиськыло янгыланъёс. Вераськон мынэ нимвоштос выллем сямкылъёс сярись. Зэм но, соос огласянь тупало нимвоштосъёсын (местоименносын), нош мукет ласянь — сямкылъёсын (наречиосын).

Нимвоштос — со сычё вераськон локет, кудйз предметэз, тодметэз, лыдэз шонерак пусйытэк, соос шоры возматэ гинэ. Эскероно кылъёсмы но югдур кусыгыёсты (обстоятельственной отношениосты) шонерак вератэк, соос шоры возматэ гинэ.

Нимвоштосъёс веранын (предложеннын) чөмгес луо яке бадзымъёз (подлежащен). яке ватсамъёз (дополнение) но мукет. Нош сямкылъёс (наречиос) чөмгес луо югдуръёз (обстоятельство) но йыръёзэз (сказуемоез) валэкто.

Нимвоштос выллем сямкылъёсты, огшоры нимвоштосъёсты сямен ик, таёе котретъёсы (группаосы) огазеяны луысал:

1. Юан-веран (вопросительно-относительной) сямкылъёс: *кытын, кытысь, кытысен, кытчы, кытчыозь, кытй, кудлань, ку, кызы, малы*;

2. Тодмотэм (неопределённой) сямкылъёс:

а) *олокытын, олокытысь, олокытысен, олокытчы, олокытчыозь, олокытй, олокудлань, олоку, олокызы, оломалы*;

б) *кытын ке, кытысь ке, кытысен ке, кытчы ке, кытчыозь ке, кытй ке, кудлань ке, кызы ке, малы ке, куксе*;

Таяз котретэ пыртоно таёеосэ но кылъёсты, геръёсты: *кытын ке отын, кытысь ке отысь, кытчы ке отчы, кытй ке отй, отй-татй, кудлань ке солань, кызы ке озы, куксе-соку*.

3. Овöлтйсь (отрицательной) сямкылъёс: *нокытын, нокытысь, покытысен, нокытчы, нокытчыозь, покытй, нокудлань, нокызы, номырды, ноку*;

4. Возматйсь (указательной) сямкылъёс: *отын, татын, отысь, татысь, отчы, татчы, отысен, татысен, отй, татй, солань, талань, отчыозь, татчыозь, соку, соин, озы, тазы*;

5. Тодмостйсь (определятельной) сямкылъёс: *котыкытын, котыкытысь, котыкытчы, котыкытысен, котыкытчыозь, котыкытй, котыкудлань, котыкызы, котымалы, котку*.

Вылйын гожтэм кылъёс нимвоштосъёс сямен ик пöрмо но-, оло-, коть-, азитъёссын (приставкаосын) но ке кыльёрен (частнцаен).

Знаменательной сямкылъёсты выллем ик нимвоштос выллем сямкылъёсты валатонзья огазеяны луысал таёе котретъёсы:

1. Югдур сямкылъёс

а) лыр шоры возьматісьёсыз: *ку, куке, ноку, соку, куке-соку, олоку* но мукет;

б) инты шоры возьматісьёсыз: *кытын, кытын ке, олокытын, котькытын, покытын, отын, татын, кытын ке отын...*

кытысь, кытысь ке, олокытысь, котькытысь, покытысь, отысь, татысь, кытысь ке отысь...

кытчы, кытчы ке, олокытчы, котькытчы, покытчы, отчы, татчы, кытчы ке отчы...

кытысен, кытысен ке, олокытысен, котькытысен, покытысен, отысен, татысен, кытысен ке отысен...

кытій, кытій ке, олокытій, котькытій, покытій, отіі, татіі, кытій ке отіі...

кытчюозь, кытчюозь ке, олокытчюозь, котькытчюозь, покытчюозь, отчыозь, татчыозь, кытчюозь ке отчыозь...

кудлань, кудлань ке, олокудлань, котькудлань, покудлань, олань, талань, кудлань ке солань...

в) муг шоры возьматісьёсыз: *малы, оломалы, малы ке солы...*

2. Тодмостісь (определятельной) сямкылъёс:

а) кызыезь возьматісьёсыз: *озы, тазы, кызы...*

б) макем луэмез возьматісьёсыз: *макем, сокем...*

в) лыд шоры возьматісьёсыз. Таяз котретэ пыртыны луоно лыд шоры возьматісь нимвоштосьёсты, куке соос ныръёзэз (сказуемоез) валэкто, кылсарысь: *кбня, котькбня, ноқбня, олоқбня, сомында, тамында, кудмында...* Малпанъёсмес юнматомы примеръёсын

Нимвоштос выллем
сямкылъёсын веранъёс

1. *Малы-о* такем куазен одно ик кезьыт зор улатіі кошконо выльэм вордйськем гуртысьтыз? (Самсонов 1995: 240).

2. *Ку гинэ* вуоз ни суббота жьыт? (Самсонов 1995: 243).

3. *Нылъёс* нош чыжектыса, возьдаскемзэс *кытчы* карыны тодытэк сыло... (Самсонов 1995: 241).

4. *Со* ик мадиз, *кызы* шедьтоно со урамез... (Самсонов 1995: 245).

5. *Кылыськыз*, чужапаез вераз, *кытын* ке *городын* кышнояськем (Самсонов 1995: 244).

6. *Нош тіі ... оломалы* сокем ваментіськиды, уг валаськы (Красильников 1977: 166).

7. *Тиркуш* пи *ноку* но ассэ ошо-

Нимвошгосьёсын веранъёс

1. *Нош кин* бен солы озы вералоз? (Самсонов 1995: 243).

2. *Кыіе* кужым кыске та Бадзым Лобонэ? (Самсонов 1995: 8).

3. *Кыіе* мылкыдъёс вал солэн сюлмаз та дыре, вераны шуг (Самсонов 1995: 24).

4. *Татчы* городэ уд вайы ук, *кинъёс* но, *кыіе* куноос но уг вуыло квартира-язы (Самсонов 1995: 28).

5. *Нош кин* ке жалыса, юалляськыса вераны турттэ ке, шылмурт палдуртіське ... (Самсонов 1995: 244).

6. *Олокычъёс* но вань висисъёс пöлын: одйёз туж зйбтыт кылле ... (Красильников 1997: 66).

7. *Номыре* но уг вера кадъ, *татын* кин ке вань шуыса (Самсонов 1995: 270).

ры адямшен ёзлыдыя (Самсонов 1995: 17).

8. *Нокызыы но дугдытыны уг ни быгато* (Самсонов 1995: 74).

9. *Татын солин ёужапаез улэ* (Самсонов 1995: 241).

10. ... *станциозь нуыси кельтоз, отысен ачиз тодоз ни* (Самсонов 1995: 246).

11. *Коткытын ке но луиз, ёужна султуса ёз ке ужа, котыз уг ке веська, керёегыське, маке уг тырмы кадь* (Самсонов 1995: 264).

12. *Мукетьёс шоры коткы но лек тусын учкылэ ке, Кузяз ноку но сёкыт кылын уз сапкы, малы ке шуоно Туркушкин аслаз Кузёёлэн ымаз гинэ учкыса ветлоз* (Самсонов 1995: 27).

8. *Нокыёе но сокем уж ёз на лэсьты Марина Егоровна, тани тазыы улэп выжыкылэ, син пёртмась кырзанэ пырон понна* (Самсонов 1995: 270).

9. *Танэ но дйёськемын нурысь плащен* (Самсонов 1995: 24).

10. *Со сюан нергеязы Петя Юшко-вез но арганлыз шудыты отизы вал — ёзлыкты* (Самсонов 1995: 26).

11. *Коткыд шапык виреныз со шодё но утылатыны тырише усто кылбурез* (Самсонов 1995: 265).

12. *Коткыдйёз айы тур малпаське ни, нюрвьяськонын астэ йёногес но кужмогес возьматоно, коткыёе мед адёськеоз ваче пумит вузм бусёнд ...* (Самсонов 1995: 36).

Вераньёс люкамын:

1. Самсонов Е. В. Тулыс ёужна: Повесть, очеркёс но веросёс / Люказ но азкылыз гожтёз И. В. Тараканов. Ижевск: Удмуртия. 1995. 288 б.

2. Красильников Г. Д. Арлэн кулсконэз. Роман но веросёс. Ижевск: Удмуртия, 1977. 256 б.

Н.В. КОНДРАТЬЕВА,
доцент УдГУ.

К ПРОБЛЕМЕ ПОНУДИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Имеется два основных направления восприятия каузативных конструкций: широкое, принятое в типологических исследованиях индоевропейских языков, где "под каузативным подразумевают все глаголы, выражающие каузативную ситуацию или причинно-следственное отношение между двумя микроситуациями, например: Его поступок заставил нас уйти" [Типология 1969: 6].

Более узкое понимание каузатива как морфолого-синтаксического поля

залоговости представлено финно-угорскими, тунгусо-манчжурскими и другими агглютинативными языками. В этом случае на каузативность глагольных единиц указывает, с одной стороны, то, что в предложении "действие наряду с реальным субъектом имеет и так называемый каузирующий субъект, т.е. лицо, которое побуждает реального субъекта к выполнению действия" [ЛЭС, 160], с другой — наличие морфологических маркеров.

В удмуртском языке показателем понудительного залога является формант *-т(ы)-*. Учитывая, что не во всех случаях данный аффикс может быть формо-образующим, В. И. Лыткин выделяет собственно-понудительные и понудительно-транзитивные формы вербальных единиц: "Собственно-понудительные формы образуются как от переходных, так и непереходных глаголов, обозначают понуждение кого-нибудь совершить то действие, которое выражено соответствующим непонудительным глаголом (...) Понудительно-транзитивные формы образуются только от непереходных глаголов, или вернее они всегда противостоят непонудительно-интранзитивным формам. Понудительно-транзитивные формы показывают переход на другой предмет того действия, которое выражено соответствующим непонудительным глаголом, при этом объектом является неодушевленный предмет (в качестве объекта может появиться одушевленный предмет при переносном употреблении глагола) — этим они отличаются от собственно-понудительной формы, где объектом служит одушевленный предмет (обычно лицо)" [Лыткин 1957: 100-104]. Однако, границы деривационных и реляционных функций данного показателя в пермском языкознании до сих пор уточняются. В этом отношении кажется целесообразным по аналогии с некоторыми финно-угорскими языками выделить следующие два типа соподчинительных отношений каузирующего и реального субъектов.

К первому типу глаголов можно отнести такие вербальные единицы, которые чаще всего образованы от непереходных глаголов посредством суффиксации *-т(ы)-* и выражают прямое воздействие субъекта на объект с целью изменения положения или состояния последнего: *выдыны* 'ложиться' ~ *выдытны* 'уложить', *лотыны* 'выйти' ~ *поттыны* 'вынести', *тодыны* 'знать' ~ *тодытны* 'извесгить, осведомить', *толыны* 'зимовать' ~ *толытны* 'оставить на зимовку', *небыны* 'размягчиться; раздобриться' ~ *небытны* 'сделать мягким, размягчить; раздобрить'; *Урядникез Марина кызы ке небытны быгатиз*, 'Урядника Марина смогла как-то раздобрить'. Суффикс *-т(ы)-* в структуре глаголов данного типа, с нашей точки зрения, целесообразно рассматривать как словообразующий, поскольку он участвует в образовании глагольных основ с новым лексическим значением; и глаголы в таком случае, согласно коммуникативной грамматике, будут представлять собой лексические каузативы, ибо в предложении они вносят "полисубъектность". "полимодальность", "полипредикативность" (см. об этом: [Золотова — Осипенко — Сидорова 1998: 74]): *Трактор шудыса кадъ поттиз ибдем машинаез, кыскыса вурйылозь ик тубыттиз по дугдиз*. 'Трактор словно играючи выгасил застрявшую в грязи машину, на буксире дотащил ее до холма и остановился'. *Тани Катя сузэрэз дортй берга, сайкатыны выре*. 'Вот Катя крутится вокруг

своей сестры, пытается разбудить'. *Омегаосты изь парта сьбьры пуктйзы*. 'Омгинских посадили за первые парги'. К этому же типу можно отнести транзитивные глаголы, образованные с помощью суффикса *-т(ы)-* непосредственно от именных основ: *Клуб азын репродуктор кайсь Атабаез шулдыртэ*. 'Стоящий перед клубом репродуктор веселит Атабаева'. *Зияддинэн мултэс оскымтэз Тургайтэс мылкыдэз уродмытыны одьяз*. 'Неверие Зиящина начало портить настроение Тургая'.

Ко второму типу глаголов относятся вербальные единицы, характеризующиеся наличием в каузативной семе прямого принуждения. Основным критерием выделения данного типа глаголов можно считать наличие прямого принуждения, поэтому в качестве агенса чаще всего здесь будет выступать одушевленный объект, суффикс *-т(ы)-* в этом случае будет иметь формообразующий характер.

В этом случае в каузативных конструкциях появляется два субъекта: первый (каузатор, соответствующий подлежащему) действия сам не производит, только побуждает; второй субъект (агенса) является носителем действия и выражается прямым дополнением, поэтому глаголы в форме понудительного залога всегда переходные, а агенса чаще всего характеризуется одушевленностью: *Олокытй, олокытй но ветлытйз, бызьылытйз калыкез чиновник*. 'Везде, везде чиновник заставил побегать, походить народ'. Однако имеются случаи, когда в роли агенса может фигурировать и неодушевленный предмет, что вызвано особыми условиями микроконтекста: *Ушьгяскол понна граммофонэ шудытйз*. 'Чтобы похвастаться, он включил граммофон (букв. заставил играть граммофон)'. Помимо двухактантности и двусубъектности, курагив содержит четкое указание на соотношении как самих действий, так и, в особенности, их исполнителей.

Приводимые ниже диатезы каузативных конструкции современного удмуртского языка определяются по двум семантическим признакам: 1) учитывается признак одушевленности/неодушевленности семантического подкласса имени, обозначающего каузатора (Са) и семантический подкласс имени, обозначающего объект каузации (агенса (Аг), пациенс (Рт)); 2) рассматривается отсутствие/наличие членов каузативных конструкций.

1. В случае, если каузатором является человек, формируются две диатезы каузативных отношений:

а) диатеза Са — Аг (-эз/-ез, -э/-е, -яс/-ес, -ыз, -ты) — Рт (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты) характерна для конструкций, выражающих воздействие одушевленного референта (Аг) на одушевленный референт (Рт). В этом случае оба объекта имеют морфологическую маркировку и в синтаксическом плане данные понудительные отношения редко имеют структуру: $S_{(ca)} O_{(ag)} O_{(pt)} V$; гораздо чаще, в зависимости от актуального членения предложения, в роли темы выступает либо агенса либо пациенс действия, условия морфологической маркировки прямых объектов при этом не теряются: *Война кутскол арыл городысь лыктэм художникез (Аг) суредатйз вал со (Са) Алексей Премудрый святоз (Рт)*. 'Приехавшего из города художника в год начала войны он заставил/попросил изобразить лик святого Алексея Премудрого'. *Вандэм ыжзэ*

(Pt) *собрере Кимошлэсь кышнозэ (Ag) пöзытыто соос (Са)*. 'Потом жену Кимоша заставлял/просил варить зарезанную овцу';

б) диатеза **Са – Ag** (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты) → **Pt** (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты; -ø) характерна для каузативных конструкций, выражающих воздействие одушевленного референта (Ag) на неодушевленный референт (Pt). В этом случае первый объект имеет облигативную морфологическую маркировку, оформление второго объекта зависит от семантических характеристик предиката и прямого объекта: *Мытам анае монэ көс дүлү-ø дасят*. 'Моя мама заставляет меня собрать сухую ольху'. *Панихуда лэсьтыны лыктэм понез бускельёс гуртазы молебн-ø лэсьтытйзы*. 'Соседи заставили/попросили пона, который пришел провести панихиду, провести у себя дома молебн';

в) диатеза **Са – Ag** (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты) употребляется в случае, если каузатором и агентом являются одушевленные референты, но действие в этом случае не может переходить на объект в силу интранзитивности вербальной единицы: *Мон верай ини тйледлы, Педорез кенератй шуыса*. 'Я же вам уже сказал, что забор поставить заставил/попросил Педора'. *Соос авьсэ-лэсь цк бускельёсэе музейе вылазы ужатйзы*. 'Они своих же соседей заставляли работать на своей земле'.

2. В случае, если каузатором являются неодушевленные предметы (явления, события), объекты действия агенса (Ag) и пациенса (Pt) накладываются, формируя диатезу **Са – Ag = Pt** (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты). В качестве предиката здесь чаще всего выступают "лексические каузативы": *Гонялм лыктэмзе, Гондыревээн вераськелез гинэ солэсь эсч мылкыдэз öжыт шöбөгөттйзы*. 'Лишь приход Гоня и разговор с Гондыревым немного испортили его настроение'. *Та йыдыл есйтёслы шöбдөттйз, соослэсь быдэ вулмэс гурт калык адже, солы шумпотэ шуыса*. 'Эта традиция заставляет/дает понять молодому поколению, что деревенский народ видит их в зрелости и радуется этому'.

3. Диатеза **Са – Pt** (-эз/-ез, -э/-е, -эс/-ес, -ыз, -ты; -ø), формируя куративные отношения, функционирует, когда агенс действия в речи не актуализируется. Иногда в синтаксических конструкциях данной диатезы может отсутствовать и указание на каузатора, однако его легко можно восстановить по личным формам предиката либо из микроконтекста: *Аслым умой дйсь-ø вурьыто, узыр тыоэлы кадэ*. ' Попрошу/заставлю спать себе хорошую, как богатым юношам, одежду'. *Пёвь сйлыын куртчыны такаэз вандыттои*. 'Заставим зарезать его барана, для того, чтобы закусить горячим мясом'.

Таким образом, популительный залог в удмуртском языке относится к явлениям, способствующим увеличению возможности вербальной единицы присоединять к себе агтанты прямого дополнения. В системах современных финно-угорских языков удвоенный аккузатив в каузативных конструкциях явление не очень распространённое. Кроме как для удмуртского, тенденция к выражению агенса формой винительного падежа характерна лишь для некоторых саамских языков (см. об этом: [Mikola 1995: 257]). В большинстве языков агенс имеет тенденцию к оформлению дательным падежом: ср. в частности, коми *Me kiskeda... pin' doktorly*. 'Я заставил вырвать зуб зубного врача'. Оформление агенса дательным падежом находит свое выражение в марийском, ненецком, иганасанском,

селькупском, хантыйском языках (см. об этом подробнее: [Mikola 1995: 258]). В некоторых других языках функциональная нагрузка выражения агенса каузативных конструкций может перекладываться на инструменталь (например, в венгерском) либо на послеложные конструкции (в частности, в мордовских).

Исследовав проблему выражения агенса в каузативных конструкциях в языках разных типов, Б. Комри пришел к выводу, что процесс замещения форм выражения агенса имеет следующую последовательность: Nom. > Akk. > Dat. > наличие специальных падежных форман гов или послеложных конструкций (цитируется по: [Mikola 1995: 254]). Отсюда становится понятным наличие вариантов (варьирование винительного и дательного падежей) в некоторых аналитических формах выражения каузации в системе современного удмуртского языка: *Со дырысен тóроос адямисыз ог-огзэс сак эскерыса улыно косо*. 'С тех пор старейшины засгавляют людей следить друг за другом'. ~ *Котькуд воинылы (дат.п.) косзын вал кызыну туй, юрсир по кык сажень кенер тэчет дасыны*. 'Каждому воину было приказано подготовить кору березы, смолу и две сажени поперечин'.

Таким образом, понудительный залог в системе современного удмуртского языка характеризуется наличием морфологического показателя *-ты* и на синтаксическом уровне относится к явлениям, способствующим увеличению возможности вербальной единицы присоединять к себе актанты прямого дополнения.

Литература

- Золотова Л. А., Осипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1998. 528 с.
- Лыткин В. И. Понудительный залог в пермских языках // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1957. Вып. 18. С. 93–113.
- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
- Типология — Типология конструкции с предикативными актантами / Под ред. В. С. Храковского. Л.: Наука, 1985. 232 с.
- Mikola T. Kauszative Konstruktionen in den uralischen Sprachen // Néprajz és Nyelvtudomány. Néprajzi konferencia. Szeged, 1994. Május 7. Szeged, 1995. XXXVI. Ol. 251–267.

А.А. ШИБАНОВ,
аспирант.

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ НАРЕЧНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ И ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ

В данной статье мы попытаемся рассмотреть структурные типы наречно-изобразительных и звукоподражательных слов удмуртского языка на материале говоров деревень Нижняя Кузьма, Пусошур, Трубашур и Штанигурт

Глазовского района.

Теоретической основой при рассмотрении структурных типов анализируемой группы слов послужили работы С. В. Воронина «Основы фоносемантики» (1982), Н. К. Дмитриева «Строй тюркских языков» (1962), В. А. Пытмы «Звукоизобразительные глаголы в эстонском литературном языке» (1967).

Лексический материал был собран самим докладчиком в ходе полевых экспедиций в 1999-2000-м годах в вышеназванных деревнях северной диалектной зоны.

В удмуртских изобразительных словах нет чужих для языка звуков, но обнаруживаются особенности сочетания звуков и структуры слова. Главной структурной особенностью исследуемых говоров, как в частности и литературного языка в целом, является неупотребление в анлауте гласного звука. Во всех структурах начальное положение занимает согласный звук (изобразительное слово с гласной в анлауте зафиксировано только одно, которое употребляется в роли глагола: ыргэтыны 'рычать' (Пш., Тш.).

Разные звуковые системы, структура слова (в данных отношениях и расположение в словах гласных и согласных, число слогов и т.п.), обуславливают то обстоятельство, что одни и те же звуки внешнего мира в разных языках передаются разными способами. Чем ближе звуковая система языков, тем больше общее в их ономастических словах.

Звуковая форма и изобраительного слова, со значащая эмоциональные образы множества разнообразных звуковых явлений действительности, выражающихся в стуке, грохоте, дребезжании, треске, топании, хрусте, бурлении, шипении, кипении, шуршании, шорохе, разрыве и тому подобных действиях, образуется в соответствии с изображаемым им звуком природы. Поэтому вполне естественно, что слова, передающие сходные звучания или явления, схожи и по своему звуковому составу: *жабыл' -жабыл' нйт'т'и мьыны 'с шумом идти по грязи'* (Тш.); *жал'эр ву вийа 'с журчанием бежит вода'* (Пш.); *жомбыл' -жомбыл' котмэмби 'промокши до нитки'* (НК); *жомбыл' -жомбыл' плак'кэ 'с шумом купается (резвится в воде, из-за чего вода издает шум)'* (Тш.).

В приведенных примерах сходство звучаний передается через звонкий согласный ж, который передает шум воды.

Содержание ономастических слов многообразно. Они передают как звуки, издаваемые человеком и другими одушевленными (живыми) существами, так и звуки, вызванные явлениями природы или процессом труда.

«Структура изобразительных слов является их самой устойчивой частью, формой формы, изучение которой для установления закономерности согласованности формы с содержанием слова имеет особую важность» [Пытма 1967: 18].

Надо отметить, что при составлении структур и изобразительных слов, мы столкнулись с рядом проблем. Как уже отмечалось, в удмуртском языке изобразительные слова зачастую встречаются в виде повторов. Легче обстоит дело с «недеформированными» звукоподражательными и наречно-и изобразительными словами. При составлении их структуры мы рассматривали первую часть и изобразительных слов, т.к. вторая часть в точности воспроизводит первую. Наравне с ними анализировали изобразительные слова, вторая часть которых отличается от пер-

вой начальной гласной (остальные звуки повторяются). Следует отметить, что такие повторы, в которых второй компонент отличается от первого количеством звуков, мы в данной работе не исследовали, т.к. их образование представляет из себя определенную сложность.

Богатство звуковых комбинаций корней говоров деревень Нижняя Кузьма, Пусошур, Трубашур и Штанигурт вмещается в следующие структурные типы. В структурных моделях Г обозначает гласный, С — согласный:

1. СГС: *ббг-ббг луэм* 'стал пухлым' (НК, Пш., Тш., Шг.); *ббз-ббз с'ис'кэнь* 'плотно поест' (НК); *вар-вар йэук пбз'э* 'каша кипит с хлопотаньем' (Шг.); *вэз-вэз кыл'э* 'лежит растянувшись' (Пш., Тш., Шг.); *вүч-вүч ббрдиз* 'плакала всхлипывая' (Пш.); *ган-ган' кыл'э'э* 'лежит расторопно' (Пш., Тш.); *гүч-гүч ву йуэ* 'гульк-гульк! пьет воду' (НК, Пш., Тш., Шг.); *гүч-гүч карис'киз* 'испугался' (НК); *жал-жал' зорэ* 'идет сильный дождь' (НК, Пш., Тш., Шг.); *жин-жин т'эл'эфон уаз'э* 'телефон звонит' (Тш.); *жур бэрга* 'крутится с шумом' (Пш.); *зар-зар ббрдэ* 'очень громко, пронзительно плачет' (НК, Пш., Тш., Шг.); *зир оэ ус'тис'киз* 'дверь открылась со скрипом' (Шг.); *звз пэсок вийа* 'песок сыплется с шумом' (НК); *йбг-йбг лэс'тыны* 'сделать хорошо, на совесть' (Пш., Тш.); *лад'-лад'мынэ* 'идет неторопливо' (Шг.); *лан'-лан'шаганы* 'шагать неторопливо' (Пш., Тш.); *луз'-луз' дис'* 'длинная одежда' (НК); *пур-пур йупка дис'аз* 'одела очень широкую юбку' (Пш.); *сач-сач ад'ами* 'хороший человек' (НК); *сыч-сыч кблыны* 'крепко спать' (Шг.); *тан-тан карэ* 'стучит' (НК, Пш., Тш., Шг.); *тар кошкиз мот'ик* 'мотоцикл уехал с рокотом' (НК, Пш., Тш., Шг.); *точ-точ куайэм* 'очень сильно растолстел' (Пш.); *тур лобзиз* 'с шумом взлетела (птица)' (НК); *чан-чан пэл' дорад с'отю* 'стукну хорошененько в висок' (Тш.); *чан-чан битоньн вүйэз* 'бидон переполнен водой' (Пш.); *чиз кошкиз мушлэс'* 'с визгом убежал от пчелы' (НК); *чажэ-чажэ зорэ* 'идет сильный дождь' (НК, Пш., Тш., Шг.); *чик-чик с'улэм йыгас'-кэ* 'тук-тук! бьется сердце' (Шг.); *чин-чин жуэгуз* 'сильно побил' (НК); *чир кэс'ас'-кэ* 'пронзительно кричи' (НК, Пш., Тш., Шг.); *чув-чув турнас'кэ* 'косит с шумом (шум косы при косьбе)' (Шг.); *шан-шан зор ус'э* 'капает дождь' (НК, Пш., Тш., Шг.); *шар пбз'э* 'сильно кипит' (Тш.); *шир бэрга* 'очень быстро крутится' (Пш.) (всего 36 слов).

2. ССГС: *крок-крок куака карэ* 'ворона каркает' (НК); *кром-кром с'ис'кэ* 'хрум-хрум! ест' (НК, Пш., Тш., Шг.); *шлач котлиз* 'промок насквозь' (НК, Пш., Тш., Шг.); *шл'оп вут'и вэтлэ* 'шлепает по лужам' (НК, Пш., Тш., Шг.) (всего 4 слова)

3. СГС: *күажэ-күажэ с'ис'кэ* 'ест с хрустом' (НК, Пш., Тш., Шг.); *күан'-күан' пунь карэ* 'шенок скулит' (НК, Пш., Тш., Шг.) (всего два слова).

4. СГСС: *бул'к вүйэ ус'из* 'бульк! упало в воду' (НК, Пш., Тш., Шг.); *бьл'к-бьл'к укэ* 'смотрит вытаращив глаза' (НК); *вэрт-вэрт с'улэм карэ* 'тук-тук! бьется сердце' (Тш.); *гарк-гарк* 'кар-кар' (НК, Пш., Тш., Шг.); *гул'к-гул'к ву йуэ* 'гульк-гульк! пьет воду' (НК, Пш., Тш., Шг.); *жил'к з'эрно кичкэ* 'с шумом сыплется зерно' (Тш.); *зурк-зурк кэз'эт* 'очень холодно' (НК); *зэрт кэз'эт* 'очень холодно' (НК, Пш., Тш., Шг.); *корк-корк кэзэ* 'громко кашляет' (Тш.); *корк-корк кэзэ* 'громко кашляет' (НК); *лорс гинэ чигиз* 'сломалось с хрустом' (НК, Пш., Тш., Шг.); *тарс чигиз* 'сломалось с хрустом' (НК, Тш.); *шал'т-шал'т ад'ами* 'надежный человек' (НК); *шарк кэнмэм* 'сильно застыло' (Тш.); *шурк*

гинэ шьр приз нас'аз 'мышка быстро забежала в нору' (Тш.) (всего 15 слов).

5. СГСГС: *бугьл'-бугьл'* карьнь 'делать пузыльм' (НК); *бугьр-бугьр* эжгон 'мягкая, пушистая шерсть' (Пш., Тш.); *бул'эр ноз'* 'клокочет' (Шг.); *бьл'эр с'иневу потэ* 'слезы так и катятся' (НК); *гудьр-гудьр карыны* 'тремать' (Пш., Тш.); *дыбьр пэгэзэ* 'быстро убегают' (Пш., Тш.); *дыгьр вал робойн мьнэ* 'лошадиная повозка дребезжит' (Пш.); *жабьл'-жибьл'* котмиз 'промок насквозь' (НК); *жал'эр зорыны* 'обильно илти дождю' (Тш.); *жильр вийа* 'бежит с журчанием' (НК, Пш., Тш., Шг.); *жэотьр-жэотьр бэрдиз* 'плакал всхлипывая' (НК); *жукьр-жукьр уаз'э* 'скрипит' (НК, Шг.); *жил'эр-жил'эр карыны* 'чирикать' (Пш.); *йыгьр-йыгьр* мугор 'тело покрыто гусиной кожей' (Пш.); *кэток-кэток* пинал карэ 'ребенок икает' (НК); *лакьр-лакьр карьнь* 'хрустеть' (НК); *лоп'эр-лоп'эр н'эбьт улвай* 'очень мягкая ветка' (НК); *лосьр-лосьр лэс тэзмьн* 'сделано очень надежно' (НК); *нагьл'-нагьл'* нагишом' (НК, Пш., Тш., Шг.); *нитьр-нитьр бэра* 'крутится' (НК, Пш., Тш., Шг.); *пул'эр-пул'эр ву карэ* 'вода пузырится' (НК, Пш., Тш., Шг.); *сачьр-сачьр котми* 'промок насквозь' (НК, Пш., Тш., Шг.); *такьр трактор карэ* 'трактор тарыхтит' (НК, Пш., Тш., Шг.); *тачьр жэуа* 'горит с треском' (Тш.); *тыньр-тыньр* тэччало 'пляшут с грохотом' (Пш.); *чикьр-чикьр пин'* жукьртэ 'зубы скрежут' (Тш.); *чут'эк-чут'эк* 'хромой' (НК); *чутьр-чутьр кэт с'ума* 'сильно хочется есть' (Пш.); *чузьр с'уй ус'э* 'земля сыплется с шумом' (Пш.); *чэбьр-чэбьр пис'ай карэ* 'кошка царапается' (Шг.); *чэжьр жэуа* 'горит с треском' (Пш., Тш.); *шаньр-шаньр зорэ* 'моросит' (НК, Пш., Тш., Шг.); *шэжьр-шэжьр куас'миз* 'высох до хроста' (Пш.); *шучьр-шучьр н'ан' чьрса* 'пышно поднимается тесто' (Пш., Тш.) (всего 34 слова).

6. СГССГС: *бурсак-бурсак лэмьйит'и мьнэнь* 'идти по снежному сугробу, глубоко проваливаясь' (НК); *дамьбьр уаз'э* 'грохочет' (НК, Пш., Тш., Шг.); *домьбл'-домьбл'* ад'ами 'толстый человек' (НК); *домьбьр-домьбьр шудэ гитарайэн* 'бренчит на гитаре' (Шг.); *дэмьбл'эглэ* 'ходит голышом' (НК); *дэмьбьр мьнэ* 'едет с грохотом' (Пш., Тш.); *дньгьр робо мьнэ* 'повозка (лошадиная) едет с грохотом' (Пш.); *жал'тьр чэизз карэ* 'цепь звенит' (Тш.); *жамьбьр шурэ прэ* 'с шумом заходит в речку' (Пш., Тш.); *жангьр вэдра жангьртэ* 'звонко звенит ведро' (НК); *жил'тьр вийа* 'бежит с журчанием' (НК); *жомьбьл' котмэм* 'промок насквозь' (НК); *колт'эр-колт'эр машина* 'разваленная машина' (Шг.); *лус'т'эр* 'лохматый' (НК, Пш., Тш., Шг.); *чил'т'эр дун ву* 'очень чистая вода' (НК); *чэаит'эр куарйос каро* 'листья шуршат' (НК, Пш., Тш., Шг.); *шал'т'эр ус'из* 'упал с грохотом' (НК, Пш., Тш., Шг.) (всего 17 слов).

7. СГСГСГС: *бугьрак трактор чьн лэз'э* 'трактор выпускает (периодически) густые клубы дыма' (Тш.) (1 слово).

8. СГССГСГС: *дамьбьрак ус'из* 'упал с грохотом' (НК) (1 слово).

9. СГСССГС: *шал'трак жэзэкинос поти-зы* 'дружно вылупились гусята' (Пш.) (1 слово).

Звуковой состав изобразительных слов очень часто непосредственно связан с природой производимого звучания. Так, для передачи тихих звучаний подбираются звуковые комплексы преимущественно с глухими согласными, в состав которых часто входит звук ш: *чэаит'эр куарйос ус'э* 'с шуршанием падают листья' (Пш., Тш.); *шал'т кон'дон карэ* 'монеты (медные) бряцают' (Тш); *шан-шан* зорэ

'идет несильный дождь' (с помощью данного звукоподражания пытаются передать звуки падающих капель); и др. Для передачи громких, сильных звучаний употребляются звуковые комплексы, состоящие из звонких согласных, часто с включением сонорных звуков: *дъмбър-да-мбър ус'из* 'упал с грохотом' (НК, Пш., Тш., Шг.); *домбър гитарайэн шуэд* 'бренчит на гитаре' (Пш.); *гул'к-гул'к ву йуэ* 'громко пьет воду' (НК, Пш., Тш., Шг.); и др.

Конечные согласные в звукоподражательных и наречно-изобразительных словах могут передавать продолжительность звучаний. В исследуемых говорах продолжительность действия показывает дрожаший звук *р*. Данный звук характерен особенно для структур СГСГС и СГССГС, который встречается в большинстве изобразительных слов в конечных позициях. Какие согласные могут встречаться в структурах изобразительных слов? Нами определена частотность употребления следующих согласных звуков в различных положениях (в анлауте, в инлауте и в ауслaute) (рассматриваются все структуры вместе):

Положение Звук	Анлаутное	Инлаутное	Ауслautное
б	12	11	
в	9	15	1
г	6	15	6
д	11	1	
д'			1
ж	14	1	6
ж'	2		
з	1	4	5
з'		1	2
э	11		
й	4		
к	13	9	27
л	16	6	3
л'	1	25	11
м	2	9	1
н	1	7	6
н'	5		3
п	7	12	3
р	1	19	81
с	8	2	4
с'	1	2	1
т	9	22	3
т'			2
ч	16	5	12
щ	6	2	3
ш	24	3	4

Как видим из таблицы, во всех положениях встречаются почти все гласные звуки фонетической системы удмуртского языка. В анлаутном положении не встречаются согласные *д'*, *з'*, *т'*. В инлаутном положении отсутствуют *д'*, *ж'*, *э*, *й*, *н'*, *т'*. В конечном положении не встречаем следующие соглас-

ные: б, д, ж, з, й.

Наблюдаем частое употребление согласных, а именно: в начале слова — б, в, д, ж, з, к, л, п, с, т, ч, ш; в середине слова — б, в, г, к, л', м, н, п, р, т; в конце слова — к, л', р, ч.

Таким образом, в исследуемых говорах существуют следующие структурные типы, на которые мы можем подразделить наречно-изобразительные и звукоподражательные слова: СГС, ССГС, СГГС, СГСС, СГСГС, СГССГС, СГСГСГС, СГССГСГС и СГСССГС. Наиболее часто встречающимися являются следующие: СГС, СГСС, СГСГС и СГССГС.

В структурных типах в роли согласного в ниже-кузьминском, пусошурском, трубашурском, штанигуртском говорах могут выступать почти все согласные звуковой системы удмуртского языка, причем в любой его позиции. Исключением являются некоторые согласные, в частности, крайне редкое выступление палатальных согласных в анлауте.

Дальнейшее изучение звуковой системы наречно-изобразительных и звукоподражательных слов представляет определенный интерес для исследователей, интересующихся данной проблемой.

Список использованной литературы

- Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ. 1982. 244 с.
Дмитриев Н. К. Строи тюркских языков. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. 608 с.
Пыла В. А. Звукоизобразительные глаголы в эстонском литературном языке: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. АН СССР. Отделение общественных наук. Таллин, 1967. 47 с.

Условные сокращения деревень

НК — Нижняя Кузьма
 Пш. — Пусошур
 Тш. — Трубашур
 Шг. — Штанигурт

Список информантов

1. *Васильева Юлия Алексеевна* (1927, 7 кл.; пенсионерка), д. Пусошур
2. *Владыкина Капиталина Семеновна* (1936, 7 кл.; пенсионерка), д. Штанигурт
3. *Горбушина Ангелина Антоновна* (1931, 7 кл.; пенсионерка), д. Штанигурт
4. *Жуйкова Юлия Савельевна* (1928, 6 кл.; пенсионерка), д. Пусошур
5. *Поздеева Глафира Егоровна* (1927, 7 кл.; пенсионерка), д. Нижняя Кузьма
6. *Селиверстова Алевтина Александровна* (1937, 4 кл.; пенсионерка), д. Нижняя Кузьма
7. *Шибанов Леопид Павлович* (1927-2002, 7 кл.; пенсионер), д. Трубашур
8. *Шибанова Людмила Григорьевна* (1926-2000, 7 кл.), д. Трубашур

О СЛУЧАЯХ ПОЛНОГО СОГЛАСОВАНИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО С ОПРЕДЕЛЯЕМЫМ СЛОВОМ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Имя прилагательное в удмуртском языке, маркированное суффиксом *-эз (-ез)/-ыз*, согласуется с определяемым словом и в числе, и в падеже: *Инемтій уяьэ пилемъёсыз учке. Бадзыльмъёсыз но, ничиосыз но пилемъёс вань* (Сз. 75). 'Смотрит плывущие по небу облака. И большие, и маленькие облака есть'. *Узырьёсыз удмуртъёс, тброос, колонизаторъёсын но потъёсын зыгъясъкыю, соослы дворникын ужало, извозн ветлыло, їуч кылы дышетско* (ЗВ. 139). 'Богатые удмурты, старосты, завязывают дружбу с колонизаторами и попами, занимаются к ним в дворники, занимаются извозом, обучаются русскому языку'.

Сущность данного суффикса кратко и достаточно точно охарактеризовала А. А. Поздеева [1938: 55]: «Прилагательнойёсты *-эз, -ез* кыллумен верано соку, кукке предметлэсь со признаковэ висьяса верано луэ»; также еще определения и других исследователей, как «суффикс *-эз...* служит для особого указания, выделения, конкретизации в данной цепи мысли какого-нибудь известного для собеседника предмета (или нескольких предметов) из числа других ему близких или однотипных» [Алатырев 1970: 1] наводят на мысль о том, что в таких примерах присутствует **дейктический** (указывающий, выделяющий, дифференцирующий посредством соотношения с лицами и предметами [Ахманова 1966: 126]) элемент. Действительно, прилагательные, оформленные аффиксом *-эз (-ез) /-ыз*, не только согласуются с определяемым словом в числе и падеже, но также (по нашему мнению — главным образом) выполняют указательную функцию, при этом подчеркивая и выделяя данный признак определяемого слова из среды однородных.

Для выявления сочетаемости оформленного выделительно-указательным аффиксом прилагательного с определяемым словом был собран материал методом сплошной выборки из 6 произведений (см. источники). Полученные результаты зафиксированы в таблице 1 (см. 46 стр.).

В результате анализа данных, отраженных в таблице 1, можно отметить, что в большинстве случаев прилагательное на *-эз (-ез)/-ыз* выступает в предложении без какого-либо определяемого слова, иными словами это определяемое фактически отсутствует, но тем не менее восстанавливается по контексту или лишь предполагается. Таким образом, в подобных примерах при-

существует эллипсис — «пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы» [БЭС 1998: 592].

Таблица 1.

Случай обязательного согласования имени прилагательного
с определяемым словом

№	Согласование прилагательного с определяемым словом:	Произведения						Всего:
		Сз.	Г.	Шп.	Тк.	Ш.	Ксч.	
1.	В сочетании с определяемым словом: а) в единственном числе б) во множественном числе	25	1	2	1	4	3	36 / 35,3%
		17	-	2	1	3	3	
		8	1	-	-	1	-	
2.	Без определяемого слова¹: а) в единственном числе б) во множественном числе	12	-	13	11	17	13	66 / 64,7%
		8	-	11	8	16	12	
		4	-	2	3	1	1	
ИТОГО								102 / 100%

По данным таблицы 1, подобных случаев эллипсиса определяемого слова — абсолютное большинство (64,7% от всех случаев).

Тумошо, дыр, но син шорам ничи арбери, бадзымез сярывь, нырысьгес йотъ (Ш. 70). 'Забавно, наверно, но маленькая вещь, но сравненно с большой, бросается мне в глаза раньше'.

Прилагательное *бадзымез* выступает без определяемого слова, но тем не менее это определяемое слово как бы само напрашивается и при этом присутствует в предложении, но в сочетании с другим прилагательным: *ничи арбери* 'маленькая вещь' — *бадзымез* [*арбери*] 'большая вещь'. Подобное явление эллипсиса объяснимо с семантической точки зрения: стремление языка к более простому и отказ от нагромождений. Сравни также:

Степан но бубиз кадь ик... Азь питран кытй — берыз но отй (Шп. 32). 'Степан такой же как и его отец... Куда [катится] переднее колесо — туда же и заднее' — восстанавливается *питран* 'колесо'. *Сур дырлы даяськыса соос нуок корка люкасво но выль кырзанъёс кылало-бурало, вужъёссэ тодазы ваё (Шп. 97).* 'Готовясь к празднованию Покрова, они собираются в доме посиделок и поют новые песни, вспоминают старые' (восстанавливается *кырзанъёсты* 'песни'). *Вужыз мудормы усъыса сбрисъкыз, — вераны валатске дышетйсь.*

¹ В таких примерах определяемое слово отсутствует, но либо присутствует в контексте, либо предполагается.

— *Вьльзэ черке освятить карыны нуимы* (ЗВ. 164). 'Старая икона, упав, разбилась, — нашелся что сказать учитель. — Новую (восстанавливается *мудорез* 'икону') отнесли в церковь для освящения'.

В некоторых случаях определяемое слово прилагательного вообще отсутствует в контексте и лишь предполагается, иными словами прослеживается «отсутствие какого-либо компонента высказывания, легко восстанавливаемого из конкретной речевой ситуации» [БЭС 1998: 592]:

— *Дугды ай, мон тыныд улмопуыс ишкалто. Мукетсэ. Ческытсэ* (Ш. 157). '— Погоди-ко, я тебе с яблони сорву. Другое. Вкусное' — напрашивается *улмоез* 'яблоко'. См. также:

Со дыр кустын дуннеын тынсытыд шудоез уз луы (Ш. 57). 'За это время в мире счастливее тебя никого не будет' (*адями* 'человека'); *Асьзэос мед ужалозы. Уродьёссэ нош выжытэм адытны кулэ* (Г. 95). 'Сами пусть работают. Плохих же надо искоренить (*адымюсты* 'людей')'.

Подразделение прилагательных на случаи с восстанавливаемым по контексту определяемым словом либо лишь предполагаемым весьма условно, поскольку в большинстве случаев данное обстоятельство зависит от объема рассматриваемого контекста.

Прилагательное, оформленное выделительно-указательным аффиксом, выступая без определяемого слова, в некоторых случаях может субстантивироваться, что также происходит, например, в коми языке (см.: [СКЯ 1955: 176—178]. При этом прилагательное теряет свои признаки и приобретает признаки существительного:

Солзэ ортчым, татйяз курытэныз эшласькыны шётам (Тк. 20) 'Помню этого, теперь пристрастился к спиртному (букв. горькому)'. *Умойзэ но, уродзэ но вералэ, Бажутин эш, — шуиз чильым кенжытйш егит пи Чорыгов Микаль* (Шп. 92). 'И хорошее, и плохое выскажите, товарищ Бажутин, — сказал прикуривающий трубку молодой парень Чорыгов Микаль'.

В дополнение к этому следует отметить, что граница между субстантивацией и эллипсисом определяемого слова в данном случае опять-таки довольно спорна. К настоящему моменту данный вопрос является малоисследованным, вследствие чего отсутствуют четкие параметры обоих явлений.

Источники

Г. — М. Коновалов. Гаян: Романгёс но веросьёс / Азькылэз Ф. К. Ермаковлэн. Ижевск: Удмуртия, 1990. 385 б.

ЗВ. — Кедр Митрей. Секыт зйбет: Роман, повесть, веросьёс, кылбурьёс, поэма, толэ ваён / Азькылэз П. Поздеевлэн. Ижевск: Удмуртия, 1988. 137—280-тй б.

Кеч. — Л. С. Христюлова. Калык сямьёсты чакласа: Дышткисьёслы красдения юрттат. Ижевск: Удмуртия, 1995. 212 б.

Сз. — Кедр Митрей. Секыт зйбет: Роман, повесть, веросьёс, кылбурьёс, поэма, толэ ваён / Азькылэз П. Поздеевлэн. Ижевск: Удмуртия, 1988. 16—136-тй б.

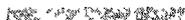
Тк. — Г. Перевошиков. Тёды куака: Роман. Ижевск: Удмуртия, 1994. 328 б.

Ш. — С. Матвеев. Шузи: Роман, повесть, веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1995. 288 б.

Шп. — М. А. Лямин. Шудбур пошна. Повесть. Ижевск: Удмуртия, 1976. 464 б.

Библиографический список

- Алатырев В. И.* Выделительно-указательная категория в удмуртском языке: Расширенный доклад на III Международном конгрессе финно-угроведов в г. Таллине / Удм. НИИ исг., экон., лог. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1970. 74 с.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
- БЭС* – Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
- Поздеева А. А.* Удмурт грамматика. Нырысетй люкет эз: Фонетика но морфология. Неполной средней но средней школары учебник. Ижевск: Удмуртской гос. изд-во, 1938. 112 б.
- СКЯ* – Современный коми язык: Учебник для высш. учеб. заведения / АН СССР. Коми филиал. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. Ч. 1: Фонетика, лексика, морфология. 312 с.

В. К. КЕЛЬМАКОВ,
доктор филологических наук,
профессор УдГУ.

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ ГАЗЕТЫ «УДМУРТ ДУННЕ»*

Решение вопроса о том, как соотносится язык и стиль газеты «Удмурт дунне» с нормами современного удмуртского литературного языка, сопряжено с трудностями двоякого характера:

1) с одной стороны, язык любой газеты, которая по своему статусу помещает на своих страницах тексты самых различных жанров, начиная от простой газетной информации политического или иного содержания до художественного произведения или эссе философского характера, имеет

весьма разнородный стиль. Это в наибольшей степени касается «Удмурт дунне», единственной общи республиканской газеты на удмуртском языке, не имеющей возможности специализироваться на каком-либо определенном направлении;

2) с другой стороны, весьма распылывчаго само понятие норм удмуртского литературного языка. При отсутствии орфоэнических, синонимических, фразеологических, диалектологических и других словарей и прочих нормирующих пособий, нормы

* Расширенный и дополненный вариант доклада, который был прочитан на V Международном симпозиуме "Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья", состоявшемся в Ижевске 18–19 марта 2003 года.

удмуртского литературного языка существуют в сознании говорящих и пишущих на удмуртском языке имплицитно, интуитивно, и посему они в значительной мере носят субъективный характер. Правда, роль нормирующего начала могли бы в определенной степени играть научная и школьные грамматики и орфографический словарь с орфографическими и пунктуационными правилами; но полноценное функционирование перечисленных пособий в указанном направлении во многом зависит от полноты и объективности охваченных последними языковых явлений и соответствия интерпретации их современному уровню развития языка и науки о нем.

Если попытаться оценить современные грамматики, ныне действующие (или вновь составленные) орфографические словари, орфографические и пунктуационные правила как отражающие современное состояние развития удмуртского языка, с одной стороны, и как нормирующие справочные пособия, — с другой, то вынуждены прийти к весьма неутешительным выводам. Русско-удмуртский словарь 1956 г. [РУС 1956], удмуртско-русский 1983 г. [УРС 1983], научная грамматика, части которой изданы в 1962–1974 гг. [ГСУЯ 1962–1974], в значительной мере уже устарели не только в анализе языковых явлений, но и в охвате эмпирического материала. Неудовлетворительность научной грамматики, в особенности синтаксической части ее, заключается еще и в том, что она составлена преимущественно по образцу русских грамматик, и как следствие этого, в ней получили относительно полное освещение преимущественно те

синтаксические явления, которые имеют параллели в русском языке; явления же, составляющие специфику удмуртского языка, как правило, не нашли отражения. Последнее касается преимущественно различных конструкций и оборотов, эквивалентных придаточным предложениям русского языка, но в то же время не являющиеся таковыми. Что касается школьных грамматик, то грамматический строй удмуртского языка освещен в них крайне примитивно; к тому же как по интерпретации лингвистических явлений, так и по характеру языкового материала и терминологии (не только лингвистической) они отражают 50–60-е гг. развития удмуртского языка.

Не многим лучше и орфографические и пунктуационные правила, опубликованные в прошлом — 2002 — году. Приведу лишь один пример. Одно из правил звучит так: “Запятой пуктійське... сложноподчинённой предложеньны придаточной предложениез висъяку... *гинэ... но, ке но, ке, шуыса, озьы ке но* союзёс бере” [УШГК 2002: 46]. ‘Запятая ставится при обособлении придаточных предложений после союзов *гинэ... но, ке но, ке, шуыса, озьы ке но*’. Ущербность и посему ошибочность этого правила очевидны:

во-первых, оно не считается с возможностью и/или необходимостью расположения придаточного предложения внутри и после главного, напр.: *Омель, аслаз мааланэз одио ик быдэсмоз шуыса, туж мур оске. Ёмельян очень надеется, что его мечта обязательно сбудется* [ГСУЯ 1974: 54]; *Шумпотыса тырыськод ас улон квартиранд, отын шумьт но чебер ке.* ‘С радостью заходишь в свою квар-

тиру, если там тепло и уютно' [ГСУЯ 1974: 91]:

во-вторых, не учитывает того простого факта, уже нашедшего свое отражение в научной грамматике, что некоторые союзы (напр., *ке* 'если', *ке но* 'хотя') не всегда располагаются в постпозиции придаточного предложения, поэтому запятая, отделяющая придаточное предложение от главного, никак не может быть поставлена непосредственно после этих союзов, ср., напр.: *Кушман ке мерттид, кушман ик потоз.* 'Если поссеешь редьку, редька и вырастет' [ГСУЯ 1974: 90]; *Зуч кылын ке но вераз аркерей, солсь веразэ удмуртвэс туже зеч валазы.* 'Хотя и говори архиерей по-русски, удмурты прекрасно поняли его слова' [ГСУЯ 1974: 96].

Для желающих руководствоваться подобного рода недоработанным (и посему ошибочным) нормативным документом есть только два пути: или полностью игнорировать неверное правило, или, подлаживаясь под нормирующее правило, составлять сложноподчиненные предложения таким образом, чтобы придаточные всегда располагались лишь перед главными, а союзы *ке* и *ке но* в составе придаточных занимали исключительно постпозицию. Разумеется, ни тот, ни другой путь ни к чему хорошему не приведут.

Следовательно, при отсутствии нормативных документов или их неудовлетворительном характере в качестве критериев норм в удмуртском литературном языке выступают интуитивные и эмпирические представления автора статьи, в возможных случаях соотносенные с правилами и законами, получившие ча-

стичное отражение в нормативных документах по удмуртскому языку.

Для анализа выбрана газета «Удмурт дунне» не потому, что она лучше всех других изданий оградит и направляет нормы современного удмуртского литературного языка, а по следующим причинам: во-первых, она, восходящая к важнейшему формирующему нормы удмуртского литературного языка газете «Гудыри», имеет длительную положительную в этом отношении традицию; во-вторых, являясь единственным республиканским периодическим изданием универсального характера и имея высокую частотность (выходит 4 раза в неделю), пользуется большей популярностью среди удмуртских читателей, нежели другие издания, о чем свидетельствует и ее тираж в сравнении с тиражом других республиканских газет и журналов на удмуртском языке: газ. «Удмурт дунне» — 10 100; журн. «Кизили» — 2 050; журн. «Кенеш» — 1 550; журн. «Иновожо» — 1 500; газ. «Зечбур!» — 2 546; журн. «Вордскем кыл» — 1 000; журн. «Ашальчи» — около 400. И поэтому эта газета имеет огромное влияние на формирование письменной речи современных удмуртов.

Для анализа был взят пятничный вдвойнный номер газеты «Удмурт дунне» за 31 января 2003 г., № 16—17. с. 1—6, 11—16 (при материалах, извлеченных из данного номера, указывается только страница). Иногда используются материалы и из других номеров газеты, в таком случае они насортизируются более полно. Из множества проблем, очерченных формулировкой «язык и стиль» газеты, объектом анализа будут в данной работе лишь некоторые.

В связи с необходимостью перевода новой Конституции Удмуртской Республики на удмуртский язык была создана Республиканская терминологическая комиссия, которая за относительно небольшой срок создала удмуртский терминологический корпус общественно-политического содержания. Многие из этих терминов, опубликованных в Бюллетене [Бюллетень РТОК 1998], а также новые термины и слова иного содержания, созданные представителями немногочисленной удмуртской интеллигенции, нашли и находят применение в республиканской периодической печати, в радио- и телевещании, в произведениях художественной литературы и в речи рядовых людей. Разумеется, газета «Удмурт дунне» не находится на полном ошибе от этой тенденции. В данном номере представлены, к примеру, следующие лексические новообразования: *улошчи* (С. 1) 'краевед', *Удмурт Элькун* (С. 1) 'Удмуртская Республика', *ужбергатись* (С. 1) 'предприниматель', *улошвыл* (С. 1) 'территория', *ёрос* (С. 1, 2) 'район', *тупанкыя* (С. 1) 'соглашение', *Пор шаер* (С. 1) 'Мари Эл', *шоркар* (С. 2) 'столица', *Ставрополь улош* (С. 2) 'Ставропольский край', *Балтия зарезь* (С. 3) 'Балтийское море', *пöранны* (С. 4) 'кухня', *сиськонни* (С. 4) 'столовая', *сазьтонни* (С. 4) ~ *сазьтиськонни* (С. 5) 'вытрезвитель', *лулсэр* (С. 5) 'нерв', *эмчи* (С. 6) 'врач', *ожгарчи* (С. 11) 'воин', *суредась* (С. 12) 'художник', *адзьтон* (С. 12, 13) 'выставка', *тодосчи* (С. 12) 'ученый', *визьнодан* (С. 13) 'воспитание', *калык кусто* (С. 13) 'международный', *Бигер улош* (С. 13) 'Татарстан', *ужбергатон* (С. 16) 'предпринимательство', *огкыл* (С. 16) 'договор' и др.

Однако роль самого популярного и читаемого в республике периодического издания в пропаганде и распространении новообразований могла бы быть более ошутимой, нежели в настоящее время. Редколлегия газеты во главе с главным редактором А. П. Шкляевым занимает в процессе обновления удмуртского языка последовательно проводимую отрицательную позицию. Приведу лишь несколько примеров.

В отличие от других периодических изданий, радио и телевидения, слово *элькун* 'республика', уже принятое многими официальными органами на своих вывесках, употребляемое и в устной речи, в рассматриваемом номере газеты «Удмурт дунне» употреблено лишь трижды: *Газетэз потто Удмурт Элькунысь Кун Кенеш но Правительство* (С. 1) 'Газету издают Государственный Совет и Правительство Удмуртской Республики', *Удмурт Элькунысь национальный театр* (С. 13). 'Национальный театр Удмуртской Республики', *Театрэн валтись режиссёрез — Удмурт Элькунысь дано ужасэ В. Ушаков* (С. 13). 'Ведущий режиссёр театра — заслуженный деятель Удмуртской Республики В. Ушаков'. Как можно заметить, во всех трех случаях удмуртское новообразование *элькун* использовано лишь в формулировках официального характера; в текстах же от авторов и редакции допускается, как правило, лишь заимствованная форма *республика*: *Кызы ивортылымы вал ини, 17-тій январе Удмурт Республикаэн Президентэз Александр Волков пумиськыліз Россия Федерациясь культура министрэн Михаил Швыдкоен* (С. 1). 'Как уже сообща-

ли, 17 января Президент Удмуртской Республики Александр Волков встречался с министром культуры Российской Федерации Михаилом Швыдким». *Республикаен но ёросэн гожетл тунанкылъёс уг быдэсьясько* (С. 2). 'Подписанные республикой и районом соглашения не выполняются'. И т. д.

Из двух слов для обозначения 'район' — удмуртского *ёрос* и заимствованного *район* — оба употреблены параллельно и, пожалуй, в количественном отношении равномерно: *Ёросъёс азе ужжум пуктэмьин расходъёсты кулэстыны* (С. 2). 'Перед районами поставлена задача уменьшения расходов'. *Ижевсь Индустриальной ёрос 1-тй февралэ аслэсьтыз 40 ар тырмонзэ пусье* (С. 3). 'Индустриальный район Ижевска отмечает 1 февраля свое 40-летие'. *1963-тй арин районзэ кылдытон пумьсен нырысьсэ постановление кутйзы* (С. 3). 'Впервые в 1963 году было принято постановление об образовании района'.

Параллельное употребление обоих слов оправдано преимущественно в тех случаях, когда возникает необходимость стилистического варьирования синонимов *ёрос* и *район* в пределах небольшого контекста: *Милям*

районамы, — вера Индустриальной ёрослэн администрацезлэн кивалтійсез Олег Пырегов, — бадзым учреждениос ужило... (С. 3). 'В нашем районе, — рассказывает глава администрации Индустриального района Олег Пырегов, — функционируют крупные учреждения...' *Та нуналъёсы фольклоръя «Айкай» театр вуылыз Марий Элысь Мари-Турек ёросэ... Мария Главатских, Марий Элысь Мари-Турек районьсы Заны гуртысь Удмурт культура центрен кивалтійсь* (С. 1). 'В эти дни фольклорный театр «Айкай» побывал в Мари-Турекском районе Республики Мари-Эл... Мария Главатских, руководитель центра удмуртской культуры села Карлыган Мари-Турекского района Республики Мари-Эл'. Вариант *район* сохраняется также в составе сложного слова *микрорайон*: *Микрорайоназы манеж усътыськем бере, татчы гожтійськиз* (С. 3). 'После открытия манежа в их микрорайоне он записался туда'.

Рядя неологизмов, в том числе *кивалтэз* 'правительство', *коньдэт* 'бюджет', *азьмурт* 'президент' и др., газета «Удмурт дунне» избегает вообще, а удмуртские названия месяцев и дней недели перестала употреблять параллельно с русскими, если не оши-

¹ Неприятие газетой «Удмурт дунне» языковых инновации доходит до того, что даже печатные издания она цитирует — естественно, заключая эти цитаты в кавычки — в переправленном на свой «лад и вкус» виде, причем в ущерб смыслу. Так, в названии V Международного симпозиума «*Волгакузянаысь калыкъялэн литература кылъёсылэн кабыськемзы но азинкемзы*» («Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья»), напечатанном в его программе, весьма точно и однозначно соответствующие их русским эквивалентам неологизма *Волгакузяна* «Поволжье» и *кабыськемзы* («их) формирование») заменены соответственно на рыхлые и в смысловом отношении неверные формы типа *Волга котыр* «вокруг Воли, окрестности Волги» и *кылдэмзы* («их) возникновение») («Удмурт дунне. 2002. 26 марта. С. 3). На мой телефонный вопрос «Почему?», автор статьи В. Возняков, который произвел эту замену, ответил очень просто: «Чтобы читателю было понятно». Читатели, по мнению работника газеты, однозначно не доросли еще до различения понятий «формирование» и «возникновение»... А, может быть, журналист не дорос?

баюсь, с нынешнего года.¹

Для языка данной газеты весьма характерно использование форм и конструкций, образованных по русскому образцу, в частности: 1) оформление приложений; 2) использование некоторых терминов родства; 3) употребление количественных числительных вместо порядковых и нек. др.

Относительно приложений, выраженных собственным именем, новое орфографическое правило весьма недвусмысленно указывает на то, что по требованиям синтаксиса удмуртского языка собственное (иногда и нарицательное) имя располагается перед нарицательным, напр.: *Агеев профессор* 'профессор Агеев', *Иванов ли* 'товарищ Иванов' [УШГК 2002: 27]; при этом склоняется лишь последняя часть конструкции с приложением: *Агеев профессор-лы* 'профессору Агееву', *Агеев профессор-лэс* 'у профессора Агеева (попросить), от профессора Агеева (получить)' и т. д.

Газета же «Удмурт дунне» по образцу аналогичных русских конструкций регулярно нарушает правила удмуртской грамматики в двух отношениях:

во-первых, приложение, выраженное собственным (или нарицательным) именем, располагается после определяемого слова: *Со арбёсы туж тодмо вал ни композитор Александр Пахмутова* («Удмурт дунне», 2002, 31 дек. С. 8) (вм. Александра Пахмутова композитор). 'В те годы весьма знаменитой была композитор Александр Пахмутова'. *Режиссер Александр Вершинин но актёрёс куремья одйг пьесаме вить пёртэм кари* (С. 4). 'По просьбе режиссера Александра Вершинина и актеров я написал одну пьесу в пяти вари-

антах' и др.;

во-вторых, определение в виде приложения и определяемое слово согласуются в числе и падеже, как в русском языке, напр.: *Кызы иворты-лймы вал ини, 17-тй январе Удмурт Республикалэн Президентэз Александр Волков пумиськылйз Россия Федерациясь культура министрэн Михаил Швыдкоен* (С. 1). 'Как уже сообщали, 17 января Президент Удмуртской Республики Александр Волков встречался с министром культуры Российской Федерации Михаилом Швыдким'. *Кылем толатэ пусйимы тележурналисты Альфред Артамоновлы 60 арес тырмонэз* (С. 4) (вм. Альфред Артамонов тележурналисты). 'Прошлой зимой мы отметили 60-летие тележурналиста Альфреда Артамонова'. *Шампань бере директорлы Иван Васильевлы вази...* (С. 4) (вм. Иван Васильев директорлы). 'После шампанского он обратился к директору Ивану Васильеву...' *Кышноеным Нина Афанасьевнаен ныл по ни будэтйськом* (С. 6) (вм. Нина Афанасьевна кышноеным). 'Вместе с женой Ниной Афанасьевной воспитываем дочь и сына'. *Соосты ае вакытэз асьлээн корказы азе кузпальёс Ширококовёс мерттйзы вал* («Удмурт дунне», 2002, 31 дек. С. 11) (вм. Ширококов кузпальёс). 'Их в свое время посадили супруги Ширококовы'. *Газяно эшвёсмы-лыдзисьёсмы!* («Удмурт дунне», 2002, 31 дек. С. 14) (вм. лыдзись эшвёсмы). 'Уважаемые товарищи читатели!' И т. д.

Справедливости ради следует заметить, что у издательской газеты иногда хватает стилистического такта хотя бы варьировать конструкции с приложениями русского и удмурт-

ского образца, напр.: *Тренерэн Григорий Савватеевич Сиговэн укыр востэм луэменыз, вылды, асьмеос номыр ум тодйське Ижевскысь каччи атлетикая «Спартак» клуб сярысь... Сигов тренерэн ужаз тужгес но пусйымон соиз: клубын алэмын сиёнэ портэм ватсэтъёс пыртылыны...* (С. 3). 'Пожалуй, из-за излишней скромности тренера Григория Савватеевича Сигова мы ничего не знаем о клубе легкой атлетики «Спартак»... В работе тренера Сигова особо примечательно следующее: в клубе запрещено применение различных пищевых добавок'. Удмуртский порядок слов является обычным в сочетаниях, представляющих собой различные издания, напр.: *«Инвожо» журналын мынам сю эше* (С. 4). 'В журнале «Инвожо» у меня сто друзей'. *«Иднакар» газет пусье 5 ар тырмонэ* (С. 4). 'Газета «Иднакар» отмечает свой пятилетний юбилей'. *Шонер-а верало: февралэ, пе, вордскем нуналэ пусье «Кенеш» журнал* (С. 4). 'Правду ли говорят: в феврале-де журнал «Кенеш» отмечает свой день рождения'. И др.

Некоторые термины родства в удмуртском языке, в отличие от русских, четко дифференцируются в зависимости от возраста по отношению к тем людям, которых они называют; это касается в первую очередь слов *агай* 'старший брат' — *вын* 'младший брат' и *анай* 'старшая сестра' — *сузэр* 'младшая сестра'. Старшее поколение удмуртов, в совершенстве владеющее своим родным языком, четко их различает, и лишь в последнее время в газетных текстах, а иногда и в художественных произведениях молодых авторов наблюдается обобщенное употребление слов *вын* 'брат' и *сузэр* 'сестра' вне зависимости от

старшинства-младшинства в отношении говорящего. аналогично тому, как безвозрастно употребляются в русском языке слова *брат* и *сестра*.

К примеру: *Бидъс даурлэсь кема ужазы Кияса шор ёзо школаын куинь сузэръёс — Екатерина Васильевна Беспалова, Тамара Васильевна Савина, Нина Васильевна Сажина... ...зарни сюанзызы соосты зечкыяз Александра сузэрзы... Со али улэз США-ын, арлыдыз 90 арес котыр ини* (С. 5). 'Больше века трудились в Киясовской средней школе три сестры — Екатерина Васильевна Беспалова, Тамара Васильевна Савина, Нина Васильевна Сажина... С золотой свадьбой их поздравила сестра Александра... Она сейчас живет в США, возраст ее уже около 90 лет'.

С точки зрения русского текста приведенный абзац с четырьмя сестрами безупречен: русский читатель изначально не нацелен получить информацию *кто есть кто* — т. е. которая из четырех сестер младшая, которая средняя, которая старшая и которая самая старшая. Для удмуртского же читателя, владеющего исконными нормами удмуртской речи, а не пропущенной через сетку семантических отношений русского языка, текст не совсем корректен, ибо в нем речь идет о трех **младших сестрах**, которым шлет привет из Америки их четвертая **младшая же сестра**. Подобная ситуация в принципе может наблюдаться и в удмуртском языке, но только в том случае, если бы в контексте (или в жизненной ситуации) имелась еще пятая, самая старшая, сестра (*анай*), по отношению к которой все остальные, естественно, являются младшими се-

страдами (*сузэръёс*). Исходя из вышесказанного, в нормальном удмуртском тексте, а не эклектическом сочетании “нижегородского с французским”, вместо сочетания *кушнь сузэръёс*, должно было звучать *кушнь апай-сузэръёс*; их должна была бы поздравить американская старшая сестра — *Александра апайзы* (судя по всему, она самая старшая из всех сестер).

Неточное употребление этих терминов, отраженное в одной из публикаций «Удмурт дунне», оказалось характерным даже для такого тонкого знатока удмуртского языка, как М. Г. Атаманов: *Гажано агай-выньёс, сузэръёс!* (С. 12). “Уважаемые старшие и младшие братья, младшие сестры!” Эта удмуртская религиозная формула, призванная быть эквивалентной русскому обращению “*братья и сестры.*” — ко всем людям мужского и женского пола без исключения, по существу не является таковой: удмуртская конструкция *агай-выньёс, сузэръёс* исключает старших сестер.

В отличие от газетных статей, в произведениях удмуртской литературы нередко имеет место правильное использование терминов родства *агай* — *вын* и *апай* — *сузэр*: *Нош Виктор вынызын синьёсыз пырак погон бордаз лякиськызы. Агаезлысь сьорыстыз кылемез но уг поты ни...* (Грязев 1996: 59). “А глаза младшего брата Виктора прямо прилепились к его поганам. Он никак уже не хочет отставать от старшего брата...” *Миклай агае малы ке монз ёз учкы. Бен апай-сузэръёссы но ини — со мурт семьяын кадь улыз...* (Чернов 1998: 21). “Мой дядя Миклай почему-то не признал меня. Да и сестер (букв. старших

и младших сестер) тоже — жил как в чужой семье...” *Вынылысь ог метр кузьда гинз коросс уробое понйзы, вёз аз Насытй апаньым ми луксымы* [Чернов 1998: 23]. “Гробик с метровой лишь длины моего младшего брата положили на телегу, рядом с ним если мы со старшей сестрой Насстей”. *Со но ваньмыз ёвдл ай: кинлы кулэ луиз граждан ож, малы со кылдйз? Ваче шумит вуттйзы агаен выньёсты...* (Афонин 1999: 54–55). “И это еще не все: кому понадобилась гражданская война, почему она возникла? Столкнула друг с другом старших и младших братьев...”

Неверное употребление формы количественных числительных вместо порядковых — это особая серьезная проблема в удмуртском языке. Не случайно новые орфографические правила предлагают писать после цифр, обозначающих порядковые числительные, суффикс *-тй* [УШГК 2002: 28–29]. Газета «Удмурт дунне» иногда все же придерживается этого правила: *Нош змос спортсменъёс 4-тй этажозь 13 секунд чоже тубо* (С. 3). “А настоящие спортсмены добираются до 4 этажа за 13 секунд”. *Индустриальной ёрослэн 40 ар тырмонзлы сйзыыса, 52-тй номеро школайн адъyton дасямын* (С. 3). “К 40-летию Индустриального района в школе номер 52 подготовлена выставка”. *Вордски мон Глазов районьсы Бабино гуртын 1952-тй арын 14-тй сентябре* (С. 6). “Родился я в деревне Бабино Глазовского района 14 сентября 1952 года”.

Но нередко статьи газеты не называют на порядковый характер имени числительного: *Лусйны кулэ, Алексей Прасолов кивалтэ 8 номеро улосвыльы лэсьтйськон управлений*

(С. 1). 'Следует заметить, Алексей Ирасолов руководит территориально-строительным управлением номер 8 (букв. 'с восьмью номерами, имеющим 8 номеров')'. *Уже интыясьски Ижысь 3 номеро больницае... Мывл'оптызы 8 номеро медико-санитарной части* (С. 6). 'На работу устроился я в Ижевскую больницу номер 3 (букв. 'имеющую 3 номера')... В прошлом году пригласили в медико-санитарную часть номер 8 (букв. 'с восьмью номерами')'. *21 номеро автобусэн ветл'иськом* (С. 6). 'Ездим на 21 (букв. 'имеющем 21 номер') автобусе'.

Эта грамматическая ошибка в употреблении форм числительных имеет в удмуртских письменных текстах два источника: 1) южноудмуртский диалектный, напр.: *мон вордис'ки вит'тон с'из'ым* (вм. *вит'тон с'из'ым-эти*) *арын кыз'куат'* (вм. *кыз'куат'-эти*) *мартэ*. 'Я родился в пятьдесят седьмом году двадцать шестого марта' (букв. 'Я родился в пятьдесят семь лет двадцать шесть мартов'); 2) русские обороты типа 'дом номер пять' — *вить* (вм. *вит-етий*) *номеро корка* (букв. 'дом с пятью номерами').

И в том и другом случае замещение порядкового числительного количественным приводит не только к стилистической неточности устной и письменной речи, но и к смысловой несуразнице подобно тому, как, например, обычное предложение типа *Я ехал домой в восьмом вагоне, спал на второй полке* при замене порядкового числительного количественным (а это может иметь место в диалектной речи и иногда буквально копируется газетой), превращается в полную бессмыслицу: *Мон тямтыс-ф вагонын бетий, кык-ф полкаын изи* 'Я ехал домой в восьми ва-

гонах, спал на двух полках'. Аналогично этому буквальная передача на удмуртском языке русского предложения *Я живу в доме номер 384* с количественной формой имени числительного (как обычно делает газета): *Мон 384 номеро каркан ул'исько* 'Я живу в доме с 384 номерами' — приводит лишь к комическому эффекту: можно подумать, чуть ли не каждый кирпич этого дома имеет свой номер (надо же 384 (различных) номера где-то разместить!). Выход только один: надо говорить и писать, употребляя порядковые числительные на том месте, где действительно должны быть порядковые: *сизыметий вагонын, кыкетий полкаын, 384-тий номеро* и т. д.

Коль скоро речь зашла о стилистике текстов газеты, то следует отметить отдельные случаи мастерского использования лексической синонимии различного происхождения. Сравни, например, употребление в пределах одного и того же текста или даже предложения таких синонимов, как:

а) *суредась* (неол.; удм.) — *художник* (< рус.): *Куд-ог газетъёсын... кӧня ке толъзь чоже ини тужжес лек кылъёсын гождъяло удмурт калыклэн тужжес визьмо, быгатӧсь, быдэс дуннее данэ потэм мурт. Суредасьёслэн озгазьяськонзызы кивалтӧсь Пётр Васильевич Ёлкин сярысь...* *Удмурт художникъёслъсь ужъёсёзе бичаса адъытонаёс ортчытья...* (С. 12). 'В некоторых газетах уже в течение ряда месяцев пишут непотребные слова об истинном мастере, умнейшем представителе удмуртского народа, ставшем знаменитым во всем мире, о руководителе Союзом художников Петре Васильевиче Елкине... Он, собирая карти-

ны удмуртских художников, организует выставки...

б) *ёрос* (арх./неол.: удм.) — *район* (< рус.): *Президент но Правительство чурит куронёс пукто сород но район администрацияс азе... Таин валче республикалэн киватійсьёсыз ласянь бадзым ужпум жутиіське ёросьёс азе... (С. 2).* 'Президент и Правительство предъявляют жесткие требования городской и районным администрациям... Вместе с этим руководители республики ставят большую задачу перед районами...'

в) *коньдон* (сев.: удм.) — *уксё* (южн.: тат.): *Угось Чапак 2003-тй арын странамылы пунэм тыроньёсыз лэсь бадзым люкетёс берыктыны кулэ. Нош кытэсь солы укёе иедьтод?.. Нош кызы уже кулмын бюджетсь коньдон? (С. 2).* 'Всё именно в 2003 году наша страна должна погасить большую часть своего долга. А где найти деньги для этого?.. А как использованы бюджетные деньги?' *Коньдон ужпумьёсы министр интыосысь укёе удисн киватійсьёсты аліз: курон, пе, змэз но, туж чурит, Правительство сое быдэсьямез юн чакласа возёз (С. 2).* 'Министр финансов (букв. министр по денежным делам)' предупредил честных руководителей финансовыми делами: требование, действительно, очень жесткое, Правительство строго будет следить за его выполнением'.

К сожалению, в номере газеты встречается немало случаев нарушения грамматики и стилистических норм удмуртского языка, приводящее иногда к нарушению смысла или даже непредусмотренному автором комическому эффекту. Такие случаи можно было бы условно разделить на следующие группы:

1) игнорирование параллельных форм винительного падежа, допускаемых литературными нормами (на -ты и -ыз): *Михаил Швыдкой Кинематографилы кун юрттэт сётонья департамент азе ужпум пуктіз 2003-тй арын август толэзын кунетій декадаз Ижевске ыстыны «Звезда» но «Война» художественной фильмёсты но соосты кылдытонэ пырыськем муртёсты (С. 1).* Михаил Швыдкой поставил перед Департаментом оказания государственной помощи кинематографии задачу отправить в третьей декаде августа 2003 года в Ижевск художественные фильмы «Звезда» и «Война» и тех люди, которые участвовали в их создании'. *Соосты [тупанкылёсты] радьянэн герзаськоз интыосын социальная ужпумьёсты быдэсьян но (С. 2).* 'От принятия их [соглашения] будет зависеть и выполнение социальных задач на местах'. В приведенных предложениях есть возможность и необходимость стилистического варьирования в использованных аккумулятивных форм на -ты и -ыз, это тем более необходимо, что единообразное употребление форм на -ты (фильмёсты, соосты, муртёсты, с одной стороны, и соосты, ужпумьёсты, с другой) создает ложное впечатление, что перед нами однородные члены, зависимые от одних и тех же слов и выполняющие одни и те же функции; замена же форм *муртёсты* на *муртёсыз*, и *ужпумьёсты* на *ужпумьёсыз* исключила бы подобную видимость: *соосты кылдытонэ пырыськем муртёсыз и соосты радьянэн герзаськоз... ужпумьёсыз быдэсьян;*

2) не совсем точное употребление лексической единицы из сино-

ничного ряда: *Чанак начар* луэмынызы валэктэ Алексей Михайлович куд-ог киватийсьёслэсь Президентлэсь Указзэ быдэсьямтэзэ (С. 1). Именно бедностью мотивирует Алексей Михайлович то, что некоторые руководители не выполняют Указ Президента: *Куке но, пе, Сарапулын узыр купецьёс улыййлям, черк гинэ отын 34 вылям, табере город одйгез начарез* (С. 1). Некогда жили-де в Сарапуле богатые купцы, одних церквей там было 34, теперь же город один из бедных. В обоих предложениях употребление слова *начар* 'худой' и 'бедный' не совсем уместно, ибо приводит к не совсем адекватному пониманию предложений: в первом предложении — невыполнение Указа президента некоторыми руководителями может быть объяснено их хитростью (а не бедностью города), во втором предложении — Сарапул оказывается одним из худых городов; все эти недоразумения, естественно, автоматически снимаются при замене слова *начар* его синонимом *куанер* 'бедный', не имеющего параллельного значения 'худой':

3) неверное с точки зрения грамматики удмуртского языка оформление предложения: *Вылаз ик, дуньёс но татын мукет клубьёслэсь дас поллы дунтэмгес* (С. 3). 'К тому же цены здесь в десять раз ниже, чем в других клубах (букв. 'других клубов')'. Употребление формы *клубьёслэсь* вм. *клубьёсынлэсь* приводит к нелицитному сравнению *цены* (в одном месте) с другими *клубами*, вместо предполагаемого автором текста сопоставления *цен* в разных местах;

4) употребление имени существительного в форме единственного числа, вместо множественного: *Кудзем*

мурт полын котькыгез вань (С. 5). 'Среди пьяных всякие имеются' (букв. 'Среди пьяного всякий имеется'). Это предложение по своей комичности весьма напоминает мне шутовскую просьбу одной моей хорошей знакомой: *Проводи воспитательную работу среди меня*.

После рассмотрения стилистических неточностей, связанных с неверным употреблением лексических синонимов и грамматических форм пора плавно перейти к прямым нарушениям правил удмуртской орфографии и пунктуации, которыми изобилует газета «Удмурт дуинне»:

1) раздельное написание сложных слов, напр.: *калыккуспо* 'международный' (С. 3), *шорьёзо* (школа) 'средняя' (школа) (с. 5);

2) двоякое наименование и неправильное с точки зрения заглавных букв написание названия одного и того же учреждения: *Ижысь кун Техника университет* (С. 6) и *Ижысь Техника кун университет* (С. 11) 'Ижевский государственный технический университет';

3) противоречащее действующим правилам необословленное дееспособление оборота запятыми: *Кема аръёс ёже ужатозя со тодэ...* (С. 3). 'Работая многие годы, он знает...'; *Режиссер Александр Вершинин но актёрёс куремья одйг пьесаме вить портэм кари* (С. 4). 'По просьбе режиссера Александра Вершинина и актёров одну пьесу переделал пять раз'. *Руль съёрын сазь йырын ворттылыку но покын утмын бей тайе аддонлэсь* (С. 5). 'Даже если кататься за рулем с трезвой головой, никто не гарантирован от такой напасти'; *Удмурт художникьёслэсь ужьёсезе бичаса адытоньёс ортчтыъя...* (С. 12).

‘Собирая работы удмуртских художников, организует выставки’ — во всех вышеприведенных предложениях после огмеченных полужирным шрифтом деепричастных оборотов должна стоять запятая: *Нош юлды кетй 5 кружка сур..., соку ши 8 час ортыса по вирады алкоголь кылъз на* (С. 5). ‘Если вы выпьете 5 кружек пива, тогда уж, даже если пройдет 8 часов, в вашей крови сохранится алкоголь’ — огмеченный деепричастный оборот должен быть обособлен с обеих сторон;

4) нарушение правил обособления уточнений: *Милесьтым по анай-атаймез Казахстанэ, лэсьтйськонэ келяллям* (С. 6). ‘И наших родителей сослани в Казахстан, на стройку’. *Уго тайе адямостэн кынызы, визьмынызы возиське умон, азыланьлы оскон, асьмезъе кылдытьсьмес — Инмарез валан* (С. 12). ‘Ведь руками, умом таких людей держится жизнь, вера в будущее, нос пижение нашег о творца — Бога’. *Реализи амалэн ужась суредасьёсты выль будйсь ёзвёс, авангард амалы дурваисьёс улитяны тыришо* (С. 12). ‘Художников-реалистов, представители нового поколения, сторонники авангардистского метода, стараются унижать’. *ХХ даурысь быдъзым адями, Инмарлы осконь трос курадъонэз чидам но тюрмаос пыр потэм архимандрит Иоани Крестьянкин гоэстэ...* (Уд. 31.01.03. № 16–17. 12). ‘Великий человек XX века, испытавший множество мучений за Христову веру и прошедший через тюрьмы архимандрит Иоани Крестьянкин, пишет...’. *Тонэ сантэ-маны вырисьёслы пумит Инмар Книгын — Библиын шужьмын...* (С. 12). ‘Против твоих гонителей в Божественной Книге — Библии — сказа-

но...’ И др. Во всех удмуртских предложениях уточнения, расположенные внутри предложения, должны быть обособлены при помощи соответствующих пунктуационных знаков — запятыми или тире;

5) корректоры газеты «Удмурт дунне» отличаются дальтоническим неразличением дефиса (орфографического знака) и тире (пунктуационного), что нашло отражение в ряде предложений, в которых вместо тире употреблен дефис (для наглядности заключен в квадратные скобки): *Залэ кык склэсь уно мурт [-] нёртэм аръёсы училищезэз йылтумъям адямюс люкаськылгыз* (С. 13). ‘В зале собрались более двухсот человек — выпускников училища различных лет’;

6) неверное употребление знаков препинания при однородных членах с обобщающим словом: *Котькудэз [-] тина.лэз но, пересъэ но, кынамуртэз но, тиосмуртэз но, удмуртэз, зучез, евреез, немецез, финн нылэз, Африкабсь негрэз, Вьетнамбсь чорыгасез, рис буддэйтйсь, оэгармиез, кылбурчиез, вий шуккисез песнез, колхоз фермаын ужась нылашез — ваньзэс гажаса, даньяса, выль карыса, вылатус чеберлыкэс адъйси суредэ* (С. 12). ‘Каждого: и молодого, и старого, и женщину, и мужчину, удмурта, русского, еврея, немца, финскую девушку, африканского негра, рыбака из Вьетнама, рисовода, воина, поэта, бабу, сбивающую масло, девушку-труженицу колхозной фермы — всех изображает он с любовью, славя, возвышая, замечая их красоту’ — разумеется, после первого обобщающего слова должен стоять не дефис (он заключен мною в квадратные скобки), а двоеточие;

7) ошибочное тире (заключено в

квадратные скобки), вместо двоеточия, между частями бессоюзного сложного предложения: *Соос тодо [—] покычье химия но тазыкы пайда бз вайылы на* (С. 3). 'Они знают: никакая химия еще не приносила пользы для здоровья';

8) ненужный вопросительный знак после прилагательного, соединенного с главным при помощи союзного слова *кызы* 'как, каким образом': *Нош атабай калык пайме, кызы меда та Анисья Николаевна уг но персымы, арлыды но уг сэтиськы, асэ но чылкыт возе?* (С. 11). 'Жители Атабая удивляются, каким образом эта Анисья Николаевна и не стареет, и годам не поддается, и себя держит в чистоте';

9) два двоеточия (заключены в квадратные скобки) в одном небольшом предложении: *А как жо[:] быдэстэм ужез уд «миськы» ке, иназ уз мыны[:] пдымытэ шыд кадь луэз* (С. 15). 'А как же: если не "обмыть" законченного дела, не будет прока — как от недоваренного супа';

10) не стоило бы акцентировать особое внимание на такой, казалось бы, мелочи, как телепрограммы на следующую неделю, если бы там время от времени не появлялись перлы лягушесов. Так, к примеру, в одной лишь субботней программе за 15 марта читаем: 27.75 Х.ф. «**НЕЖНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ**»; 45.20 Х.ф. «**ЕКАТЕРИНА ВОРОНИНА**» (С. 9) — улавливаете абракадабру, связанную со временем начала фильмов? Ну и что, — скажет неприязнительный читатель, — стоит ли придирааться к подобным мелочам; ведь можно же в конце-то концов подсчитать, догадаться... Можно, конечно; но, с другой стороны, зачем читателю заниматься угадыванием, ведь это же не кросс-

чайн-, скан- или какой еще там -ворд, а весьма заурядная программа телепередач?! О чем же, далее, должен подписчик догадываться, прочитав, к примеру, такую строку программы на тот же самый день: 21.40 Х.ф. «**АМЕРИКАМ БОЙ**» (С. 9). Некто из очень смелых хочет выйти на тропу войны против каких-то *Америк*? Помните воинствующие лозунги периода строительства коммунизма: "Пяниству — бой!"; "Битва за урожай"? А ларчик, по словам мудрого старика И. А. Крылова, просто открывается: в программе, разумеется, должен был быть "**АМЕРИКЭН БОЙ**", что в переводе с английского означает просто-напросто 'американский парень'.

Подлинным бичом для газеты «Удмурт дунне» являются правила переноса, и они абсолютно не соблюдаются газетой: слова делятся для переноса не по слогам или морфемам, как требуют правила переноса, а на том месте, где застал их конец строки в столбце, т. е. абсолютно произвольно, о чем можно полочить представление хотя бы из нижеследующих примеров: *быдэ-алаеныз, улыл-йлял, од-йгез* (С. 1), *пуй-из, процен-тась, юр-ттэи, сэт-иське* (С. 2), *лэсьт-йськон, адэ-ытон* (С. 3), *кузь-ымеэ, сэт-йськод, коммунист-тэслэн* (С. 4), *выль-ысь, кудэ-ем, бурдьяське, змял-сьёс, ор-тчыса, водитель-эсты, ба-дэым* (С. 5), *спекулян-тэёс, синий-ылтыса* (С. 14), *быртт-йлы* (С. 15) и т. д., и т. п.

В заключение хотелось бы поставить один-единственный вопрос, который, как мне кажется, помог бы подвести своеобразный итог моим рассуждениям относительно языка и стиля газеты «Удмурт дунне»: Явля-

ется ли вышеназванная республиканская газета в языковом отношении образцом для подражания ученикам школ, студентам, молодым журналистам, писателям и всем тем, кто хотел бы правильно и красиво писать на удмуртском языке?

Ответ, к сожалению, однозначно отрицательный.

По моему глубокоу убеждению, газета «Удмурт дунне» в настоящее время не выполняет одной из важнейших своих задач (если кому-то больше нравится, то «сверхзадач») — на своих материалах **учить читателей правильной и красивой письменной (и устной) речи на удмуртском языке, воспитывать в читателях культуру удмуртского языка.** Большую часть той информации, которую дает эта газета, можно получить (не исключено, иногда даже в лучшем варианте) и из русскоязычных

средств массовой информации. Если газета «Удмурт дунне» совершенно явно отстраняется от выполнения ею определенных функций в правильном «языковом» воспитании удмуртского читателя, то ее (газеты) **необходимость при массовом двуязычии удмуртского читающего населения, к сожалению, предельно снижается** (как, наверно, и ее тираж). Что касается меня лично, то я пока еще в течение ряда лет являюсь постоянным подписчиком газеты «Удмурт дунне», но далеко не уверен, что это будет длиться бесконечно долго при отсутствии должного профессионализма издателей газеты и неуважительном отношении ее редколлегии к своим читателям (в их числе и ко мне). Редколлегия газеты «Удмурт дунне» во главе с ее главным редактором А. П. Шкляевым не мешало бы на досуге задуматься и об этом...

Литература и источники

- Афонин Е. Г.* Йырмурт: Тодэ ваёнъёс. Ижевск: Удмуртия, 1999. 208 б.
- Бюллетень РТОК 1998* — Бюллетень № 1 / Республ. терм.-орфогр. комиссия по удм. языку при Председ. Гос. Сов. Удм. Респ. Ижевск, 1998. 118 с.
- Грязев Г.* Кирень куректон: Очеркъёс, повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1996. 280 б.
- ГСУЯ 1962* — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит.; Отв. ред. П. Н. Перовщиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.
- ГСУЯ 1970* — Грамматика, современного удмуртского языка: Синтаксис простого предложения / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР; Под. ред. В. И. Алатырева. Ижевск: Удмуртия, 1970. 250 с.
- ГСУЯ 1974* — Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР; Под. ред. В. М. Вахрушева и др. Ижевск: Удмуртия, 1974. 167 с.
- РУС 1956* — Русско-удмуртский словарь: Около 40 000 слов: С приложением краткого очерка грамматики удмуртского языка / Удм. НИИ ист., языка и лит. М.: ГИИНС, 1956. 1360 с.
- УРС 1983* — Удмуртско-русский словарь / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; Под. ред. В. М. Вахрушева. М.: Русский язык, 1983. 591 с.
- УШГК 2002* — Удмурт кылъын шонер гожьяськонъя кыллюкам. Шонер гожьяськон но пусъёс пуктылон правилоосын: 30 000 ёрос кылъёс но кыл сочетаниос / РНА. Урл. Ист., кылья но лит. Удм. ин-т. Ижевск, 2002. 416 б.
- Чернов П.* Егит дыр кырзанъёс: Тодэ ваёнъёс. Ижкар: Тодон, 1998. 444 б.

О ВТОРИЧНОСТИ АФФРИКАТ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

По исследованию аффрикат финно-угорских языков, в том числе удмуртского, имеется ряд работ. Истории аффрикат посвящены труды Ю. Вихманна [1911], Ю. Тойвонена [1928], Т. Уотила [1933], Д. В. Бубриха [1948], В. К. Кельмакова [1987]. Частично касались данного вопроса многие другие ученые, изучавшие и описывавшие диалекты и говоры удмуртского языка, как-то: Т. И. Тепляшина [1957, 1961, 1970а, б], И. В. Тараканов [1958, 1959], Г. А. Архипов [1962], С. К. Бушмакин [1977], В. К. Кельмаков [1969, 1977, 1979, 1992 а, б], Р. Ш. Насибуллин [1973], Б. Ш. Загулиева [1977], А. А. Алашеева [1982, 1990], Л. Л. Карпова [1997] и другие.

1. Случаи вторичного характера употребления аффрикат в удмуртском языке отмечены еще в 1933 году Т. Уотилой [Uotila]. Подтверждает эти случаи и исследователь удмуртского языка В. К. Кельмаков [1987: 34–44] в работе, посвященной прапермским аффрикатам, где приводит и некоторые другие случаи вторичного употребления аффрикат.

Известно, что прапермский язык, в отличие от общего финно-угорского языка-основы, богат аффрикатами, которые образуют четыре коррелятивные пары по глухости/звонкости (*č/ž* и *č'/ž'*) и веларности/палатальности (*ž/ž'* и *č/č'*) [Кельмаков 1987: 34]. Данные прапермские аффрикаты хорошо сохранились в современных коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках. Однако в результате появления вторичных аффрикат частотность употребления их в удмуртском языке (по сравнению с коми) возросла (см. ниже). Одни из них появились еще в праудмуртский период и поэтому имеют общеудмуртский характер употребления (исключением являются отдельные диалекты и говоры, в которых позднее произошла деаффрикация), другие — еще в более позднее время и охватывают лишь некоторые диалекты, а иногда только говоры.

Источником исследования для данной статьи послужили материалы, собранные по программам В. К. Кельмакова [1992б] и Е. Б. Ветровой [1993], а также дипломные работы и материалы диалектологической экспедиции, собранные студентами факультета удмуртской филологии УдГУ [ДЭ 1993] и лично автором.

2. *Вторичные аффрикаты* — это результат процесса аффрикатизации смычных и шелевых звуков в языке, в том числе и удмуртском (как в литературном, так и в диалектах и говорах). Ниже рассмотрим эти случаи отдельно для каждой аффрикаты.

2.1. *Аффриката ž* — звонкая палатальная аффриката. В удмуртском литературном языке употребляется лишь в начале и середине слова.

2.1.1. Еще в праудмуртский период увеличилась частотность употребления $\ddot{z}$ за счет перехода общесудмуртского анлаутного $*r-$ в $*\ddot{z}-$ перед $-V\ddot{z}(-)$ и $-V\ddot{z}(-)$, напр.: удм. *зи́зэг*, чаше (сокращенно) *зи́зэг* 'рожь' — к. *рудзюг*; удм. *зи́чы* 'лиса' — к. *руч*; удм. *зи́зыны* 'распороть' — к. *рээ'овны* и др. (см. также [Бубрих 1948: 29, Кельмаков 1987: 38]). В данной позиции аффриката $\ddot{z}$ имеет вторичный характер употребления во всех диалектах и говорах удмуртского языка, лишь за исключением тех, в которых позднее произошла дезаффрикация, т. е. потеря артикуляцией смычно-щелевого характера [СЛТ 1969: 126].

2.1.2. Сравнительно с удмуртским литературным языком, где произошла дезаффрикация $\ddot{z}$ середины и конца слова, в большинстве срединных говоров сохранилась прапермская аффриката $*\ddot{z}$ ($\ddot{z}$), напр.: *пёзыны* 'вариться, кипеть' > лит. *põzyны; толяэ* 'луна, месяц' > лит. *толяэ* и др.

По мнению ученых, в этих говорах по аналогии произошла гиперкоррекция аффрикат в некоторых русских заимствованиях [Бушмакин 1977: 9–7; Кельмаков 1987: 38], напр.: *зэркал* < рус. *зеркало, магазин* < *магазин, маэ* < *мазь* и т. д.

Анализируя материалы, собранные по программам В. К. Кельмакова [1993] и Е. Б. Ветровой [1993] (далее в тексте — по материалам программ. — Е. Б.), нами установлено, что это явление распространено шире, в частности находятся единичные случаи в говорах деревень Алнашского (К — *обзэан*), Можгинского (П — *обзэан*), Малопургинского (Кч, ПМ — *узым*), Селтинского (Г — *озым*) районов. В некоторых говорах северного и бесермянского наречий удмуртского языка это явление встречается несколько чаще, как и в срединных говорах, что подтверждается также устным сообщением С. А. Максимова по глазовскому говору и материалами диалектологической экспедиции 1993 г. в с. Большая Юнда Базезинского района (БЮ) по говору бесермян и удмуртов данного сельсовета. Примеры: *зына* < рус. *Зина, корзинка* < рус. *корзинка, бил'азино* < рус. с. *Балезино* и т. п.

2.1.3. В говорах бесермян, кроме того, $\ddot{z}$ вторично в таких словоформах, как *ворзкынь* 'родиться' < лит. *вордскыны* (< *вордийскыны*), *кызкынь* 'слушаться, прислушиваться' < лит. *кыляйскыны* ([Кельмаков 1992: 81], материалы БЮ). По-нашему мнению, здесь, скорее всего, произошло следующее замещение: *вордис'икынь* > *вордс'икынь* (ср. бес. *вэрас'кынь* < лит. *вераскыны* 'разговаривать') > *вордс'икынь* > *вордчикынь* > *ворзкынь*.

2.1.4. Звук $\ddot{z}$ в некоторых говорах бесермян, в частности, в ворцинском [Федотов 1982: 118, 124], появляется вместо анлаутного $\ddot{z}$ - (во всех случаях). Происходит палатализация исконной аффрикаты: *зуам* < *жуам* 'сгорел', *зог* < *жог* 'быстро, спешно', *зук* < *жук* 'каша' и др.

За некоторым исключением это же явление обнаружено в говорах бесермян Юкаменского района [Кельмаков 1992а: 83, 85]. А в говоре бесермян Базезинского района (БЮ) данное не подтверждается. Заметное влияние, по видимому, оказал говор соседствующих с ними удмуртов.

2.1.5. В некоторых говорах бесермян наблюдаются единичные случаи замещения *d'* > $\ddot{z}$: *заэй* 'дядя (по отцу или матери)' — ср. юж. *da'd'ai* 'отец или старший брат'. В говоре д. Пирогово Алнашского района [Кузнецова (Егоро-

ва) 1980] (далее — Пир.) подобное замещение произошло в заимствованном слове: *žž'anka* < рус. *девянка*.

В буйской-таныпском говоре закамских удмуртов также часто наблюдается переход *ž* в *ž*, напр.: *težži* 'белый', ср. лит. *todvy*: *čiđiti* 'человек', лит. *adyli*: *bažžar* 'клен', лит. *badyr* и т.д. [Насибуллин 1973: 66].

2.1.6. В тех говорах, где отсутствуют велярные аффрикаты, *ž*- замещает анлаутную *ž*- в позиции перед *-Vж(-)* и *-Vш(-)*: б-т., ттш., ташк. *žičeda*, лит. *žūveda* 'ростом с': *žičel*, лит. *žōjon* 'толокно'; *žiči*, лит. *žūš* 'желудок' и т. д. [Насибуллин 1973: 87–88; Кельмаков 1987: 40].

Диссимилятивная палатализация аффрикаты *ž* под влиянием дистантно следующих *ж* и *ш*, т. е. вторичное появление аффрикаты *ž*, отмечается также в верхнеижских [Тепляшина 1973: 202–204], прикильмезских [Загуляева 1977: 80–81] говорах удмуртского языка. Наряду с вышеприведенными, по материалам программ данное явление отмечено и в других говорах (Зл. Я. ПМ): *žyж* 'истлевший, сопревший' < *žyж*; *žōjon* 'толокно' < *žōjon*: *žūš* 'сто-нет' < *žūš* и др.

2.1.7. В дочерних периферийно-южных говорах (ттш., б-т., капл.) вторичная аффриката *ž* встречается на месте исконного удмуртского анлаутного **j-*. Замещение происходит во всех случаях, кроме анлаутного перед *-Vж(-)* и *-Vг(-)*, где *j-* в большинстве удмуртских диалектов перешел в *l'-*, напр.: удм. лит. *йоны*, ттш. *žōнь*, б-т. *žоны*, капл. *žоны* 'осот полевой' и т.д. [Насибуллин 1973: 92–93].

Аффриката *ž* вместо **j* встречается в этих говорах и в середине слова "...после смычных *p, b, t, d, k, g*, а также после аффрикат *č, š*, напр., *gurtčos* (< *gurtčos*) 'деревни', *žabžanč* (*č'abžani*) 'копать, рыться (о курах)', *piččos* (< *piččos*) 'жерд' и т. п." [Там же: 81–82].

2.2. Аффриката *ž* — звонкая велярная аффриката. В удмуртском литературном языке употребляется в анлауте и инлауте (в начале второй части сложных слов).

2.2.1. Как и анлаутная *ž*-, вторичность общеудмуртского характера употребления *ž*- имеет за счет перехода прапермского анлаутного **r-* во всех остальных (кроме вышеназванных, когда заместился *ž-*) случаях, напр.: удм. *žūy(ы)* 'мох' — к. *рой*; удм. *žōg* 'быстрый' — к. *rəgid*; удм. *žōmyt* 'сумрак' — к. *rōmyd* и т. д. [Бубрих 1948: 81, Кельмаков 1987: 38].

2.2.2. В некоторых срединных говорах, в частности средневожосточных, сравнительно с удмуртским литературным языком, где произошла деаффрикация, сохранилась прапермская аффриката **č* середины и конца слова, напр.: *žōžy* 'полка' > *žōžy*; *vyž* 'мост' > *vyж* и др. Аффриката *ž* по аналогии вторично отмечается на месте шелевого *ж* как в русских заимствованиях, так и в исконной лексике: *abažur* < рус. *абажур*. *tež* < *межа*; *kiŋčž* < *кырыж* 'ворон' — к. *кырыш*; *kiŋčž* < *кырыж* 'косой, кривой' — к. *кырыш* и т. п. [Бушмакин 1977: 10–12; Кельмаков 1987: 38].

2.3. Аффриката *ч* — глухая палатальная аффриката. В удмуртском литературном языке употребляется во всех позициях слова.

2.3.1. В удмуртском языке фонема *ч* вторично появляется в ранних рус-

ских заимствованиях вместо фонемы *ц*: *чэрк* < рус. *церковь*, *ул'ча* < *улица*, *кулэч* < *купец* и др. Данное явление имеет общеудмуртский характер употребления.

2.3.2. В буйско-таныпском, татышлинском и канлинском говорах удмуртов, где происходит палатализация велярных аффрикат, *ч* замещает *ц*. Происходит диссимилятивная палатализация перед *-Vж(-)* и *-Vш(-)* как в начале слова: б-т. *ĉašĉiŋj*, ттш. ташк. *ĉašĉiŋj* < лит. *ĉašetyny* 'шуметь'; б-т. *ĉĉž*, ттш., ташк. *ĉĉž* < лит. *ĉiž* 'угка', так и в середине: б-т. *kašĉjš*, гпш., ташк. *kašĉjš* < лит. *košyši* 'кошка' и т. д. [Насибуллин 1973: 86–87, Кельмаков 1987: 40].

Замещение *ц* > *ч* под влиянием дистантно следующих ш и ж известна и другим говорам. Исследователи отмечают ее в верхненижских [Тепляшина 1973: 202–204] и прикильмезских [Загуляева 1977: 80–81] говорах удмуртского языка.

По материалам программы вторичное появление *ч* вместо *ц* имеет единичные случаи в говорах Граховского (НЮ – *чүшпал* 'еж', *чöжмэр* 'куница') и Малопургинского (ББ, Кап – *чуж* 'желтый', Б, Кч – *чуж* 'желтый', *чүжэ* 'метет', *чылжиз* '(он) пнул') районов, а в говорах Увинского (У) и Селтинского (НЖ) районов данное замещение информантами соблюдается более последовательно.

В бавлинском говоре аффриката *ĉ(ч)* регулярно замещает велярную *ĉ(ц)* в середине слова между гласными и в начале (даже не перед *-ж(-)* и *-ш(-)*): *чэм* 'часть', *чог* 'кол', *кбч* 'какой' и т. д. [Кельмаков 1987: 41–42].

2.3.3. В некоторых срединных говорах *ч* вторично встречается в возвратных глаголах. За счет упрощения возвратного суффикса *-ис'к-*, *-с'к-* в *-к-*, согласный конца основы переходит в *ч*, напр.: *žыккыны* < *žэžис'кыны* 'распороться', *лэчкыны* < *лэžис'кыны* 'спуститься, слезть', *дышчкыны* < *дышеткыны* (< *дышетис'кыны*) 'учиться', *кучкыны* < *кутскыны* (< *кутис'кыны*) 'начать; держаться' и т. д.

В верхненижских говорах Т. И. Тепляшина описывает аналогичное оформление русских заимствованных глаголов, в которых также вторично появляется *ч*: "...Основой для заимствования глаголов... послужила возвратная форма русского глагола с отпадением конечного гласного *-а*: *зан'имат'с'а* > *зан'имат'с'* (*т'с'* = *ч*) плюс суффикс удмуртского инфинитива *-ыны*: *инт'эрс'овачкыны* < 'интересоваться', *здоровачкыны* < 'здороваться' и др." [Тепляшина 1973: 210–211].

2.3.4. Возможно, вторичным является появление *ч* вместо анлаутного *с'* в таких словах как *чыл'с'* 'кукует', *чиг* 'чердак', *чик* 'лесок, подлесок', *чöлтай* 'ястреножил (коня)', *чарччы* 'репа', *чиктан* 'кочедык', *чиктыны* 'починить лапти', *чумори* 'верхнее колено прялки', *чурло* 'серп', *чор* 'куница'. В говорах удмуртского языка ланые слова с аффрикатой встречаются часто, хотя и не последовательно. Нами выявлено, что чаще с *ч-* применяются словоформы *чумори* (Д, Вс, ВЯ, А, СМ, Ак), *чöлтай* (ВБ, МО, Крш, ББ, Ак, СМ, Кч, Гж, СИ, К, Пир), *чиг* (АУ, Гш, МО, ББ, СМ, Кз, ВЯ, К, Пир).

В говорах бесермян замещение *с'* > *ч* встречается как в начале слова (*ĉašĉiŋj* нš, *ĉakĉž* нš) 'плюнуть', *ĉallĉm* 'обряд купания молодухи, когда моют моты',

ččlāt 'веревка для стреноживания пут, стренога', ččltanā 'стреножить (лошадь)', так и в середине (ččnčč) (БЮ) вм. йырч'и 'волосы', kččnčč 'муж старшей сестры' (см: [Тепляшина 1970а: 114]).

2.3.5. Во многих северноудмуртских говорах (Пс. Пд. Кж. Гыя. Ст. Ю. Ч, Зн, Бю, Боз), а в среднечепецких регулярно [Карпова 1997: 154], также в говорах бесермян (Ш, БЮ) аффриката *ч* заменяет *т* в оформлении деепричастного суффикса *-тоз* > *-(ч)чоз*: *мыны(ч)чоз* 'пока идешь', *пукы(ч)чоз* 'пока сидишь', *вуы(ч)чоз* 'до тех пор, пока не придет' и др.

2.4. Аффриката *č* — глухая веллярная аффриката. В удмуртском литературном языке употребляется во всех позициях слова.

2.4.1. Сравнительно с удмуртским литературным языком, где произошла деаффрикатизация *č* середины и конца слова, во многих говорах удмуртского языка (чаще срединных) сохранилась прапермская аффриката *č(*č*), напр.: *выčкы* 'кадка' > лит. *вышкы*; *пучкы* 'толкушка' > лит. *пушы*; *пуч* 'внутренность' > лит. *пуш* и т.д.

2.4.2. В срединных говорах [Uotila 1933: 151. Кельмаков 1987: 38] вторично она встречается в заимствованиях на месте русского *ш*: *акушэр* < рус. *акusher*, *соглаш-а* < рус. *согласен-ли?* (ср. рус. *соглаш-: соглашаться, соглашение*), *сук лаас* < рус. *сушки* (баранки) и т.д.

2.4.2. В средневосточных и верхнеижских говорах *č* вторично выступает в глаголах, где возвратный суффикс *-ис'к-* упрощен в *-к-*: *гошкыны* < лит. *гожыскыны* 'расписаться, подписаться', *вошкыны* < лит. *воштис'кыны* 'изменяться, замениться', *кучкыны* < лит. *куштис'кыны* 'отказаться, уволиться' и т.д. [Тепляшина 1973: 210–211]. Процесс изменения представляется в виде: *куштис'кыны* > *куч'ис'кыны* > *куч'кыны* > *кучкыны*.

2.4.3. В верхнечепецких говорах *č* заменяет согласный *т* в деепричастном суффиксе *-тоз* [Алашесва 1982: 93], где она принимает двойной характер и звучит как *-ččож*: *мыныččож* 'пока идешь', *пукыччож* 'пока сидишь' и т.д. Появление *-ččож* < *-тоз* отмечено другими исследователями в тыловайском [Тепляшина 1955: 190] и в некоторых закамских говорах [Насибуллин 1973: 133].

2.4.4. В нижнечепецких говорах в заимствованиях вместо русского *ч* систематически употребляется твердый *č*: *čas* < рус. *час*, *зачот* < *зачет*, *чаша* < *чаша* и т.д. [Тепляшина 1970б: 159–160]. Подобное явление отмечено и в срединных говорах (Ж — [Сергеева 1986]).

2.4.5. В срединных говорах и говорах северного наречия долгая *čč* замещает русское *щ* в таких словах как: *гуčча* (< рус. *гуща*) 'закваска, гуща', *чачча* (< рус. *чаща*) 'лес'; а слово *пыччал* (< *пыччал* < рус. *пицаль*) 'ружье' имеет общеудмуртский характер употребления.

2.5. Аффриката *ц* — глухая веллярная аффриката. В удмуртском литературном языке употребляется в поздних заимствованиях из русского языка.

2.5.1. Считается, что аффриката *ц* в удмуртском языке не является исконной, хотя знакома многим говорам удмуртского языка и в народной речи употребляется чаще.

В результате определенных фонетических изменений вторично она встречается в середине глаголов, когда:

а) сочетание *-тис'к-* перешло в *-тск-*, далее *-цк-*: *сутис'кыны* > *сутскыны* > *суцкыны* 'сгореть';

б) сочетание *-дис'к-* перешло в *-дск-*, далее *-цк-*: *вордис'кыны* > *вордскыны* > *ворцкыны* 'родиться';

в) *с* после *т* и *д(дь)* в глаголах, образованных от существительных, перешло в *ц*: *кутсаны* (кутэс) > *кутцаны* или *куццаны* 'молодиль', *пыдсаны* (пыдэс) > *пытцаны* или *пыццаны* (см: [Алатырев 1955: 177-192]).

Подобное функционирование *ц* (или сочетания *тс*) широко распространено. По материалам программы оно отмечено в говорах северного наречия (Ув, З, С, УЛ, Кд, Т, Ю); а также в говорах ярских и юкаменских удмуртов [Карпова 1997: 79].

Но, по мнению В. Н. Денисова и В. М. Вахрушева [СУЯ 1992: 37], мы не можем рассматривать этот звук в исконно удмуртских словах как самостоятельную фонему, поскольку в данном случае сочетание *тс* возникает на стыке разных морфем

2.5.2. Вторично звук *ц* встречается и в местоименных наречиях типа *кыццы* 'куда', *оццы* 'туда', *таццы* 'сюда'. Происходит следующее замещение: *кытчы* > *кытсы* > *кытцы* или *кыццы*. Встречается в северном диалекте [Вахрушев 1959: 232; Лыткин, Телляшина 1959: 223; Карпова 1997: 79]; см. также приведенные говоры в 2.5.1.). По материалам программы довольно часто отмечен в говорах Малопургинского района (Ак, АУ, Б, ББ, Гж, Гш, Кап, Кч, ПМ)

2.6. Краткое рассмотрение случаев вторичного употребления аффрикат позволяет сделать нам следующий вывод, что в удмуртском литературном языке вторичный характер употребления чаще принимают палатальные аффрикаты *й* и *ч*. При этом следует отметить, что данные аффрикаты к тому же имеют большую частотность употребления в языке в целом.

Сокращения названий населенных пунктов

Алнашского района: А — с. Алнаши; **ВЯ** — с. Варзи-Ятчи; **К** — д. Кузубаево; **Кз** — д. Кузюмово; **Пир** — д. Пирогово; *Балезинского р-на*: **БЮ** — с. Большая Юнда; *Дебесского р-на*: **Ув** — д. Уивай; *Глазовского р-на*: **ВВ** — д. Верхняя Богагырка; **Пд** — д. Пудвай; **Пе** — д. Пусонур; *Граховского р-на*: **НЮ** — д. Нижние Юраши; **СИ** — д. Старая Игра; *Завьяловского р-на*: **Я** — д. Якшур; *Игринского р-на*: **З** — с. Зура; **С** — д. Сеп; **УЛ** — д. Удмурт Лоза; *Кезского р-на*: **Гыя** — д. Гыя; **Ст** — д. Стяльгурт; **Т** — д. Тортгым; **Ю** — с. Юски; *Кизнерского р-на*: **МО** — д. Муркозь-Омга; *Красногорского р-на*: **Д** — д. Дебы; *Малопургинского р-на*: **Ак** — д. Аксакшур; **АУ** — д. Абдэс-Урдэс; **Б** — с. Бураново; **ББ** — д. Баграш-Бигра; **Гж** — д. Гожня; **Гш** — д. Гужношур; **Кап** — д. Капустино; **Кч** — д. Кечево; **СМ** — д. Старая Монья; **ПМ** — д. Пуро-Можга; *Можгинского р-на*: **Крш** — д. Карашур; **П** — д. Пазял; *Селтинского р-на*: **Вс** — д. Выселок; **Г** — с. Гура; **НЖ** — д. Новая Жикья; *Увинского р-на*: **Ж** — д. Большой Жужгес; **У** — с. Удугучин; *Шарканского р-на*: **Кд** — д. Кельдыш; *Юкаменского р-на*: **Зн** — д. Занкино; **Ш** — с. Шамардан; **Ч** — д. Чурашур; *Якшур-Бодьинского р-на*: **Зг** — д. Зеглуд; *Ярского р-на*: **Боз** — д. Бозино.

Условные сокращения

б-т. — буйско-танынский говор удмуртского языка; **д.** — деревни; **др.** — другое; **к.** — коми язык; **канл.** — канлинский говор удмуртского языка; **лит.** — литературный язык; **напр.** — например; **р-на** — района; **рус.** — русский язык; **с.** — село; **см.** — смогри; **сп.** — сравни; **сп-вост.** — средне-восточные говоры удмуртского языка; **ташк.** — ташкичинский говор удмуртского языка; **т. д.** — так далее; **т. п.** — тому подобное; **ттш.** — татыштинский говор удмуртского языка; **удм.** — удмуртский язык; **юж.** — южное наречие удмуртского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Алашеева А. А.* Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1982. С. 91-105.
- Алашеева А. А.* Общие (северноудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике верхнечепецкого говора удмуртского языка // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов / АН СССР. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. М.: Наука, 1990. Т. 2: Языкознание. С. 8-10.
- Алатырев В. И.* Существует ли звук ц в удмуртском языке // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1955. Вып. 17. С. 177-192.
- Архипов Г. А.* Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка / Ученые записки Тартуского ун-та. Тарту, 1962. Вып. 117: Труды по филологии 1. С. 189-204.
- Бубрих Л. В.* Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком) / НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 112 с.
- Буммактин С. К.* Артикуляция и употребление некоторых согласных в средневосточных говорах удмуртского языка // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. статей и материалов / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1977. С. 9-17.
- Вахрушев В. М.* Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Вып. 19. С. 228-242.
- Ветрова Е. Б.* Аффрикатаосын кыльёсыз эскеронъя юаньёс: Ужан программа / Удм. ун-т. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 57 б.
- ДЭ 1993* = Материалы диалектологической экспедиции сгулентов факультета удмуртской филологии в с. Большая Юнда Базезинского района. Рукопись. 1993. Руководитель П. И. Воронцов.
- Загуляева Б. Ш.* Особенности употребления аффрикат в прикильмезских говорах удмуртского языка // Fennougristica. Труды по финно-угроведению. Тарту, 1977. Вып. 4: Вопросы истории и строя уральских языков. С. 70-83.
- Картова Л. Л.* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка *Dissertationes Philologiae uuralicae universitatis tartuenssis 2.* Тарту: Tartu ulikooli Kirjastus, 1997. 223 с.
- Кельмаков В. К.* Кукморский диалект удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. XXX + 475 с. [Приложение] 175 с.
- Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырыкмасских говоров южно-удмуртского наречия I // Вопросы удмуртской диалектологии: Сб. статей и материалов / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1977. С. 26-61.
- Кельмаков В. К.* Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского

наречия П // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. статей и материалов / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1979. С. 65-85.

Кельмаков В. К. Припермские аффрикаты в современных удмуртских диалектах // СФУ 1987. № 1 (XXIII). С. 34-44.

Кельмаков В. К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследовании и материалах (=Удмурт вераськетьёс I) / Удм. ун-т: Науч. ред. С. В. Соколов. Ижевск. 1992а. 176 с.

Кельмаков В. К. Университетская филология факультетской программы: Удмурт диалектология. Методический портрет. 3-тій потгэмез / Удмурт куллык университет. Ижевск: УдГУ-лэн изд.-воез, 1992б. 38 б.

Кудряцева Г. А. Особенности говора удмуртов д. Папал Можгинского района: Дипломная работа / Каф. удм. и фин.-уг. я. язызн. Науч. рук. доц. Кельмаков В. К. Ижевск, 1992.

Кузнецова (Егорова) А. М. Фонетические, морфологические и лексические особенности говора деревни Пирогово Алнашского района: Дипломная работа / Каф. удм. языка и лит. Науч. рук. доц. Кельмаков В. К. Ижевск, 1980. 132 с.

Лыткин В. И., Тепляшина Т. И. Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1959. Вып. 19. С. 218-227.

Насыбуллин Р. Ш. Закамские говоры удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 202 + [Приложение] 325 с.

Сергеева Н. А. Говор удмуртов деревни Большой Жужгес: Дипломная работа / Каф. удм. и фин.-уг. я. язызн. Науч. рук. доц. Кельмаков В. К. Устинов, 1986. 108 с.

СЛТ 1969 = Алманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотип. / М.: Сов. энциклопедия, 1969. 606 с.

СУЯ 1992 = Вахрушев В. М., Денисов В. Н. Современный удмуртский язык. Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия. Ижевск: Удмуртия, 1992. 144 с.

Тараканов И. В. Фонетические особенности бавлянского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных): Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1958. 310 с.

Тараканов И. В. Образцы урсугуртской речи удмуртского языка // Ученые Записки / Тартуский ун-т. Тарту, 1959. Вып. 77: Труды по языкознанию. С. 45-55.

Тепляшина Т. И. Тыловый диалект удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1955. 215 с.

Тепляшина Т. И. Фонетическая характеристика тыловыйского говора // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1957. Вып. 18. С. 114-140.

Тепляшина Т. И. Из наблюдений над фонетическими особенностями шошминского диалекта удмуртского языка // Труды / Мар. НИИ языка, лит., исн. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд.-во, 1961. Вып. 15: Вопросы языка, литературы и фольклора. С. 125-39.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1970а. 288 с.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры североудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1970б. Вып. 21: Филология. С. 159-196.

Тепляшина Т. И. Заметки по верхнеижским удмуртским говорам // Вопросы удмуртского языкознания / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1973. Вып. 2: Сб. статей и материалов. С. 196-223.

Федотов М. И. Воршинский говор бесермянского наречия // Образцы речи удмуртского языка / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1982. С. 116-130.

Uotila, T. E. Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen. Helsinki. 1933. XVIII + 446 S.

Л.М. ИВШИН,
УдГУ-ысь аспирант.

ВАШКАЛА СИНПЕЛЬМЕТЬЭС

Берло дыръёсы удмурт калык трос гинэ лыдђе ини ас кылыныз пöртэм книга-газетьёс но журналъёс. Туала вакытэ, куке удмурт кыл, зученыз чош, кун кыл луиз, писательёсмы, тодосчиосмы но нимкыльёсыя öри (терминологической комиссия) быгатэмлыксыя соос кыкетйезлэсь тазатыны кутскизы но удмурт литературной кылэз узырмытон борды басытйёскизы. Журнал но газет бамбёсын чөм гинэ пуаньскылыны кутскизы калыккы валантэм (выль) кылъёс. Кылсярысь, гуртъёсын, озыы ик каръёсын но, берло дыре тросэз калык мөчак таёе юан пунктэ: “Малы та писательёс но газетчиос асьсэ гожъямбёсазы валантэм кылъёс пырто?” яке телевизор учкыкузы: “Мар кыл со али вераз? Татчыозь улытозям одйг пол но кылэме öвöл”.

Зэмзэ ик, али туж уно выль кылъёс кылдэмын, кудъёсыз удмурт адымиослы тодмотэмесь но валангэмесь луо.

Тросэз соос кылдо вераськетъёсты (диалектизмъёсты) уже кутыса. Сыёе дырря, шуом. Алнаш ёросын ултйсьёслэн вераськетысьтызы (говорысьтызы) басытэм диалектной кыл, кылсярысь, алданы ‘обмануть’ яке **мактаскыны** ‘хвалиться’ чөм дырря Глазов котырысь удмуртъёссы тодмотэм яке мукет валатон сөттйёс луэ.

Мукетъёсыз кылдыны быгато зуч яке музон асэстэм кылэз мөчак яке пуштросэзъя берыктыса.

Вылйын пусьмөтсёсэ сяна быгатйёскомы вераны эшшо одйг амалэз — вунэтэм вашкала удмурт кылъёсты тодо ваён но вераськоннын яке гожъяськонын соосты кутон.

Тй юалоды, кызы соосты тодэ ваёд на, кытысь шедьтод, вунэтэмын ини бере? Тйни татын юртгыны быгатозы удмурт кылын гожтэм вашкала синпельметъёс, кудъёсыз дауръёс пыр вуизы асьме дорозь. Асьмеос соосты но одно ик пыр-пöч эскерыны но удмурт калык доры вутгыны кулэ.

Кызы тодйёскомы, нырысетйёсыз гожтэмын XVIII даурлэн кутсконаз ик (шедьтэмбёсыз пöлысь). Со латин яке немец гожпусьёсын гожтэм Ф. И. Страленберглэн, Г. Ф. Миллерлэн, И. Э. Фишерлэн но П. С. Палласлэн пичигес гинэ кыллюкамъёссы, кудъёссэ эскериз “Памятники удмуртской письменности I” [Москва, 1965] ужаз тодмо удмурт кылтодосчи Т. И. Тепляшина. Озыы ик со сэрттйёз-пертчиз нырысетйё удмурт кылрадъямез (грамматикаез) [Сочинения 1775], З. Кротовлэсь удмурт-зуч кыллюкамзэ [Кротов 1785], кудйз XVIII даурын гожтэм синпельметъёс пöлысь ваньмызлэсь бадзымез вал (ог 5000 кыл но кылтэчет), но М. Могилинлэсь кылрадъямзэ [Могилин 1786].

Кылсярысь, П. С. Палласлэн кыллюкамьсытз шедьтйёскомы *вуж* кылэз (*вужь* ‘лук, тетива’ [Тепляшина 1965: 46], коми *вудж* [вуджй-] ‘лук (для стрельбы)’ [КЭСК 1999: 69]). Али дыре та кыл куд-ог вераськетъёсын гинэ

кутійське, луоз. Туала удмурт литературной кылын асьмелэн вань *пукыч* 'лук' но *пукыч кал* 'тегива'. Ой луысал меда кыкетійсныз валче П. С. Палласлэсь кылэз но асьме вераськонамы но гожьяськонамы кутыны?

З. Кротовлэн кыллюкамаз пумиське **варьп** кыл (*уварыть* 'черень у ножа' [Кротов 1785: 234], коми **вороп** 'рукоятка, рукоягъ, черенок' [КЭСК 1999: 63]). Туала *пурт ный* кылэз соин вошгыны яке синоним луыса кутыны быгатійськомы.

М. Могиллинлэн удмурт кылралъямаз вань **казь** кыл (**казь** 'сѣтъ, тенета' [Могиллин 1786: 21], коми **казь** 'тенета' [КЭСК 1999: 114]). Та валатон туала удмурт кылын но *сетъ* шуыса гинэ кутійське но *зуч асэск* луэ. Соин ик, милям малпаммыя, М. Могиллинлэсь **казь** кылэз одно ик пыртыны кулэ удмурт лексикамылэн шыкысаз.

Нош кытын эшшо удмурт кылын вашкала гожтэм синпельметъёсты кутыны быгатійськомы? Нырысь ик, соос удмурт гожпус сӧзнэтлэсь (системалэсь) но шонер гожьяськонлэсь кылдэмзэ но кык даур *чоже кызы азинскемзэ* чакланы луонлык сѣто. Кылсярысь, нырысетій удмурт грамматикаын но З. Кротовлэн кыллюкамаз шор радись шоро-куспо *жугскем ѓ* куараез возматон понна аспӧртэмлыко пус ѓвӧл на. Со интые автор(-ѓс) *кутэ(-о)* э яке *е* гожпусѓсты: **пѣзь** [Сочинения 1775: 33], **пѣзь** [Кротов 1785: 189]. Нош мукетаз удмурт кылралъямын куд-ог учырьѓсы пумиське ни *ѣ* пус: **пѣзь** [Могиллин 1786: 41]. Берлогес гожтэмъёсаз удмурт текстѓсын (XIX даурлэн пумаз) гинэ шедьтійськом на туала литературной кыламы кутійськись *ѓ* гожпусэз; кыкетііэ. синпельметъёсын пумиськись кылѓс удмурт вераськетъёсты эскерон удысын юртто; куйнетііэ. соос (синпельметъёс) туала удмурт вераськетъёсын ортчись яке ортчем пӧртэм явлениосгы валктыны быгато, малы ке шуоно, со синпельметъёсын пумиськыло трос вашкала формаос:

а) фонетической, кылсярысь, Г. Ф. Миллерлэн — **кикъямась** (туала удмурт кылын но вераськетъёсын тямьс формаен кутійське) [Тепляшина 1965: 60];

б) лексической, шуом, З. Кротовлэн — **уарь** ~ **уварь** [Кротов 1785: 229] но М. Могиллинлэн **уарь** [Могиллин 1786: 36] (*слуга, работник, раб* кылѓссы валатон сѣто), кудѓсыз туала удмурт кылын уг ни пумисько; нылетііэ, удмурт кыллэсь исторической кыллюкамзэ лэсьтыку но ноказыы уг луы синпельметъёсты палэнэ кельтыны.

Нош кин асьме доры сипельметъёсты вуттыны кулэ? Соосты утчан-шедьтон, эскерон но сэрттон-пертчон удысын бадзым саклык висаяны кулэ нырысь ик тодосчиолы. Тодмо мордва тодосчи А. П. Феоктистов ас вакытаз вераз вал, тросэз финн-угор кылѓсын вашкала гожтэм синпельметъёс тодос (наука) удысын эскеремын ѓвӧл на шуыса [Феоктистов 1971: 7]. Жалыса верано луэ, сыче ик секыт ужлум удмурт кылын гожтэмъёсызы но. Тодосчиолэн гожъямзыя, 1917-тй арозь удмурт кылын гожтэммын вал ог 400 пала синпельметъёс [Каракулов 1997: 33], кудѓсыз пӧлысь, милям малпаммыя, жыныез но эскеремын ѓвӧл на, нош тросэз, нырысь ик кыин гожтэмъёсыз, шедьтымтэ на, дыр. Москваысь, Санкт-Петербургысь, Казаньысь, Кировысь, Пермьысь но мукет карѓсысь книгавозѓнниосын (библиотекаосын) но архивѓсын кыллэсь удмурт кылын гожтэм синпельметъёс чидатэк возмало тодосчиосты. Соосты одно ик шедьтыны но умой-умой эскерыны кулэ.

Уже кутэм литература

Каракулов Б. И. К истории формирования удмуртского литературного языка // Пермистика 4: Пермские языки и диалекты в синхронии и диахронии: Сб. статей: Удм. гос. ут-т. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. Ижевск, 1997. С. 33–42.

Кротов З. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткий Вотской словарь сь російскимъ переводомъ собранныи и по Алфавиту расположенныи села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарѣю Кротовымъ, 1785 года). XX – 208 с.

Могилин М. Краткой отякъя Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кирилловой. Предисл. – К. И. Куликова; Прил. – Г. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 263 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие) Компл.: с. 121–191; Прил.: с. 192–201.

Сочинения 1775 – Сочинения принадлежация къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санкт-петербурге при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн. Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск. Удмуртия, 1975].

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкозн. М., 1965а. Вып. I. 324 с.

Феоктистов А. П. Русско-мордовский словарь. Из истории отечественной лексикографии. М.: Наука. 1971. 371 с.

Е.А. БУЛЫЧЕВА,
ст. преподаватель.

МОДАЛЬНОСТЬ – ОДИН ИЗ ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Одним из главных компонентов предикативности является модальность. Модальность – грамматико-семантическая категория, выражающая отношение говорящего к высказываемому, его оценку отношения сообщаемого к объективной действительности.

Разделение модальности на объективную и субъективную было проведено в Грамматике-1970 г. и сводится к тому, что каждое высказывание, для которого характерно объективно-модальное значение выражает характер отношения сообщаемого к действительности, а субъективно-модальное значение выражает отношение говорящего к сообщаемому. Содержание высказывания может быть представлено как возможное, осуществимое и, наоборот, как невозможное и неосуществимое. В зависимости от этого различают реальную и ирреальную

модальность.

Реальная модальность указывает на то, что соответствует действительности, оно опирается на показатели изъявительного наклонения.

Значения ирреальной модальности указывает на желаемое, требуемое и т. д., оно не отражает реальной ситуации. Показателями ирреальности являются формы сослагательной и повелительного наклонений.

Субъективная модальность – отношение говорящего к высказываемому (уверенность или неуверенность, согласие или несогласие, экспрессивная оценка). Выражается лексическими и синтаксическими средствами. Лексический способ выражения субъективной модальности указывается:

а) вводными словами, вносящими в высказывание знание уверенности, убежденности говорящего о том, что высказывается.

Слова, вносящие в высказывание значение предположительности, неуверенности говорящего в том, что высказывается;

б) лексическими повторами: для обозначения эмоции говорящего, для указания на длительность действия, для обозначения большого числа предметов, явлений, для усиления признака, степени качества и действия:

в) интонацией: интонацией восклицания, неуверенности, удивления, сомнения иронию и т. д.

Синтаксическим способом выражения субъективной модальности являются вводные предложения.

Таким образом, согласно общепринятой точке зрения, существующей в современной лингвистике, в качестве модальности включаются эмоционально-оценочное отношение говорящего, значения целевой установки высказывания, различные интенции.

***

И.В. ТАРАКАНОВ,

филология тодосъёсья доктор, Удмурт
кун университетсья профессор.

**ВУНЭМ-ЫШЕМ НО ВУЖМЕМ
КЫЛТЬЁС СЯРЫСЬ МАЛПАНЬЁС**

Вераськониын кутиськис кылтьёсы огломак кылшыкыс (словарной состав) шуо. Со кылдэмын трос сюрс аръёс чоже азинскыса. Сое кылдытйлям портэм даурьёсы улэм но ужам удмурт выжыос. Нош вераськониын кутиськэмзыя соос огкадес ёвёл: одйгъёсыз нуналмысь кулэ луо, мукетъёсыз – шер-тур гинэ. Тйни сое лыдэ басьтыса, кылшыкысэз кылдытйсь кылъёсы кык ёзэтылы висьяло: нужем (архаизмъёс) но выль кылъёс (неологизмъёс). Со дыре ик вужмем кылъёс

асьсэос куинь пумоесь луо на: вужмись, вужмем, вунэм (ышем) кылтёс.

Вужмись шуо сытёоссо кылтёсты, кудтёсыз вераськоньсы чылкак кошкемын бёёл на. Соос куттёско кыче ке удыся гинэ. Кылсярысь, дора куон, вашкала дйёскуп вурон, пйдукчан лэстыон, вёсбрад возён, эмгяськон, юриськон но мукет учыртёсын: *вырт, колтреч, пуктос, сусо, зыбын, дужес, эрттон, чулэс, айшон, бутмар, пуктос, выльмытём, куарсур, ымустьон* но мукет.

Вужмем кылтёс но кык пумоесь луо: а) вашкала кун сёзнэттёсын гертаськем яке вашкала ужан тйрлыкёслэсь нимтёссэс, ужан амальтёссэс возматтис ышем-вунэм кылтёс-историзмтёс: *чоголэг* «каблук», *чумон* — туй коробка, *сякан* «рогожа», *кумель* — нин кём, *куромо* «стропила», *пёсьтон* «вентилятор», *канделем* «свидетель», *толмач* «переводчик», *кортпась* «кольчуга», *урядник, пристав, ликбёз, нэл, шкм* (школа крестьянской молодежи); б) вужмем кылтёс (архаизмтёс), кудтёсыз воштйськиллям выль кылтёсын-синонимтёсын: *камкоёо* — *чарлан, чайка; вугу; гудтём, корсо* — *куйы, кыйгу, колодча; лапчи, нарды* «барсук»; *куд* — *нюр; вад* «выдра».

Вужмем кылтёс-архаизмтёс пёлын нимысьтыз висъясько вашкала вунэм-ышем кылтёс. Соос туал а удмурт вераськонлэн кылшыкысаз уг ни куттёско. Соосыз али пумитаны луэ XVIII, XIX дауртёсы кыин гожтыса кельтэм синпельметтёсысь (письменшой памятниктёсысь), кыллокамтёсысь, нимаз-нимаз вераськеттёсысь. Куд-огез сытё кылтёс али возисько на кушето кылтёслэн люкеттёсазы.

Та статьяын вакчияк возматаны малпаском ортчем дауртёсы ик кыин гожтэм но печатлам синпельметтёсы пырем, туал а вераськоннын куттёскыстэм, вунэм-ышем кылтёсы гинэ.

Кызы тодмо, XVII даурлэн кутсконаз Петр I эсктй Россиян кылдыттй Тодос академия. Отчы ужаны отыльмын вал кунгож сёрбсь тодосчиос. Сытёос пёлын вал Даниэль Готтлиб Мессершмидт но, 1719-тй арын оштолэзе со потэм кузь но секыт сюрес вылэ. Сибирьлэн инкуазез, ваньбурлыкез, отын уйлсь калыкёслэн улэм-вылэмзы, вераськон ишкызы, сямтёсы сярысь но трос мукет материалтёс люканы. Отысь со берен Петербурге берытскем 1728-тй арегинэ. Сибирьсы бертыкуз, Соликамскысен Вяткае вуытозяз, Чупчи кузя мыноло луэм. Соку ик со пумиськем Юска (Юски), Дырпа, Балезино, Глазов, Дизьмино, Кырингкэй (Елово, дыр, шуэ В.В. Напольских) гуртёсысь удмурттёсын. Та кузь но секыт сюрестй ветлэмез пумысен со дневник нуэм. Мессершмидтлэсь 1726-тй арын ик гожтэм дневниктёссэ но удмурт гуртёсысь люкам 361 кылтёсыз нимысьтыз кпигаен поттй этнограф В. В. Напольских (Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта: Дневниковые записи, декабрь, 1726. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с.). Татып пыртэмьн трос вужмем кылтёс-архаизмтёс. Соос пёлын удмурт кылшыкысысь усьыса кылемын-вугэмьн тачёосыз (пуштроссэ валэктон выльысь котыкуд кылэз зуче берыктыса сёттёском).

Базак «крохаль» (птица типа утки); *бурдо* «птица»; *уар* ~ *вар* «раб, слуга»; *уад* «выдра»; *мый виз* «бровная струя» < *мый* «бобр» + *виз* «поток, стремнина, струя»; *низь* ~ *нйзь* «соболь»; *курел* «рысь»; *музьем ош* «мамонт»; *потон пал* «всход»; *пуксён пал* «запад»; *пулэ* «летяга (белка)»; *пушко* «желудок»; *куакатут, куакатуд* (Соколов, Туганаев) «чибис». *Пуд* кыл туал а кылын уг ни куттёскы; *зар* «пояс (широкий тканый пояс)»; *силь* «шея». Али куттёське *сильсёор* кылын

пинэ; *сьод быж* «горноста́й»; *сильвир* «тело, плоть, мускулатура»; *шалытко* ~ *шалыкко* «налим»; *чунчы* «крот», али *мудйсьшыр* шуо ни.

Д. Г. Мессершмидтлэн дневниказ *воргорон* кылын артысь пыртэмын на *нин-горон* кышномурт значениен кыл. В. В. Напольскиллэн валэктэмезья, *горон* кыл пörмемезья кыче ке индоиран кылысь асэгэмьш. *Нингорон* кыллэн *нин* люкетэз но вашкала огья перм кыл луэ.

Д. Г. Мессершмидтлэн дневниказ вашкала удмуртёслэн тунсыко лылъясь-конзы гожтэмын на. Вашкалаос тазы лылъяськиллям:

200 — кык но сю;

2000 — кык сю но сюрс;

500 — вигь но сю;

29 — кыз окмыс;

20 000 000 — кызь сюр(ы)с сюрс;

90 — окмыс-дон;

90 000 — окмыс-дон сюрс;

99 000 — окмыс-дон окмыс сюрс;

100 000 — сю но сюрс;

1000 000 — сюр(ы)с сюрс.

Али та выллем лылъясько на Киров улосвылысь Слободской удмуртёс гинэ. Мон экспедициын ветлыкум. Светлозареве гуртысь пересь кышно-муртлэсь юасько: «Кöня арес ни тйледлы?» Со шуэ: мыным, не, кыкйамыс дас но кык арес (82 арес).

Д. Г. Мессершмидтлэн дневниказ 361 удмурт кылтёс гожтэмын. Та кыл-люкам удмурт кылын самой вашкалаез кыин гожтэм синпельмет луэ. Та дорозь самой нырысетйез синпельмет шуо вал Страленбергтэсь 19 пумо гожтэм кылтёссэ. Со печатламын вал 1730-тй арын.

Удмурт кыллэн кылышысьсыз вуноэм-ышем кылтёс пумисько озы ик Т. И. Тепляшиналэн «Памятники удмуртской письменности XVIII века» (Вып. первый. М., 1966) книгаяз но. Та книгаын печатламын 10 пумо вашкала синпельметёс. Соос люкамын Ленинградьсь (Санкт-Петербургсь), Горькийсь (Нижний Новгородсь), Москваьсь но мукет карьёсьсь библиотекаосын но Наукаслэн академиосазы возиськись архивёсьсь но кылем даурёсы печатлам ужтёсьсь.

Соосты гожъяллям XVIII дауре улэм но ужам тодосчиос-энциклопедисттёс Страленберг, Миллер, Фишер, Паллас, Фальк, кудтёсьз Петр I но Екатерина II экзэйёс кивалтыку, Волга но Сибирь улосвылёттй ветлыса, трос пöртэм калыктёслэн улэм-вылэмзы, вераськон кылтёссы, ваньбур узырлыкёссы сырьс материал люкаллям. Соос пöлын пумисько трос гинэ удмурт кылтёс но. Уलयн сётйськом удмурт кылышысьсь туалал вераськоннын кутйськысьтэм вуноэм кылтёссты гинэ.

Даспуй «тысяча»; *айвын* «род»; *куболо* «запись»; *кошкы* «коробница»; *вар* «слуга, раб»; *таулу* «мордва»; *карындык* «оконница, оконная рама»; *чужы* «стерлядь»; *кедйсько* «холодего, зябну»; *суй гыр* «локоть»; *кванем* «айст»; *бекра* «осетр»; *корптась* «латы»; *канделемь* «свидетель»; *шö* «знак, сообщение»; *юси* «сердечная горечь, скорбь»; *кукчаськыны* «божиться, дать клятву»; *пычкыль*

«горячка»; *суй куй* «лопатка» (кость); *сюмы* «плешь»; *толмач* «переводчик»; *толмачъяны* «переводить»; *астыны* «подвигать к себе»; *виздым* «доброта, добро, качество»; *курок* «разбойник»; *куроканы* «разбойничать, грабить»; *меч-кешь* «крутой»; *ябы* «рогожа»; *яды* «сила».

Выйиын сётэм кыльёс туалал вераськонын уг ни кутйсько. Тросэз соос вунйллям-ышиллям со кыльёсын нимам предметъёс-арбериос асьсэос улонь, ужын кутйськымтээн яке со валанэз возьматйсь кыльёс мукет кылын воштыськемен. Тани басьтом *чужы* «стерлидь», *бекра* «белуга» кыльёсты. Та чорыгъёс вазен Удмурт улосысь шуръёсын уло вылэм. Табере соос уг ни пумисько, Камаын сяна. Озы ик *толмач*, *канделем* кыльёс но. Вашкала дыръя удмуртгёс бигер но зуч кыльёсты уг тодо, уг валало вал. Соин ик лыктэм калыкъёс събразы *толмачъёсты* (берыктйсьёсты), *канделемъёсты* (тодйсь-адзйтысьёсты) събразы басьтоно луо вылэм. Али удмуртгёс бускель кыльёсты тодо. Соин сыће кыльёсты но кулэ уг ни каро. Пёртэм ужан тйрлыкъёслэн, посудаослэн нимъёсынызы озы ик луэмын. Али туйлэсь, пулэсь, кулэсь лэсьтэм арбериос улонь шер пумисько ни, кылсярысь: *вутон*, *шалкко*, *сеныс*, *туйыс*, *дурсы* но мукет. Улонь соос уг кутйсько ни, вильёс уг лэсьтысько ни бере, вераськон кылысь но со валанэз возьматйсь кыльёс вуно, ышо.

Туала лигература кылын архаизмъёс пблысь ёмесиес пумисько вужмись но вужмем кыльёс. Т.К. Борисовлэсь «Удмурт кыллюкам» (1932) словарьз эскерысь, ми отысь висъямы ол 4500 пала вужмыны кутскись (вужмись) но вужмем кыльёсты. Соосты ми висъямы 25 пумо темаен кыльёслы. Соос герзаськемын удмуртгёслэн вашкала дыръёсы кылдытэм тйрлыкъёсынызы, ужан, пбйшуран, чорыган, гырон-кизён, лэсьтйськон, вузкарон, вбсьськон, оскон, кылан-буран удысьсёсэс нимас кылъёсынызы: *чумон* «коробка берестяная», *кисепуйы* «кошелёк», *урдэк* «самодельное сукно», *веньдос* «нарва», *каска* «лоток», *межи* «вилы», *эро* «с перекладной», *кучы* «сложенные дрова», *воры* «колосники», *кусул* «вицы, закрепление кольев», *пбл* «процент», *шыры* «пустой колос», *укто* «вошина», *кузьырет* ~ *чудьыс* «завитушка женских волос», *кенмень* «невестка, сноха», *сизем* «пожертвование», *лыосур* «праздник в честь хвойной зелени», *восмица* «оспа», *кузь-сюзён* «судорога», *вожожыл мадён* «сказка», *чарак боды* «дубина» но мукет.

Т.К. Борисовлэн кыллюкамаз пыртэм вашкала, чылкак удмурт кыльёслэн огъя лыдыз туж трос. Соос нимысьтыз эскеремез кулэ каро.

Йылпумъяса тазы вераны луоно. XVIII-XIX-тй дауръёсы XX-тй даурлэн кутсконаз гожтэм-печатлам кыллюкамъёсын трос пумисько на чылкак удмурт луысь лексика. Тросэз соос вужмись, яке вужмем кыльёс луо. Куд-огез соос, тужгес ик пбйшур, чорыг, будос, сясыка, огъя валанэз, осконъёсыз, висён нимъёсыз, инты нимъёсты возьматйсь кыльёс луо. Соосты ёмись зуч кыльёсын воштыса верало. Милям малпамъяса, соосты вильысь улзгытоно но удмурт кыллэн кылшыкысаз пыртыны тыршоно. Соос чотын литература кылмы трослы узырмоз, вераськон кылмы но чылкытгес, чебергес луоз. Луэмезъя соосты асьсэ ужазы мед кутысалзы удмурт писательёс, газет, журнал поттйсьёс, кылчиос но мукетъёсыз литература но лулчеберет бордын ужасёс.

В.М. ВАНЮШЕВ,
доктор филологических наук, профессор.

ПОЭМА «КЫК ВЫНЬЁС» **(«ДВА БРАТА»)**

ПЕРВОЕ КРУПНОЖАНРОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ СТЕПАНА ШИРОБОКОВА:
ИСТОРИЯ ТЕКСТА И ФОРМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Степан Павлович Ширококов (1912–1983) известен как поэт и драматург. Есть у него и прозаические произведения. Забегая вперед, скажем: все эти особенности творческого дарования проявились в его первом крупножанровом произведении – в поэме «Кык выньёс» («Два брата»), появившейся в виде отдельной книги в 1946 году и занимающей особое место в творчестве писателя. Это была его вторая поэтическая книга. Первая вышла сразу после окончания Великой Отечественной войны советского народа, в 1945 году. В нее вошли стихотворения, написанные, как можно сказать, в окопах войны. Сборник стихотворений так и называется – «Ож лудын» («На полях сражений»). Многие из них впоследствии были включены в изданный в 1958 году сборник «Мед чирдозы учёюс» («Пусть поют соловьи»), где они датированы автором, обозначено время, а иногда и место написания: 1942, 1943 – Украина, 1944 – Болгария, 1945 – Будапешт. Указаны время и место написания и самой поэмы: «Болгария – Венгрия. 1944–1945». Стихотворения, вошедшие в первый сборник, по сути составили основу и лиро-эпического и этико-философского содержания поэмы «Кык выньёс». Одно из них, как и вся книга, называется «Ож лудын» («На полях сражений»). Оно явилось как бы тезисным изложением лирического и эпического сюжетов будущей поэмы. А такие стихотворения, как «Арган» («Гармонь»), «Кышноослы» («Женщинам»), «Сьбд синьёс» («Черные глаза»), «Солдатлэн малпаньёсыз» («Думы солдата»), «Боецлэн быремез» («Гибель бойца») и своим эмоциональным тоном, и лирическими ситуациями почти полностью вошли в поэму, составили основу ее сюжетной канвы, ее лиро-эпического содержания. Они явились как бы эскизами к будущему большому полотну. Впоследствии такой метод успешно использовал Геннадий Красильников. Перед тем, как создать свою повесть «Тонэн кылисько» («Остаю с тобой»), роман «Арлэн кутсконэз» («Начало года»), многие этико-философские аспекты, характеры и обстоятельства, внутренние и межличностные конфликтные ситуации будущих крупножанровых произведений он осмысливал в ряде рассказов.

Таким образом, замысел и даже созидание первого крупножанрового поэтического произведения Степана Ширококова относится к годам Великой Отечественной войны. Концептуальным содержанием поэмы являются **лирические переживания** как основного субъекта речи, т.е. автора-повествователя, во многом совпадающего с биографическим автором, так и героев ее – людей, счастливая трудовая жизнь которых была прервана вероломным нападением фашистской Германии, их стремление одолеть врага, единение народа

на основе общей и важнейшей цели, горечь утрат и, наконец, радость Победы.

Поэма «Кык выньёс» – лиро-эпическое произведение. Иногда я спрашиваю у студентов: «Как вы думаете, что здесь превалирует – лирическое или эпическое начало?» И они, как правило, не задумываясь, отвечают: «Эпическое, конечно, здесь ведь изображены события!» **Конечно, в поэме присутствует эпический сюжет.** Однако много ли событий мы здесь наблюдаем? Совсем чуть-чуть показана довоенная счастливая трудовая жизнь героев, их любовь. А затем уже – проводы двух братьев, Владимира и Тимофея, на фронт, а там – всего лишь несколько картин в промежутках между боями, сообщение о гибели Тимофея, и завершается поэма победой советского народа и возвращением Владимира домой. **В поэме превалирует лирическая струя.** Для тех, кто не привык вчитываться в текст, наблюдать за особенностями повествования, внутреннего построения произведения, а гонится лишь за действием, эпическим сюжетом, многие лирические микросюжеты могут показаться излишними, задерживающими динамику чтения и восприятия прочитанного. Для того, чтобы читать лирику, необходима определенная читательская подготовленность, особенно для восприятия таких лиро-эпических произведений, в которых лирические переживания составляют основу их содержания, как, например, в данной поэме.

В поэме немало лирических отступлений, идущих от самого автора-повествователя, участника Великой Отечественной войны, которые и сложились первоначально в его стихотворениях, написанных на местах сражений и вошедших в сборник «Ож лудын». В них выражены мысли и чувства по всем тем аспектам концептуального содержания произведения, о которых мы сказали выше.

Переживания такого же содержания выражены в многочисленных монологах героев, в том числе и в таком своеобразном виде монолога, как письмо любимой девушке с фронта, в многочисленных фрагментах несобственно-прямой речи, где мысли и чувства героев и повествователя сливаются воедино, а также в песнях, исполняемых по ходу действия персонажами поэмы.

Как известно, драматический род литературы включает в себя признаки и эпоса, и лирики. Эпические черты в драме проявляются в действии, а лирические – в лирических переживаниях. Поскольку повествование **в драматическом произведении**, помимо незначительных по объему ремарок автора, идет **в виде реплик и монологов** персонажей, то именно в этих коммуникативных формах речи, по-своему переплетаясь и соединяясь, развивается и эпический, и лирический сюжеты, другими словами – развертываются и действие, и лирические переживания.

В поэме «Кык выньёс» **немало фрагментов именно такой формы повествования.** Они представляют собой как бы готовые сюжеты для постановки на сцене. К ним возможно отнести прежде всего массовые сцены с многоголосьем собравшихся людей во время проводов на фронт Владимира и Тимофея, а затем – во время встречи первого из них после войны. Наиболее ярким фрагментом в этом отношении является сцена привала первого взвода на берегу Дуная, во время которого Владимир берет в руки гармонию и под ее звуки поет-наговаривает свои вольные мысли и чувства, которые ведут его в родные

прикамские края, к родным и любимым людям, и вновь возвращают к отдыхающим вместе с ним боевым товарищам, к нелегкому и опасному ежедневному труду солдат – защитников Родины... Но вот Владимир откладывает гармонию и начинает рассказывать отдыхающим товарищам о том, как он и его брат Тимофей были тяжело ранены во время одного из боев на берегу Волги, как потом, очнувшись от болевого шока, обнаружили, что они оказались в одной госпитали, что за ними ухаживает одна и та же молодая медицинская сестра... Уйма тяжелых воспоминаний, уйма эмоций... Столько и эпического, и лирического микросюжетов в этом монологе солдата! Персонаж, по сути являющийся вторичным субъектом речи, представляет слово другим персонажам – медсестре, брату Тимофею, а тот еще вспоминает диалог с любимой девушкой во сне... В поэме, таким образом, присутствует многоступенчатая субъектная форма организации повествования. Как полагается в драме, здесь одновременно разворачиваются и действие, и лирические переживания. **Многосубъектность** сознания и речи создает богатую **полифонию чувств и мыслей**.

Так **все три рода литературы** явственно проявляют себя в повествовательной структуре поэмы. Можно даже сказать, что в ней обнаруживается еще некий жанровый или родовый синкретизм. В авторе поэмы чувствуется еще не реализовавший себя драматург.

Драматургические черты особенно сильно проявляют себя в первом варианте поэмы, в издании 1946 года, где в сценах диалогов присутствуют и авторские ремарки, представляющие слово то одному, то другому персонажу. Впоследствии драматург Степан Ширококов четко «отпочковался» от Ширококова – автора поэм. На сцене Удмуртского драматического театра с успехом шли спектакли по его пьесам «Чукдор» («У волка своя тропа»), «Яратон ке ёвёл» («Если нет любви»), «Ой, чебер нылъёс» («Ой, девушки-красавицы»). Спектакль «Ой, чебер нылъёс» находится в репертуаре театра и в этом сезоне.

Возвращаясь к теме истории текста, следует сказать, что поэма также включена в сборник «Мед чирдозы учёюс», однако в несколько переработанном виде, в чем обнаруживаются, на наш взгляд, и плюсы, и минусы, идущие то ли от самого автора, то ли от литературного редактора Гая Сабитова. Улучшено построение отдельных фраз, строк, сокращены некоторые, может быть, необязательные сцены. Однако как раз в сокращениях обнаруживаются и некоторые потери. Так, в сцене свидания Тимофея и Маши перед началом войны, на наш взгляд, неоправданно оказалась убранный лирическая картина тихой, по-своему скромной и в то же время прекрасной природы Прикамья, так созвучной с любовными переживаниями героев. В заключительной главе убрана сцена встречи Владимира с односельчанами, которой так недостает во втором варианте. Вместе с ней потерялось и возвращение в родные края погибшего в бою Тимофея в виде памяти о нем: в первом варианте, опубликованном в книге 1946 года, собравшиеся на встречу Владимира поют песню, которую любил Тимофей до войны.

Поэма тем и занимает особое место в творчестве Степана Ширококова, что она явилась первой ласточкой, которая явственно сообщила читающей публике о разносторонних дарованиях писателя.

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ, СОЗДАННОЙ В 1920-30 ГОДЫ

Удмуртский язык относится к языкам с небольшой дореволюционной письменной традицией. Первая научная грамматика была издана в 1775 году, а более крупные письменные памятники стали появляться лишь в середине и в конце XIX века. В основном, это была религиозная литература, книги для чтения, фольклорные материалы, перевод и издание которых осуществлялось на разных диалектах удмуртского языка. И лишь в 20-30-е годы XX века на базе диалектов возникает единый литературный язык. Именно в этот период передовая интеллигенция начинает работу над повышением статуса удмуртского языка, чтобы удмуртский язык имел не бытовой, а общественный уровень.

Так, в 1925 году в особой комиссии Президиума Удмуртского Облсполкома было принято решение о создании комиссии по реализации удмуртского языка («Рудья»). В состав этой комиссии были включены известные общественно-политические деятели, писатели, ученые: Михаил Ильин, Яков Ильин, Трофим Борисов, Кедра Мигрей, Прокопий Горохов, Константин Баушев, Кузубай Герд, Семен Жуйков, Иван Михеев, Иван Яковлев, Игнатий Дмитриев-Кельда.

В число основных задач комиссии «Рудья» входило внедрение удмуртского языка в делопроизводство, проведение дискуссий по вопросам правописания и языка, создание кашчелярской, судебной и другой отраслевой терминологической лексики, наблюдение по их употреблению. Именно в этой комиссии в 1927 году впервые в истории удмуртского языка был принят официальный документ о нормах удмуртского правописания (по Куликову, 1997: 51-53, 46-53). Но из-за репрессий 30-х годов многие задачи комиссии «Рудья» остались непретворенными в жизнь.

Благодаря деятельности комиссии «Рудья» на страницах газет и журналов была развернута работа по внедрению новых слов и терминов в литературный язык.

Создаваемая терминологическая лексика успешно употреблялась в

учебниках и учебных пособиях. Так были созданы целые системы грамматических, лингвистических, литературоведческих, экономических и других отраслевых терминов. В частности, из области литературоведения мы можем выделить следующие новообразования: *рождэм кылбурет* 'письменная литература', *чеберьыко кылбурет* 'художественная литература', *кылбурчи* 'поэт', *кылбур* 'стихотворение' и т.д.

В 20-е годы большое внимание начинает уделяться также проблеме обучения грамоте и воспитания удмуртских детей. Следовательно, это привело к образованию отраслевой лексики, связанной с образованием и воспитанием. Например: *пыльцуётён уж* 'педагогика', *кӧкыкорка* 'детские ясли', *пуньдыр* 'детство' и т.д.

Возникают новые термины и в области лингвистики: *кылвай* 'диалект', *кыл-ез* 'слог', *бадӱым кыл* 'подлежащее', *сямним* 'наречие' и т.д.

Значительную часть неологизмов 20-30-х годов составляют общественно-политические и экономические термины, например: *ваньбурез жӱкатон уж* 'режим экономики', *кузёё улон кул* 'буржуазное государство', *шоретӱ кар* 'столица', *лун кондон* 'госбюджет', *ваньбурлык* 'экономикка', *кунгож* 'граница' и т.д.

Одним из важнейших задач в послереволюционные годы было развитие промышленности и сельского хозяйства. В связи с этим в лексике удмуртского языка появились следующие слова и словосочетания: *машина поттон ваньбур пуктон уж* 'индустриализация', *тыла лӧсьтон завод* 'силикатная промышленность', *уждун, ужсам дун, нуналмед* 'зарплата, жалование', *валтэм уробо* 'автомобиль', *днерлык* 'промышленность' и т.д.

Обращаясь к способам образования новых слов и терминов в 20-30-е годы, нужно отметить, что наиболее продуктивным способом являлось калькирование с других языков. Особенно большое внимание этому способу уделял известный удмуртский поэт, общественный деятель Кузбей Герд. Свои идеи, предложения по обогащению словарного состава удмуртского языка он опубликовал в № 3-4 журнала «Кенеш» за 1926 год и в № 15 за 1928 год. Им было предложено около 300 новых слов. Так, в работе «Суомни (финн) кыл сярьыс но удмурт кыл сярьыс» (Кенеш, № 3-4, 1926) он рассматривает структуру нескольких финских слов и предлагает создавать новую терминологическую лексику в удмуртском языке по образцу этих слов. Например, этнография — *калыктодон* (> фин. *kansa / tiede*, где *kansa* 'народ', *tiede* 'знание'); дискуссия — *кылож* (> фин. *sana / sota*, где *sana* 'слово', *sota* 'война'); этимология — *кылятодон* (> фин. *sana / oppi*, где *sana* 'слово', *oppi* 'учение'); телеграмма — *езивор*; стопа в стихе — *кылбурныд* и т.д.

Среди терминов, предложенных Кузбеем Гердом, много дословных переводов и с русского языка, например: *вупӧйшур* 'водяное животное', *данонин* 'почетное звание', *интыл* 'небесный огонь', *калык-кыл* 'народный язык', *аж-мутус* 'военная карта' и др.

Большое место в словообразовании 20-30-х годов занимает и синтаксико-морфологический способ. В вышеназванной работе К. Герд также отмечал, что удмуртский язык относится к агглютинативным языкам и эта возможность склеивания основ, по Герду, даст большие перспективы при обра-

зовании новых слов и терминов. Мы можем выделить следующие слова, образованные данным способом: *кылбур* 'стихотворение', *вӧськыл* 'молитва', *инкуазь* 'природа', *нимкыл* 'термин', *книганям* 'заглавие', *юртбур* 'хозяйство', *крэзьбур* 'музыка' и т.д. К этому же способу словообразования относим словосочетания, значение которых соотносится с одним словом, например: *дышетон сюрес* 'метод', *куари нус* 'буква', *кыл эгес* 'правило', *йыр кыл* 'сказуемое', *лэсьтымтэ вуз* 'сырьё', *валтэм уробо* 'автомобиль', *огазясъкыса музъем ужан* 'коллективизация', *изэн вӧлдэм сюрес* 'шоссе', *улэн сульдэр* 'кино' и г.д. Как видно из примеров, среди терминов есть как одно-, двухкомпонентные, так и поликомпонентные.

Жизнь наглядно показывает, что указанные многокомпонентные термины не закрепляются в лексической структуре языка из-за их громоздкости.

Продуктивным способом словообразования в 20-30-е годы является также морфологический способ, а именно суффиксация. Наиболее часто употребляемыми суффиксами являются:

-эт: *курет* 'прошение', *кыткет* 'упряжь', *валэктэт* 'разъяснение, инст- рукция', *кылбурет* 'литература', *гожетэт* 'письмо', *пугет* 'отметка';

-ос: *гожетос* 'сочинение', *верос* 'рассказ', *улос* 'область', *эштос* 'товари- шество' и г.д.;

-лык: *азыланлык* 'будущее', *дышмонлык* 'вражда', *данлык* 'почесть, доблесть', *бнерлык* 'промышленность', *утёнлык* 'воспитание', *улолык* 'количество';

-чи: *ужчи* 'рабочий', *пудочи* 'пастух';

-он: *тодон* 'знание'.

В конце 1930-х годов, а именно после первой Республиканской языко-ведческой конференции, процесс обогащения словарного состава неологизмами был намного ослаблен. Вместо многих удмуртских слов в боль- шом количестве стали употреблять русские слова. Несмотря на это, ряд новых слов, созданных в 20-30-е годы закрепились в литературном языке, например: *кылбур* 'стихотворение', *верос* 'рассказ', *кылбурчи* 'поэт', *кунгож* 'граница', *инкуазь* 'природа' и др.

Литература

1. Вопросы терминологии и переводов. Ижевск, 1938. 43 с.
2. Герд К. Виль удмурт кылтэс // Кенеш. 1928. № 15. С. 19–21.
3. Герд К. Суоми (фини) кыл сярсь по удмурт кыл сярсь // Кенеш. 1926. № 3–4. С. 37–41.
4. Куликов К. И. «Рудья» но со дырысь былэстымтэ ужпумтэс // Кенеш. 1997. № 6. С. 51–53. № 7. С. 46–53.
5. Тараканов И. В. Возникновение, развитие удмуртского литературного языка и пути обогащения его лексики в современную эпоху // Бюллетень № 1 / Республ. терм.-орфогр. комиссия по умл. языку при Прелсел. Гос. Сов. Удм. Респ. Ижевск, 1998. С. 108–117.
6. Тараканов И. В. Использование калькирования как словообразова- тельного средства в различные периоды развития удмуртского языка // Та- раканов И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: Сбор- ник статей: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 316–321.

МИЛЯМ ЮБИЛЯРМЫ

Р.И. ЯШИНА. Улытояз азьворттысь	3
Михаил АТАМАНОВ. Айкак шаерын вордиськем дышетйсе	6
Е.Ф. ВАСИЛЬЕВА, А.А. СОСАЕВА. Яркая личность	9
ТОДОСЧИ ЭСКЕРЕ	
А.Ф. ШУТОВ. О трансформационной природе удмуртских предложений	12
Т.И. ЗАЙЦЕВА. А.Перевозчиковлэсь «Чулпон» книгагэ чаклан-эскерон	14
С.Т. АРЕКЕЕВА. Природа в поэзии Кузубая Герда	17
Г.А. ГЛУХОВА. Терминология удмуртского ряженья как элемент языковой картины мира этноса	24
А.А. АЛАШЕЕВА. Нимвоштос выллем сямкыльёс	33
Н.В. КОНДРАТЬЕВА. К проблеме понудительного залога в удмуртском языке	35
А.А. ШИБАНОВ. Структурные типы наречно-изобразительных и звукоподражательных слов	39
Д.А. ЕФРЕМОВ. О случаях полного согласования имени прилагательного с определяемым словом в удмуртском языке	45
В.К. КЕЛЬМАКОВ. Некоторые размышления о языке и стиле газеты «Удмурт дунне»	48
Е.Б. БЕЛОВА. О вторичности аффрикат в удмуртском языке	62
Н.П. ЯМАЕВА. Элементы постмодернистской комики в романе С.Матвеева «Шузи»	70
Л.М. ИВШИН. Вашкала синпельметъёс	81
Е.А. БУЛЫЧЕВА. Модальность – один из предикативных признаков предложения	83
И.В. ТАРАКАНОВ. Вунэм-ышем но вужмем кыльёс сярысь малпанъёс	84
В.М. ВАНЮШЕВ. Поэма «Кык вынъёс» («Два брата»)	88
С.В. ГЕРАСИМОВА. О терминологической лексике в удмуртском языке, созданной в 1920-30 годы	91
Вашим детям предлагает трикотажная фабрика «Сактон»	95
К вниманию выпускников школ, старшеклассников и их родителей!	96
«ВОРДСКЕМ КЫЛЛЭН» КНИЖКАЕЗ	
Ульфат БАДРЕТДИНОВ. Сергей-бергей. Пичиослы верос. ВЫЛБАМЪЁСЫН	
«Сактон» трикотажной фабрикалэн нылпиослы дйсьёсыз. (1-тй бам.)	
Сюлмысь зечкыласком. Туслуктәмъёс. (2-тй бам.)	
Дышетскыны ёте Россиысь юридической академия. (3-тй бам.)	
К.В. СЕМЕНОВ. Шудо егит дыр! Фотосуред. (4-тй бам.)	